

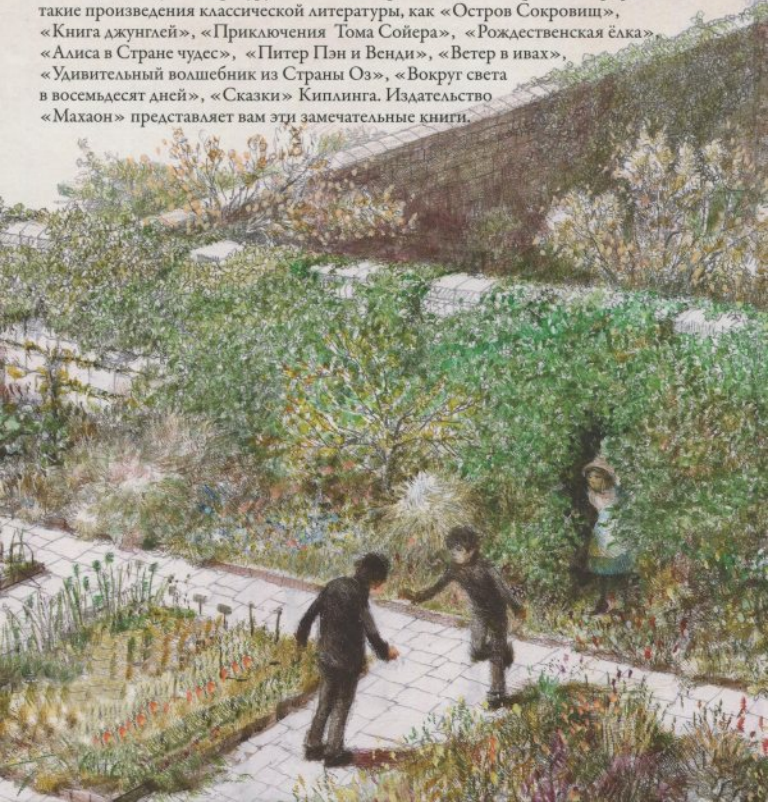

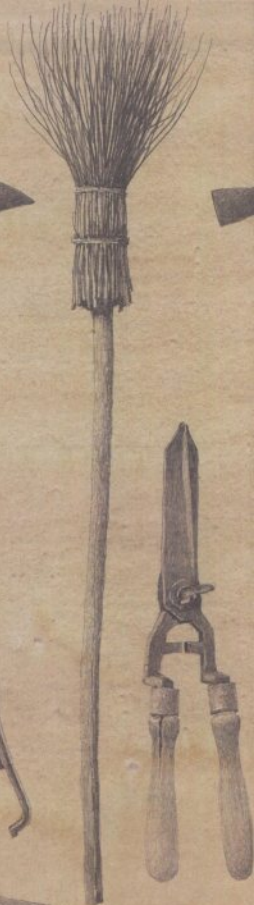
Фрэнсис
Бёрнетт

Таинственный сад

Иллюстрации Роберта Инглена

Знаменитая повесть англо-американской писательницы Ф. Х. Бёрнетт о девочке-сироте Мэри Леннокс обрела в этом издании новую жизнь благодаря великолепным иллюстрациям австралийского художника Роберта Ингпена. Он получил всемирную известность как автор и иллюстратор более сотни различных книг. В 1986 году Р. Ингпен был удостоен Международной премии имени Х. К. Андерсена за вклад в детскую литературу. В последнее время Р. Ингпен проиллюстрировал такие произведения классической литературы, как «Остров Сокровищ», «Книга джунглей», «Приключения Тома Сойера», «Рождественская ёлка», «Алиса в Стране чудес», «Питер Пэн и Венди», «Ветер в ивах», «Удивительный волшебник из Страны Оз», «Вокруг света в восемьдесят дней», «Сказки» Киплинга. Издательство «Махаон» представляет вам эти замечательные книги.

Таинственный
сад

Фрэнсис
Бёрнетт
Таинственный
сад

Повесть

Перевод с английского
Нины Демуровой

Иллюстрации
Роберта Инглена

Москва
«Махаон»
2014

УДК 821.111-31-93
ББК 84 (4 Вел)
Б51

Frances Hodgson Burnett
THE SECRET GARDEN

Перевод с английского
Нины Демуровой

Бёрнетт Ф.

Б51 Таинственный сад: Повесть / Пер. с англ. Н. Демуровой; Худож. Р. Ингпен. – М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2014. – 264 с.: ил.

ISBN 978-5-389-02833-3 (рус.)

ISBN 978-1-84877-446-9 (англ.)

Повесть знаменитой англо-американской писательницы Ф. Бёрнетт «Таинственный сад» – одна из самых любимых детьми всего мира. В ней рассказывается о судьбе осиротевшей девочки Мэри Леннокс, которая живёт в доме дяди и чувствует себя очень одинокой. Пытаясь привыкнуть к новому окружению, болезненная, слабая девочка часто выходит на прогулки возле дома. Однажды она находит ключ от тайного сада, который пролежал в земле десять лет, – и перед ней распахивается целый мир. Мэри обретает друзей, которые вместе с ней преобразуются, по мере того как сад открывает им свои секреты.

Книга выпущена к столетию первой публикации и имеет все достоинства юбилейного издания, главное из них – замечательные иллюстрации всемирно известного художника.

УДК 821.111-31-93
ББК 84 (4Вел)

© Н. М. Демурова, перевод на русский язык, 2014
© Illustrations copyright (2010) Robert Ingpen
Created by Palazzo Editions LTD, Bath, United Kingdom
© Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
Machaon®

ISBN 978-5-389-02833-3 (рус.)
ISBN 978-1-84877-446-9 (англ.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Об авторе (перевод М. Лахути)</i>	6
<i>Глава 1. «Никого не осталось...»</i>	8
<i>Глава 2. «Мистрис Мэри»</i>	14
<i>Глава 3. Через вересковую пустошь</i>	22
<i>Глава 4. Марта</i>	28
<i>Глава 5. Плач в коридоре</i>	45
<i>Глава 6. «Там кто-то плакал... плакал!»</i>	52
<i>Глава 7. Ключ от сада</i>	60
<i>Глава 8. Крылатая проводница</i>	67
<i>Глава 9. «До чего странный дом!»</i>	78
<i>Глава 10. Дикон</i>	87
<i>Глава 11. «Неужто я бы тебя выдал?»</i>	100
<i>Глава 12. «А можно мне немного земли?»</i>	107
<i>Глава 13. «Я – Колин!»</i>	116
<i>Глава 14. Юный раджа</i>	129
<i>Глава 15. «Мы тоже гнездо вьём!..»</i>	140
<i>Глава 16. «Ни за что!» – сказала Мэри</i>	152
<i>Глава 17. Истерика</i>	160
<i>Глава 18. «Больше ждать нельзя!»</i>	167
<i>Глава 19. «Она пришла!»</i>	174
<i>Глава 20. «Я буду жить, и жить вечно!»</i>	185
<i>Глава 21. Бен Везерстаф</i>	193
<i>Глава 22. Когда солнце зашло</i>	202
<i>Глава 23. Магия</i>	208
<i>Глава 24. «Пусть себе смеются...»</i>	220
<i>Глава 25. «Почему эта шторка отдёргнута?»</i>	231
<i>Глава 26. «Это матушка!»</i>	238
<i>Глава 27. В саду</i>	248
<i>От художника (перевод М. Лахути)</i>	263

ОБ АВТОРЕ

Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт родилась 24 ноября 1849 года в английском городе Манчестере. Она была третьим ребёнком в семье, в которой росли пятеро детей. Её отец, Эдвин, был преуспевающим владельцем магазина мебели и предметов интерьера, однако жизнь состоятельной семьи резко изменилась после внезапной смерти Эдвина от удара в 1852 году. В то время Фрэнсис было всего три года. Мать, Элиза, прилагала все силы, чтобы магазин продолжал работать. Несмотря на трудности, Фрэнсис, насколько нам известно, росла жизнерадостной девочкой с богатым воображением. В семь лет она начала сочинять стихи и рассказы, её историями заслушивались одноклассники. К тому времени как Фрэнсис стала подростком, экономика Манчестера, опиравшаяся главным образом на хлопчатобумажную промышленность, пришла в упадок. Семья осталась почти без средств к существованию и в 1865 году эмигрировала в Америку, где поселилась в бревенчатом домике близ Ноксвилла (штат Теннесси).

В надежде заработать денег для семьи Фрэнсис отправила свои рассказы в разные журналы. В 1868 году, когда ей было всего восемнадцать лет, два её рассказа приняли к публикации в самом популярном журнале того времени – «Дамское чтение Гоуди» (*Godey's Lady's Book*). Вскоре писательство стало приносить постоянный доход. Фрэнсис писала по несколько рассказов в месяц, издавались они в журнале Гоуди и в других известных журналах, таких как «Харперс Базар» и «Скрибнерс Мансли». Рассказы пользовались огромной популярностью, так как в них романтически-сентиментальный сюжет сочетался с реалистическим изображением трудовой жизни небогатых слоёв общества.

В 1873 году Фрэнсис вышла замуж за друга семьи доктора Свана Бёрнетта. У них родились двое сыновей Лайонел и Вивиан (первый – в 1874 году, второй – в 1876 году) в Париже, где доктор Сван продолжил своё медицинское образование. В этот период Фрэнсис много и напряжённо работает, чтобы содержать семью во время учёбы мужа. Затем они вернулись в США, сначала поселились в Вашингтоне, а позднее переехали в Нью-Йорк. В 1877 году вышла в свет первая повесть Фрэнсис Бёрнетт «Девочка О'Лауризм» – романтическая история о девушке, работавшей на угольной шахте в Ланкашире. Критики положительно отзывались об этой книге,

сравнивая её с произведениями Элизабет Гаскелл и Шарлотты Бронте. За первой повестью последовали другие, тоже ставшие популярными. У Фрэнсис Бёрнетт начала складываться солидная репутация в литературе. Успех закрепил выход в свет в 1886 году её первой детской книги «Маленький лорд Фаунтлерой». Книга разошлась общим тиражом более полумиллиона экземпляров и вызвала к жизни моду на длинные кудри и бархатные костюмчики с кружевными воротниками для мальчиков. Фрэнсис сама переделала повесть для сцены. Пьеса имела громадный успех. В 1888 году писательница добилась в суде признания своих прав на театральные постановки по её книге, установив тем самым прецедент: по британским законам это означало, что и другие авторы смогут добиваться прекращения незаконных постановок по своим произведениям.

Книги Бёрнетт стали известны во всём мире. Она вращалась в литературных кругах и могла позволить себе роскошный образ жизни. Однако слава приносила и негативные последствия. Многие критиковали произведения писательницы, о ней ходило много сплетен, поскольку в те времена для женщины было необычно зарабатывать на жизнь наравне с мужчиной и часто надолго уезжать от мужа и детей. Чем известнее становилась Фрэнсис Бёрнетт, тем чаще она болела и впадала в депрессию – возможно, тому виной чересчур напряжённая работа. В 1890 году от чахотки умер её любимый старший сын Лайонел. Убитая горем писательница в поисках утешения обратилась к спиритизму, теософии и «Христианской науке». Позаимствованные из этих учений идеи о целительных возможностях разума отразились в её произведениях. В семье возник разлад, муж и жена всё больше времени проводили раздельно и в 1898 году развелись.

После развода Фрэнсис сняла внаём загородный дом в Англии, вела уединённую жизнь, много работала и увлечённо занималась садоводством. Здесь она сочинила свою главную книгу, не потерявшую популярности до наших дней, – «Таинственный сад». Опубликованную в 1911 году историю о капризной болезненной девочке Мэри Леннокс, преобразившейся под влиянием заброшенного сада, взмахлб читали дети и взрослые во всей Европе и Северной Америке.

В этот период Фрэнсис Бёрнетт написала много книг, в том числе ещё одну классическую повесть для детей «Маленькая принцесса» (1905), переработанный вариант более ранней своей книги «Сара Крю». Затем писательница вернулась в Америку и продолжала писать вплоть до своей смерти 29 октября 1924 года. Ей было 74 года. Могила Фрэнсис Бёрнетт находится в деревушке Пландом (штат Нью-Йорк), рядом похоронен её сын Вивиан и установлен памятник Лайонелу.

Писательский талант Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт, нестареющие темы и любовь к детям подарили её книгам долгую жизнь. На протяжении многих десятилетий их продолжают издавать, ставят по ним пьесы, снимают фильмы, ими восхищаются читатели и зрители нескольких поколений.

ГЛАВА 1

«Никого не осталось...»

Куркума ароматная (Curcuma aromatica)

Когда Мэри Леннокс прислали к дядюшке в усадьбу Мисселтвейт, все нашли, что выглядит она просто ужасно. Так оно и было. Тщедушная, личико с кулачок, волосы редкие, тонкие и взгляд исподлобья. Волосы у неё были жёлтые и лицо тоже жёлтое, ибо родилась она в Индии и всё время чем-то болела. Отец её был служащим в английской администрации и вечно работал и хворал, а мать была красавица и только и думала что о балах и развлечениях. Ребёнок ей был ни к чему. Когда Мэри родилась, она отдала её на попечение айи, которой дали понять, что если она хочет угодить мемсахиб*, то пусть лучше не пускает девочку ей на глаза. Мэри была болезненным, капризным и некрасивым младенцем, и её держали от матери подальше, а потом, когда она начала понемногу ходить, но оставалась такой же болезненной и капризной, её тоже держали подальше. Сколько Мэри себя помнила, её всегда окружали тёмные лица

* Мемсахиб (англо-индийск.) – госпожа (так слуги называли англичанок).

нянюшки и других слуг-туземцев, а так как они всегда ей повиновались и во всём уступали – ведь мемсахиб рассердится, если её потревожит плач ребёнка! – то к шести годам она превратилась в отвратительную эгоистку и маленькую тиранку. Она так не понравилась молодой гувернантке-англичанке, которую наняли, чтобы научить её читать и писать, что через три месяца та отказалась от места, а другие не выдерживали и этого срока. Если бы Мэри самой не захотелось читать книжки, она так бы никогда и не научилась грамоте.

Однажды удручающе жарким утром – Мэри уже исполнилось девять лет – она проснулась в крайне дурном расположении духа и, увидав, что возле кровати стоит не аяя, а какая-то незнакомая служанка, ещё пуще рассердилась.

– А ты зачем сюда явилась? – сказала она женщине. – Ты мне не нужна. Пришли мне мою аяю.

Женщина испугалась и, запинаясь, пробормотала, что аяя прийти не может, а когда Мэри стала кричать, бить её и пинать, та только в ужасе повторяла, что аяя прийти к мисс сахиб никак не может.

В то утро всё было как-то странно. Обычный порядок нарушился, некоторые из слуг-индийцев куда-то исчезли, а те, кто оставались в доме, старались не попадаться на глаза или проскользнуть мимо, и лица у них были серые от страха. Но Мэри ничего не объясняли, и аяя не появлялась. Утро Мэри провела в одиночестве; потом побрела в сад и принялась играть под деревом возле веранды – она делала вид, будто разбивает грядку для цветов. Она втыкала в землю большие багровые цветы гибискуса, а сама меж тем всё больше и больше сердилась и бормотала про себя всё, что выскажет Сейди, когда та вернётся.

– Свинья! Свинья! И родители твои свиньи! – бормотала она, ибо назвать туземца свиньёй – самое страшное оскорбление.

Сжав зубы, она снова и снова повторяла эти слова, как вдруг услышала, что на веранду вышла мать с каким-то светловолосым молодым человеком. Они остановились, переговариваясь странными, приглушёнными голосами. Мэри знала этого юношу, который походил скорее на подростка. Она слышала, что этот юный офицер недавно приехал из Англии. Мэри разглядывала его лицо, но ещё внимательнее – свою мать. Она всегда любовалась ею, если представлялась возможность, ведь мемсахиб – Мэри чаще всего так её называла – была такая высокая, стройная, красивая и так изящно

одевалась! Её шелковистые волосы вились, небольшой изящный нос был надменно вздёрнут, а огромные глаза смеялись. Она носила лёгкие, воздушные платья, которые, как говорила Мэри, были «все в кружевах». В это утро кружев, казалось, было больше обычного, но глаза её не смеялись. Большие и испуганные, они с мольбой взирали на светловолосого юного офицера.

– Неужто это так серьёзно? – спрашивала она. – Скажите мне правду, прошу вас.

– Это ужасно, – отвечал тот дрогнувшим голосом. – Ужасно, миссис Леннокс. Вам ещё две недели назад следовало уехать в горы.

Мемсахиб ломала руки.

– О, знаю, знаю! – восклицала она. – Я осталась только для того, чтобы поехать на этот дурацкий приём. Какая глупость!

В тот миг со стороны хижин, где жили слуги, раздался такой громкий плач, что миссис Леннокс схватила юношу за руку, а Мэри вся задрожала. Плач становился всё громче и отчаяннее.

– Что это? Что? – спросила миссис Леннокс. У неё перехватило дыхание.

– Кто-то умер, – отвечал юный офицер. – Вы не сказали, что она уже поразила ваших слуг.

– Ах, я не знала! – вскричала миссис Леннокс. – Пойдёмте! Пойдёмте! Она повернулась и побежала в дом.

То, что произошло потом, было ужасно. Позже Мэри объяснили все загадки этого утра. Оказалось, что в городе разразилась страшнейшая холера и люди умирали как мухи. Ночью заболела аяя – и громкий плач, который Мэри услышала в саду, означал, что её няня умерла. Не прошло и дня, как умерли ещё трое слуг, а остальные в ужасе разбежались. Всюду царила паника, во всех домах лежали умирающие.

Второй день Мэри, всеми забытая в суете и смятии, провела у себя в детской. Никто её не хватился, никому не было до неё дела, а она и не подзревала о том, что творилось вокруг. Она то плакала, то дремала. И знала только, что все больны, и слышала сквозь двери непонятные и страшные звуки. Один раз она прокралась в столовую: в комнате никого не было, хотя на столе ещё стоял недоеденный обед, стулья и тарелки были в беспорядке, будто их торопливо отодвинули, когда обедавшие вдруг в спешке встали из-за стола. Мэри поела немного фруктов и печенья, а ощутив жажду, осушила стакан вина, стоявший на столе. Вино было сладкое – и крепкое, но она этого не знала. Скоро её стало клонить ко сну, она вернулась

в детскую и опять закрыла глаза, напуганная криками в хижинах и бегом-нёй в доме. От вина ей так хотелось спать, что глаза у неё просто слипались; она улеглась на постель и надолго забылась.

Многое произошло в те часы, что Мэри спала, однако её не разбудили ни плач и стенания, ни шум, оттого что вносили и выносили что-то тяжёлое.

Проснувшись, Мэри полежала, глядя в стену. В доме царила полнейшая тишина. Такого ещё никогда не бывало. Не слышно было ни голосов, ни шагов, и Мэри подумала: может, холера уже кончилась и всё опять хорошо. Интересно, кто теперь, когда аяя умерла, будет за ней ходить, размышляла она. К ней приставят новую айю, и, может, она расскажет ей новые сказки – старые Мэри давно надоели. Она не горевала о своей няне. Она вообще ни к кому не была привязана и никого не жалела. Шум, беготня и плач об умерших её напугали, и ещё она сердилась, что о ней забыли, хотя она-то была жива. Всех охватил такой ужас, что никто и не вспомнил о девочке: ведь её никто не любил. Холера, верно, заставила людей забыть обо всём, кроме самих себя. Но, если холера кончилась и все выздоровели, теперь кто-нибудь, конечно, вспомнит про Мэри и придёт за ней.

Однако никто не приходил. Мэри лежала и ждала, а в доме становилось всё тише. Вдруг что-то прошуршало по циновке – Мэри глянула и увидела маленькую змейку, которая скользила мимо, следя за ней изумрудными глазами. Девочка не испугалась – змейка не причинит ей вреда, она и сама спешит поскорее спрятаться. Змейка вильнула и бесшумно скрылась под дверь.

«Странно, какая кругом тишина, – подумала Мэри. – Будто в доме нет никого, кроме меня и змейки».

В ту же минуту она услышала шаги во дворе, а потом на веранде. Шаги были мужские; тихо переговариваясь, мужчины вошли в дом. Никто их не встретил, никто не окликнул; Мэри услышала, что они открывают двери и заглядывают в комнаты.

– Какая пустота! – сказал кто-то. – И эта женщина, такая красивая! И девочка, верно, тоже. Я слышал, у неё была девочка, хотя её никто и не видел.

Спустя несколько минут дверь детской отворилась. Мэри стояла посреди комнаты, некрасивая и наспуленная. Она сердилась: она была голодна, а ей ничего не несли. Первым в комнату вошёл высокий офицер – когда-то она видела, как он беседовал с её отцом. Он выглядел усталым и озабоченным; увидав её, он так удивился, что чуть не отпрянул в сторону.

– Барни! – закричал он. – Тут ребёнок! Совершенно один! В таком-то гиблом месте! Господи, спаси и помилуй! Кто же это?

– Я Мэри Леннокс, – произнесла девочка, выпрямляясь. Ей не понравилось, что офицер назвал её дом «гиблым местом». – Я заснула, когда разразилась холера, и только сейчас проснулась. Почему ко мне никто не идёт?

– Это та самая девочка, которую никто никогда не видел! – воскликнул офицер, обернувшись к своим товарищам. – Её здесь просто забыли!

– Как это меня забыли?! – закричала Мэри, топнув ногой. – Почему никто не идёт?

Молодой человек по имени Барни грустно взглянул на неё. Мэри даже показалось, что он сморгнул слёзы с глаз.

– Бедняжка! – сказал он. – Потому что никого не осталось в живых.

Так Мэри узнала – это было до того странно и неожиданно, – что у неё нет больше ни отца, ни матери, что в ту ночь они умерли и их унесли и что оставшиеся в живых слуги в ужасе бежали из дому, даже не вспомнив о «маленькой госпоже». Вот почему в доме царила такая тишина. В нём и правда не было никого, кроме неё и маленькой быстрой змейки.

ГЛАВА 2

«Мистрис Мэри»

Герань (*Pelargonium*)

Мэри привыкла смотреть на мать издали и любоваться её красотой, но она её почти не знала, так что, когда матери не стало, конечно, не могла тосковать по ней. Она и не тосковала – как всегда, она была занята исключительно собой. Будь она постарше, её, несомненно, испугало бы то обстоятельство, что она осталась теперь совсем одна на белом свете, но она была ещё мала, за ней всегда кто-то ухаживал, и она полагала, что так вечно и будет. Беспокоилась она только о том, к хорошим ли людям теперь попадёт, будут ли они к ней так же добры и уступчивы, как её айя и другие слуги-туземцы.

Она знала, что её не оставят в доме английского священника, куда её устроили поначалу. Да она и не хотела там оставаться. Священник был беден, а в доме у него росло пятеро детей; дурно одетые погодки, они вечно ссорились и отнимали друг у друга игрушки. Мэри невзлюбила их дом, где вечно царил беспорядок, и так всем грубила, что дня через два никто уж не

хотел с ней играть. И дня не прошло, как они дали ей прозвище, которое привело её в ярость.

Придумал его Бэзил. Это был небольшой мальчишка с дерзкими голубыми глазами и вздёрнутым носом; Мэри его ненавидела. Она играла одна в тени под деревом, совсем как в тот день, когда разразилась холера. Она насыпала кучками землю, как будто это клумбы, а между ними дорожки, как вдруг явился Бэзил, встал неподалёку и стал смотреть, что она делает, а потом заинтересовался и предложил:

– А ты не хочешь насыпать кучку камней – тогда у тебя получилась бы горка? Вот здесь, в середине.

И он наклонился, чтобы показать.

– Уходи! – закричала Мэри. – Мне мальчишки не нужны! Убирайся!

Бэзил было рассердился, а потом принялся дразнить её. Он вечно дразнил сестёр. Он заплясал вокруг Мэри, корча рожи, смеясь и напевая:

*Мистрис Мэри, злючка Мэри,
Что ты растишь в своём саду?
Серебряные бубенчики,
Ноготки и лебеду.*

Он пел и пел эту песенку, пока его не услышали остальные и не присоединились к нему; чем больше Мэри сердилась, тем больше они её дразнили; и пока она жила у них, они так и звали её и в лицо, и за глаза: «мистрис Мэри, злючка Мэри».

– Тебя отправят домой, – объявил ей Бэзил. – В конце недели. И прекрасно! Мы этому очень рады!

– И я тоже рада, – отвечала Мэри. – А куда это домой?

– Она не знает, что такое «домой»! – закричал семилетний Бэзил, с презрением глядя на неё. – В Англию, конечно. Там наша бабушка живёт. Нашу сестру Мейбл посылали к ней в прошлом году погостить. Только ты едешь не к бабушке. У тебя нет бабушки! Ты едешь к своему дяде. Его зовут Арчибалд Крейвен.

– Не знаю такого, – отрезала Мэри.

– Ну конечно, не знаешь, – согласился Бэзил. – Ты ничего не знаешь. Девчонки вообще никогда ничего не знают. Я слышал, как папа говорил о нём с мамой. Он живёт в деревне, в большом обветшалом старинном

доме, с ним никто не знается. У него такой дурной нрав, что он никого к себе близко не подпускает. Да если б и подпускал, всё равно никто бы к нему и не пошёл. Он такой противный! И горбун!

– А я тебе не верю, – заявила Мэри, поворачиваясь к нему спиной и затыкая пальцами уши. Она не желала больше этого слушать.

Но позже она долго размышляла над его словами; и когда миссис Крофорд сказала ей вечером, что через несколько дней её отошлют на пароходе к дядюшке, мистеру Арчибальду Крейвену, который живёт в Мисселтвейт Мэноре, она молчала с таким безразличным видом, что мистер и миссис Крофорд совсем растерялись. Они попытались её приласкать, но, когда миссис Крофорд нагнулась, чтобы поцеловать её, Мэри отвернулась, а когда мистер Крофорд похлопал её по плечу, она словно окаменела.

– Она такая некрасивая, – заметила позже миссис Крофорд с жалостью. – А мать у неё была такая красавица! И так изящно всегда держалась, а Мэри совсем не умеет себя вести. В жизни не видала такого невоспитанного ребёнка! Дети прозвали её злючкой. Они, конечно, шалуны, но их можно понять.

– Возможно, если бы её красивая и изящная мать больше времени проводила в детской, то Мэри переняла бы её манеры, – возразил мистер Крофорд. – Бедняжка, её уже нет в живых, но, как это ни грустно, раньше многие даже не подозревали, что у неё есть дочь!

– Она почти и не виделась с девочкой, – вздохнула миссис Крофорд. – Когда умерла нянька, о ребёнке некому было и вспомнить. Подумай только, слуги разбежались и бросили её одну в доме! Полковник Мак-Гру говорит, он чуть не упал от неожиданности: открыл дверь – а она стоит посреди комнаты!

Долгое путешествие в Англию Мэри провела под присмотром жены одного офицера, которая везла своих детей в школу-пансион. Эта дама была так поглощена своим маленьким сыном и дочкой, что с радостью передала Мэри женщине, которую мистер Арчибальд Крейвен прислал за ней в Лондон. Это была экономка из Мисселтвейт Мэнора, полная краснощёкая женщина с пронизательными чёрными глазами по имени миссис Медлок. На ней было лиловое платье, чёрная шёлковая мантилья с бахромой из стекляруса и чёрная шляпка с лиловыми бархатными цветами, которые вставали дыбом, стоило ей тряхнуть головой. Мэри с первого взгляда её невзлюбила; впрочем, неудивительно: ей редко кто нравился, да и на миссис Медлок она явно не произвела приятного впечатления.

– Ну и ну! – протянула миссис Медлок. – До чего же неказиста! А мы-то слышали, что мать у неё была красавица. Она от неё ничего не взяла, правда, сударыня?

– Возможно, с возрастом выправится, – добродушно возразила офицерская жена. – Всё бы ничего, будь у неё румянца побольше да манеры получше. Черты лица у неё неплохие. Дети со временем сильно меняются.

– Да, придётся ей очень сильно измениться, – отвечала миссис Медлок. – Только в Мисселтвейте детям выправляться не с чего – вот что я вам скажу!

Они полагали, что Мэри их не слышит – она стояла в стороне, глядя в окно (разговор происходил в небольшой гостинице, где они остановились). Мэри смотрела на проезжающие omnibuses и кебы, на спешащих мимо людей, но она всё хорошо слышала и очень заинтересовалась дядюшкой и его именем. Что это было за место? И каким окажется он сам? А что такое «горбун»? Она горбуна никогда не видела. Может, их в Индии нет?

Теперь, когда Мэри жила по чужим домам и у неё больше не было айти, она чувствовала себя совсем одинокой, странные мысли стали приходить ей в голову, прежде ей совсем незнакомые. Почему, думалось ей, её никто не любил, даже когда её родители были живы? Других детей их отцы и матери любили, а ей никто ни разу не сказал: «Моя девочка!» У неё были слуги, еда и одежда, но никто не обращал на неё внимания. Это происходило оттого, что она ни в ком не вызывала симпатии; но она этого не знала. Ей часто не нравились другие, но она и не подозревала, что и сама производит на других неприятное впечатление.

Миссис Медлок с простецким румяным лицом и смешной шляпкой ужасно не понравилась Мэри. Когда на следующий день они отправились в Йоркшир, Мэри прошествовала по платформе к поезду, высоко подняв голову и стараясь держаться от неё на расстоянии: ей не хотелось, чтобы люди решили, будто она, Мэри, имеет к миссис Медлок какое-то отношение. Этого ещё не доставало!

Но миссис Медлок не было дела до Мэри и её чувств. Она была из тех женщин, которые, по её собственному выражению, «не терпят от детей никаких капризов». Так бы она, по меньшей мере, заявила, если б её спросили. В Лондон она поехала против воли – на тот день как раз была назначена свадьба её сестры Марии, но она дорожила местом в Мисселтвейте, жалование там было хорошее, и ей ничего не оставалось, как беспрекословно

выполнить распоряжение мистера Арчибальда Крейвена. Она даже спросить его ни о чём не решилась.

– Капитан Леннокс с женой умерли от холеры, – сказал ей мистер Крейвен, как всегда холодно и чётко. – Капитан Леннокс – родной брат моей жены, теперь я опекун их дочери. Надо доставить сюда ребёнка. Вы поедете в Лондон и привезёте её.

И миссис Медлок уложила саквояж и поехала в Лондон.

Мэри, насупившись, забила в угол. Читать ей было нечего, смотреть не на что, и она просто сидела, сложив на коленях худенькие руки в чёрных перчатках. Чёрное платье лишь подчёркивало нездоровый цвет её лица, а прямые тонкие волосы некрасиво выбились из-под шляпки с чёрным крепом.

«В жизни не видывала такой набалованной девочки», – думала миссис Медлок, подразумевая, что в жизни не видела ребёнка, который сидел бы так неподвижно и ничем не был занят. Наконец миссис Медлок надоело разглядывать Мэри, и она заговорила.

– Я, пожалуй, пока расскажу тебе, куда ты едешь, – произнесла она резким строгим голосом. – Ты что-нибудь знаешь о своём дядюшке?

– Нет, – отвечала Мэри.

– Разве ты никогда не слышала, что говорили о нём родители?

– Нет, – повторила, нахмураясь, Мэри. Нахмурилась она оттого, что родители вообще с ней почти не говорили. И уж конечно, ничего ей не рассказывали.

– Гм, – пробормотала миссис Медлок, всматриваясь в замкнутое личико своей неразговорчивой спутницы. С минуту она молчала, а потом произнесла: – Придётся мне всё-таки тебе кое-что рассказать... Подготовить тебя, что ли?.. Ты едешь в странное место.

Мэри молчала. Её нескрываемое безразличие на миг смутило миссис Медлок, однако она набрала воздуха в лёгкие и продолжала:

– Ничего не скажу, дом великолепный, хотя очень древний и мрачный, и мистер Крейвен по-своему им очень гордится, только от этого не веселее. Дому шестьсот лет, и стоит он на самом краю пустоши, в нём чуть не сотня комнат, только все почти закрыты – заперты на ключ. И картины там есть, и прекрасная старинная мебель, и всякая другая старина, а вокруг большой парк, сады и деревья с ветвями чуть не до самой земли – не все, конечно, но есть и такие. – Она остановилась и снова набрала воздуха в лёгкие. – Но больше там ничего нет.

Мэри невольно начала прислушиваться к её словам. Всё это было так не похоже на Индию, а новизна её привлекала. Но ей не хотелось показывать, что рассказ экономки её заинтересовал. Это была одна из самых неприятных её привычек. Она продолжала сидеть без движения на своём месте.

– Вот оно как, – заключила миссис Медлок. – Ну, что ты на это скажешь?

– Ничего, – проговорила Мэри. – Я об этом ничего не знаю.

Миссис Медлок только хмыкнула в ответ.

– Ну и ну! – сказала она. – Ты говоришь, как старушка. Тебе что, всё равно?

– Всё равно или не всё равно, не имеет значения, – отвечала Мэри.

– Твоя правда, – согласилась миссис Медлок. – Для чего тебя везти в Мисселтвейт Мэнор, я не знаю, разве что так ему, может, удобнее. Уж он-то не будет себя из-за племянницы утруждать, можешь мне поверить! Он ещё никогда ни для кого себя не утруждал.

Тут она смолкла, словно вовремя вспомнив о чём-то.

– У него позвоночник искривлён, – сказала она. – Верно, потому он так-кой! Смолоду кислого был нрава, никакой радости от своего имени и денег не имел, пока не женился.

Как ни старалась Мэри показать, что ей всё безразлично, но не удержалась и перевела взгляд на экономку. Она и не подозревала, что горбун может жениться, и это её слегка удивило. Миссис Медлок заметила её интерес; она любила поболтать и потому с воодушевлением продолжила свой рассказ – ведь за рассказом и время идёт быстрее.

– Жена у него была до того миленькая, до того хорошенькая, что она у него ни попроси, он бы всю землю обошёл, а её желание исполнил. Ни у кого и в мыслях не было, что она за него замуж пойдёт, а она вот возьми да выйди. Люди болтали, что из-за денег, только это неправда. Нет, неправда! – Это слово миссис Медлок произнесла с убеждением. – И когда она умерла...

Мэри вздрогнула.

– Как! Она умерла? – переспросила она, забыв о своём решении молчать.

Она вспомнила французскую сказку под названием «Рикке-хохолок», которую как-то читала. В ней рассказывалось о бедном горбуне и прекрасной принцессе, и ей вдруг стало очень жаль мистера Арчибалда Крейвена.

– Да, умерла, – повторила миссис Медлок. – А он после этого стал ещё чуднее. Ни о ком не думает. Никого видеть не желает. Всё больше

путешествует, а когда приедет, то запирается на своей половине – это в западном крыле – и никого к себе, кроме Питчера, не пускает. Питчер уже старик, он за ним ещё за маленьким ухаживал и знает его привычки.

Всё это больше походило на историю из книжки, но Мэри от этого не стало веселее. Как это мрачно – сотня комнат, и чуть не все закрыты, дом на самом краю пустоши! Что такое пустошь, она не знала, но всё равно. Человек с кривым позвоночником, да к тому же вечно запирается! Сжав губы, она уставилась в окно, и тут же, словно по команде, за окном хлынул проливной дождь. Серые струи косо стекали по стёклам вагона, дождь всё хлестал да хлестал. Будь хорошенькая миссис Крейвен жива, ей бы, возможно, и удалось скрасить жизнь в этом мрачном доме, она бы появлялась и исчезала, красивая, как мама, и ездила бы на вечера в платьях, которые были «все в кружевах». Но она умерла.

– Только не жди, что ты его увидишь, – предупреждала миссис Медлок. – Едва ли. И не думай, что там у тебя будет с кем поговорить. Придётся тебе самой себя развлекать. Тебе скажут, в какие комнаты можно заходить, а в какие нельзя. Сады-то там обширные. Но по дому ты особенно не броди и в комнаты не заглядывай. Мистер Крейвен этого не позволяет.

– Я и не собираюсь, – сказала Мэри обиженно. Она уже готова была пожалеть мистера Крейвена, но после этих слов жалость её исчезла. Какой он противный, подумала она, верно, не зря на него обрушились все беды.

Она отвернулась и снова стала смотреть в окно, по которому всё так же бежали серые струи; дождь, казалось, никогда не кончится. Она так долго, так упорно смотрела на дождь, что постепенно серый сумрак у неё в глазах сгустился, и она заснула.

ГЛАВА 3

Через вересковую пустошь

Одуванчик (*Leontodon taraxacoides*)

Спала она долго, а когда проснулась, оказалось, что миссис Медлок купила на одной станции обед в плетёной корзинке; они поели цыплёнка, холодной говядины, хлеба с маслом и выпили горячего чая. Ливень, казалось, ещё усилился; люди, которых они видели на станциях, были мокрые от дождя. Проводник зажёл в вагоне лампы. За обедом миссис Медлок повеселела. Она ела долго, основательно, а потом заснула; Мэри сидела и смотрела, как её нарядная шляпка медленно сползает набок, а потом и сама уснула в своём уголке, убаюканная шумом дождя за окном. Когда она открыла глаза, было уже темно. Поезд стоял, миссис Медлок трясла её за плечо.

— Ну, заспалась! — говорила она. — Проснись, пора! Вот уж и Твейт, а нам ещё долго добираться!

Мэри поднялась. Глаза у неё слипались, и она таращилась изо всех сил. Она не предложила миссис Медлок свою помощь — она к этому не привыкла, ведь в Индии всё делали слуги-туземцы.

Станция была маленькая, и, кроме них, с поезда никто не сошёл. Станционный смотритель приветствовал миссис Медлок с грубоватым добродушием; говор у него был какой-то странный, резкий – позже Мэри узнала, что так говорят в Йоркшире.

– Я вижу, ты вернулась, – сказал он, обращаясь к миссис Медлок. – И девочку с собой привезла.

– Да, вот она, – отвечала миссис Медлок тоже с йоркширским выговором, кивнув через плечо в сторону Мэри. – Ну а твоя хозяйка как поживает?

– Неплохо. Карета вас ждёт.

На дороге у платформы стоял экипаж. Мэри заметила, что это была щеголеватая двухместная карета, да и лакей, который помог ей в неё сесть, одет был щеголевато. Его длинный плащ и капюшон, прикрывавший шляпу, блестя от дождя, струи воды так и текли с них, как и со всех на станции, включая приземистого смотрителя.

Лакей захлопнул дверцу, влез на козлы рядом с кучером, и они покачали; Мэри уютно устроилась на подушках в уголке кареты, но не собиралась снова засыпать. Она сидела и смотрела в окно; ей хотелось увидеть дорогу к странному дому, о котором рассказала миссис Медлок. Не то чтобы она напугалась – Мэри была не робкого десятка, – просто она знала, что в этом доме с закрытыми комнатами, стоящем на краю пустоши, надо быть готовой ко всему.

– А пустошь – это что? – вдруг спросила она миссис Медлок.

– Минут через десять выгляни в окно и увидишь, – отвечала та. – Нам надо по Мисселской пустоши пять миль проехать, прежде чем мы до дому доберёмся. Много ты не разглядишь, ночь-то тёмная, но всё же кое-что увидишь.

Больше Мэри не задавала вопросов; сидя в своём углу, она принялась ждать, не отрывая глаз от окна. Каретные фонари бросали перед собой яркий свет, выхватывая кое-что из тьмы. Оставив станцию позади, они миновали крошечную деревню – Мэри разглядела беленькие домики и освещённые окна трактира. Потом мимо проплыли церковь, дом священника и маленькая лавка, в окне которой были выставлены на продажу игрушки, сласти и всякая мелочь. Потом пошла дорога – Мэри увидела живые изгороди и деревья. Они тянулись довольно долго – так, по крайней мере, ей казалось.

Наконец лошади замедлили шаг, словно дорога пошла в гору; вскоре деревья и изгороди исчезли. Мэри ничего не видела – с обеих сторон было

совсем черно. Она наклонилась и прижалась лицом к стеклу – в эту минуту карету тряхнуло.

– А-а! Вот она, пустошь! – проговорила миссис Медлок.

Жёлтый свет фонарей упал на разбитую дорогу, проложенную меж кустов и каких-то низких растений, а вокруг и вдали была чернота. Поднялся ветер, в звуках его слышалась какая-то особая, пронзительная и дикая нота.

– Это... это ведь не море, правда? – спросила Мэри.

– Нет, это не море, – отвечала миссис Медлок. – Это и не поля и не горы, а только мили, и мили, и мили пустынной земли, на которой ничего не растёт – только вереск, дрок и раkitник, и никто не живёт – только лошадки да овцы, которые пасутся на воле.

– Мне показалось, будто это море, – только ведь здесь нет воды, – сказала Мэри. – Шумит, будто море...

– Это ветер шумит в кустах, – пояснила миссис Медлок. – На мой вкус, здесь слишком тоскливо и пустынно, хотя многим нравится, особенно когда вереск цветёт.

А они всё ехали и ехали во тьме. Дождь прекратился, но ветер налетал порывами, свистел и завывал. Дорога шла то под гору, то в гору, а потом карета въезжала на мост, под которым стремительно и шумно бежала вода. Мэри уже чудилось, что так они и будут ехать и ехать и что бескрайняя суровая пустошь – это океан, который они пересекают по узенькой полоске земли.

«Не нравится мне эта пустошь, – говорила она про себя, – нет, не нравится!» И недовольно поджимала тонкие губы.

Лошади медленно взбирались по крутому склону, как вдруг впереди мелькнул огонёк. Миссис Медлок тоже увидела его и с облегчением вздохнула.

– Ну вот и свет блеснул! – воскликнула она. – До чего ж я рада! Это в сторожке у ворот свет. Что бы там ни было, а чайком нас напоят, только немного погодить придётся.

Она не ошиблась: пришлось-таки «немного погодить». Миновав ворота, следовало ещё проехать парком мили две по аллее, над которой деревья смыкали в вышине ветви, так что казалось, будто они едут под длинными и тёмными сводами.

Наконец карета выехала на открытое место и остановилась перед чрезвычайно длинным, но низким домом, который словно замыкал мощёный

двор. Поначалу Мэри показалось, что в доме темно, но, выйдя из кареты, она увидала, что в угловой комнате наверху неярко светится окно.

Тяжелая входная дверь была из массивных дубовых досок необычной формы, сбитых широкими железными скобами и большими железными гвоздями. Дверь открывалась в просторный холл, который был так скудно освещён, что Мэри не захотелось вглядываться в лица на портретах, висевших по стенам, и в доспехи под ними. Она стояла на каменном полу в холле, такая маленькая странная чёрная фигурка, и чувствовала себя совсем потерянной.

Рядом со слугой, отворившим им дверь, стоял аккуратный сухощавый старичок.

– Её надо отвести в её комнату, – произнёс он глухо. – Он не хочет её видеть. Утром он едет в Лондон.

– Слушаю, мистер Питчер, – отвечала миссис Медлок. – Мне бы только знать, чего от меня ждут, а там уж я справлюсь.

– От вас, миссис Медлок, ждут одного, – отвечал мистер Питчер. – Вы должны позаботиться о том, чтобы его не беспокоили и чтобы он не видел того, чего он видеть не желает.

Мэри Леннокс повели вверх по широкой лестнице, потом по длинному коридору, а потом опять вверх по коротенькой лестнице, и опять по коридору, свернули в другой коридор, открыли дверь в стене – и она очутилась в комнате, в которой горел камин, а на столе стоял ужин.

– Ну вот и пришли, – сказала без всяких церемоний миссис Медлок. – Это твоя комната, и соседняя тоже твоя, а уж дальше – ни ногой. Смотри же, не забудь!

Так Мэри прибыла в Мисселтвейт Мэнор, и настроение у неё при этом было прескверное.

ГЛАВА 4

Марта

Фиалка душистая (Viola odorata)

Утром Мэри проснулась оттого, что в комнату, чтобы разжечь камин, вошла молоденькая горничная и, опустившись на колени на каминный коврик, стала с шумом выгребать золу. Мэри лежала и смотрела на неё, а потом оглядела свою спальню. Такой комнаты она никогда не видала: она показалась ей странной и мрачной. На стенах висели гобелены со сценами охоты в лесу: фантастично разодетые охотники – дамы и господа, – лошади, собаки под деревьями, а вдали дворцовые башни. Мэри вдруг показалось, что она стоит вместе с ними в лесу.

В окно она увидела далеко раскинувшуюся равнину без единого дерева, походившую на спокойное бескрайнее лиловатое море.

– Что это? – спросила она, указав в окно.

Марта (так звали молоденькую горничную) поднялась с колен, глянула в окно и, указывая пальцем, переспросила:

– Вот там?

– Ну да.

– Это вересковая пустошь, – сказала Марта с добродушной ухмылкой. – Что, нравится?

– Нет, – отвечала Мэри, – совсем не нравится.

– Это потому, что ты ещё к ней не привыкла, – сказала Марта, возвращаясь к камину. – Она тебе кажется слишком большой и голой. Но обожди, она тебе ещё понравится.

– А тебе? – спросила Мэри.

– Мне-то она нравится, – отвечала Марта, изо всех сил начищая каминную решётку. – Я её просто люблю. И совсем-то она не голая. На ней всякие травы растут. А уж как пахнут! А по весне и летом, когда цветут дрок, ракитник и вереск, поглядеть, там прямо загляденье! Пахнет мёдом, а сколько воздуха! Небо высокое, пчёлы жужжат, а жаворонки так и заливаются, – красота, да и только! Да что, меня хоть озолоти, а без пустоши мне жизнь не в жизнь!

Мэри слушала её без улыбки, с застывшим удивлением на лице. Слуги-туземцы, к которым она привыкла в Индии, были совсем другими. Они вели себя приниженно и подобоострастно и никогда не беседовали с господами как равные. Индийских слуг не просили – им приказывали. Им никогда не говорили «спасибо» или «пожалуйста»; Мэри, когда сердилась, била свою айю по щекам. Интересно, что бы сделала эта девушка, мелькнуло у неё в голове, если бы ей дали пощёчину? Марта была такая кругленькая, розовощёкая, добродушная, но вся она была так крепко сбита, что, пожалуй, ударь её кто, особенно маленькая девочка, она бы ответила пощёчиной, подумалось Мэри.

– Странная ты служанка, – произнесла она высокомерно.

Но Марта совсем не рассердилась, а только оглянулась назад, не выпуская из рук щётку, и весело рассмеялась.

– Уж точно, – сказала она. – Будь в Мисселтвейте хозяйка как надо, меня бы и второй горничной не взяли. Может, мыла бы на кухне посуду, а в комнаты меня бы ни за что не определили. Уж очень я проста, да и говорю по-йоркширски. Только в этом доме всё наперекосяк, даром что он такой огромный. Окромя мистера Питчера да миссис Медлок, здесь вроде ни хозяйки, ни хозяина нет. Мистер Крейвен, когда он тут, и слышать ни о чём не желает, да его тут, почитай, никогда и нет. Меня миссис Медлок по доброте сюда взяла. Ни за что бы, говорит, того не сделала, будь Мисселтвейт как другие именья.

– Ты будешь моей служанкой? – спросила Мэри повелительно, как бывало в Индии.

Марта снова принялась за решётку.

– Я у миссис Медлок в подчинении, – отвечала она твёрдо, – а она – у мистера Крейвена. Но здесь наверху убирать буду и тебе немного помогу. Тебе ведь немного надо.

– А кто меня одевать будет? – поинтересовалась Мэри.

Марта снова откинулась назад и, широко раскрыв глаза, уставилась на Мэри. Она так удивилась, что произнесла с сильным йоркширским выговором:

– А сама ты что ж, неужто не справишься?

– Что ты сказала? Не понимаю я по-вашему, – сказала Мэри.

– А-а, я забыла, – спохватилась Марта. – Миссис Медлок меня предупреждала, чтобы я поаккуратнее выговаривала, а то ты не поймёшь. Я спрашиваю: а сама ты разве одеться не можешь?

– Нет, не могу! – закричала Мэри с негодованием. – Никогда в жизни сама не одевалась. Меня моя аяя всегда одевала.

– Пора бы и научиться, – заметила Марта, явно не подозревая, что это дерзость с её стороны. – Давно пора! Тебе это только на пользу пойдёт. Матушка мне всегда говорила, что никак не поймёт, почему это господские дети не вырастают болванами – и няньки-то у них, и моют их, и одевают, и на прогулку выводят, словно они собачонки какие!

– В Индии всё по-другому, – презрительно отрезала «мистрис Мэри», еле сдерживая возмущение.

Но Марта не смутилась.

– Вижу, что по-другому, – отвечала она чуть ли не с сочувствием. – Верно, это оттого, что там больше чернокожих, чем уважаемых белых людей. Когда мне сказали, что ты из Индии едешь, я думала, ты тоже чернокожая.

Мэри пришла в ярость.

– Что?! – закричала она и села. – Что ты сказала? Ты думала, я туземка? Ах ты... свинья!

Марта залилась краской и посмотрела на неё в упор.

– Кого это ты обзываешь? – спросила она. – Зря ты так осерчала. Негоже барышне так говорить. Я против чернокожих ничего не имею. Почитаешь про них в церковных книжках, так они все очень верующие. Там так и сказано: чернокожий тоже человек и брат твой. Я чернокожих никогда

не видала и радовалась, что теперь смогу вблизи посмотреть. Пришла это я утром камин затопить, подкралась к кровати и отвернула полог, чтобы на тебя взглянуть. А ты-то, – протянула она с разочарованием, – такая же чернкокожая, как я, даром что жёлтая!

Оскорблённая Мэри дала волю своему гневу:

– Ты думала, что я туземка! Да как ты смела! Ты о них ничего не знаешь! Они не люди – они слуги и должны во всём нам подчиняться! Ничего-то ты не знаешь об Индии! Ты вообще ничего не знаешь!

Она так рассердилась и почувствовала себя такой беспомощной перед Мартой, простодушно глядевшей ей в лицо, такой одинокой и всеми покинутой в непонятном чужом мире, что бросилась лицом в подушки и расплакалась. Она так рыдала, что добродушная Марта оторопела. Ей стало жалко Мэри – она подошла к кровати и склонилась над ней.

– Ну-ну, не плачь, – успокаивала она. – Не надо плакать! Я ведь не знала, что ты обидишься. Я вообще ничего не знаю – уж это ты правду сказала. Ну, не сердись, прости меня, мисс. Не надо плакать!

В её непривычном йоркширском говоре слышалась такая доброта и такое дружелюбие, что Мэри понемногу стала успокаиваться. Слёзы её постепенно иссякли, и она затихла. Марта вздохнула с облегчением.

– Ну а теперь вставай, – сказала она. – Миссис Медлок велела подавать тебе завтрак, обед и чай в соседнюю комнату. Там для тебя устроили детскую. Если ты встанешь, я помогу тебе одеться. Пуговицы-то сами не застегнутся, если они на спине, верно?

Когда Мэри наконец решила встать, Марта вынула из шкафа одежду. Мэри тут же заметила, что это совсем не то платье, в котором она приехала накануне в Мисселтвейт.

– Это не моё, – заявила она. – У меня всё чёрное.

Она внимательно осмотрела плотное шерстяное белое пальто и платье и спокойно одобрила их:

– Эти вещи гораздо лучше моих.

– Ну и надевай их! Мистер Крейвен велел миссис Медлок их в Лондоне купить. Так ей и сказал: «Я не допущу, чтобы здесь бродил, словно грешник, ребёнок в чёрном. В доме от этого ещё грустнее станет. Оденьте её в цветное». Матушка говорит, что она его понимает. Матушка всегда понимает. Она тоже траура не жалуется!

– Ненавижу чёрное, – сказала Мэри.

Процесс одевания открыл обеим глаза на многое. Марта, бывало, помогала своим братьям и сестричкам «застегнуться», но ей никогда не доводилось видеть девочку, которая неподвижно стоит и ждёт, пока её оденут, словно у неё самой ни рук, ни ног нет.

– А почему ты сама не обуешься? – спросила Марта, когда Мэри невозмутимо протянула ей ногу.

– Меня аяя всегда обувала, – отвечала Мэри удивлённо. – Так полагается.

«Так полагается». Она часто повторяла эти слова, да и слуги в Индии всегда их повторяли. Если же им приказывали сделать что-то, чего на протяжении веков не делали их предки, они кротко смотрели на приказавшего и говорили: «Это не полагается», и все тогда знали, что ничего из этого не выйдет, сколько ни приказывай.

«Мистрис Мэри» не полагалось делать ничего, она должна была стоять как кукла и позволять себя одевать. Но теперь, прежде чем она села завтракать, она поняла, что в Мисселтвейте ей придётся обучиться тому, чего раньше она не умела, – самой натягивать, к примеру, чулки и ботинки и поднимать то, что уронила. Будь Марта обученной горничной, она бы вела себя скромнее и почтительнее, знала бы, что в её обязанности входит причёсывать свою госпожу, застёгивать ей ботинки, поднимать упавшие вещи и класть их на место. Однако она была всего лишь простой деревенской девушкой, выросшей в скромном коттедже в Йоркшире с уймой маленьких братьев и сестёр; у них полагалось управляться с одеждой самим, а ухаживали разве что за грудными да за малышами, которые и ходить-то толком не умеют.

Если б Мэри Леннокс была склонна к веселью, её бы, верно, позабавила болтовня Марты, но Мэри лишь холодно слушала горничную и удивлялась вольности её речей. Сначала её в этих речах ничто не занимало, но Марта продолжала добродушно болтать, и понемногу Мэри стала прислушиваться.

– Вот бы тебе на них посмотреть, – говорила Марта. – Нас у родителей двенадцать, а отец в неделю всего шестнадцать шиллингов приносит. Матушке и на овсянку еле хватает, уж ты мне поверь. Они целыми днями на пустоши бегают и играют; матушка говорит, там воздух такой, что от него одного толстеют. Говорит, не иначе как они там травку щиплют, что твои лошадки. Наш Дикон, ему всего двенадцать, а он приручил одного лошадёнка.

– Где он его взял? – спросила Мэри.

– На пустоши нашёл, когда тот с кобылой-мамой бегал, совсем ещё крошка. И стал его к себе приручать, хлеба давал и рвал ему молодую травку. Вот лошадёнок к нему и привязался, прямо ходит за ним по пятам и даже позволяет на себя садиться. Дикон добрый парнишка, животные его любят.

У Мэри никогда не было никаких животных, хотя ей, пожалуй, хотелось иметь кого-нибудь. Вот почему Дикон её заинтересовал; это было хорошо, так как она никогда прежде никем, кроме собственной персоны, не интересовалась.

Мэри прошла во вторую комнату, которая должна была служить ей детской. Эта комната оказалась очень похожа на ту, в которой она провела ночь, – такие же мрачные старинные картины на стенах и тяжёлые дубовые кресла, словно она предназначалась совсем не для ребёнка, а для взрослого. На столе посреди комнаты стоял обильный завтрак. Мэри никогда не отличалась хорошим аппетитом – она отодвинула тарелку, которую поставила перед ней Марта.

– Не хочу, – сказала она.

– Не хочешь овсянки?! – вскричала с удивлением Марта.

– Нет.

– Да ты не знаешь, какая она вкусная! Положи немного сахарку или патоки.

– Не хочу, – повторила Мэри.

– Разве можно, чтобы такая хорошая еда пропадала! Наших бы ребятшек за этот стол, они бы её в пять минут умяли.

– Почему? – спросила Мэри холодно.

– Почему?! – повторила Марта. – Да потому, что они нечасто едят досыта. Они всегда голодны, словно лисята или ястребки.

– Не знаю, что это такое – быть голодным, – проговорила Мэри с безразличием невежества.

Марта кинула на неё негодующий взгляд.

– Неплохо бы тебе и узнать, – сказала она без обиняков. – Уж поверь! Как это люди могут – смотреть на хорошую еду, а есть не едят. Господи! Вот бы отдать всё это Дикону, Филу, Джейн и остальным!

– Взяла бы да отнесла им, – предложила Мэри.

– Это не моё, – отвечала Марта твёрдо. – Да и вообще сегодня я домой не иду. У меня, как у всех, в месяц один день свободный. Я тогда домой бегу и принимаюсь за уборку, чтоб матушка хоть денёк могла отдохнуть.

Мэри выпила чаю и съела ломтик подсушенного хлеба с апельсиновым джемом.

– А теперь закутайся потеплее да беги поиграй на улице, – сказала Марта. – Подышишь свежим воздухом – небось тогда и есть захочешь.

Мэри подошла к окну. Парк, дорожки, величественные деревья – всё выглядело хмуро, по-зимнему.

– На улицу? – повторила она. – В такую погоду?

– Ну, не хочешь, сиди дома, только чем тебе здесь заняться?

Мэри огляделась. Заняться действительно было нечем. Миссис Медлок комнату ей приготовила, но о развлечениях не подумала. Может, и вправду лучше пойти посмотреть, что там за парк?

– А кто со мной пойдёт? – спросила Мэри.

Марта удивилась.

– Сама пойдёшь, – сказала она. – Придётся тебе обучиться играть, как другие дети, у кого ни братьев, ни сестёр нет. Наш Дикон уходит себе на пустошь и целые часы там проводит. Там он и со своим лошадёнком подружился. У него там и овцы есть, которые его признают, и птицы, что едят у него прямо из рук. Еды у нас немного, но для своих друзей он всегда кусочек прибережёт.

Услышав о Диконе, Мэри решилась выйти, хотя и сама не знала, что именно подтолкнуло её к этому решению. Если уж не лошади и не овцы,

то птицы там хотя бы будут. Совсем не такие, наверно, как в Индии, – интересно на них посмотреть!

Марта принесла ей пальто, капор и ботинки для улицы и показала, как выйти в парк.

– Иди вон по той дорожке, она и приведёт тебя в парк, – посоветовала она, указав на калитку в подстриженном кустарнике, стоявшем стеной. – Летом там много цветов, но сейчас ничего не цветёт.

Она замялась, а потом добавила:

– Есть там один сад, но дверка в него заперта. Вот уже десять лет, как туда никто не заходил.

– Почему? – невольно спросила Мэри.

Ещё одна запертая дверь в этом странном доме с сотней запертых комнат!

– Когда у мистера Крейвена жена вдруг умерла, он дверку и запер. И никому не разрешает туда заходить. Это был её сад. Дверь запер, а ключ закопал. А-а, миссис Медлок звонит – мне надо бежать!

И она убежала. А Мэри пошла по дорожке, что вела к калитке в кустарнике. Невольно она задумалась о саде, где десять лет никто не был. Интересно, какой он, думала она, осталось ли там хоть немного цветов? Пройдя в калитку, она оказалась в великолепном парке – широкие лужайки, извилистые дорожки с подстриженными живыми изгородями, деревья, клумбы, вечнозелёные кусты, которым придали различные формы, бассейн со старинным каменным фонтаном посредине. Однако на клумбах не было цветов, а из фонтана не била вода. Но это не был запертый сад. Впрочем, разве можно запереть сад? В сад всегда можно войти.

Тут Мэри увидела, что дорожка, по которой она шла, уперлась в длинную каменную стену, заросшую плющом. Она не знала, что в Англии такой стеной отгораживают от парков службы с фруктовыми садами и огородами. Она подошла к стене и увидела зелёную дверку, которая стояла открытая настежь. Значит, это не тот сад – сюда можно войти.

Пройдя в дверку, она увидела со всех сторон стены, а вдалеке ещё одну распахнутую зелёную дверку, сквозь которую виднелись кусты и грядки с овощами. У стен, распластав по ним ветви, выстроились фруктовые деревья, а грядки кое-где были прикрыты рамами со стеклом. Здесь так голо и неуютно, думала Мэри, внимательно глядя вокруг. Может, летом, когда всё зеленеет, будет лучше, но сейчас глазу не на чем отдохнуть.

Меж тем из дверки, ведущей во второй сад, вышел старик с лопатой на плече. Увидев Мэри, он удивился, а потом приложил руку к шляпе. Лицо у него было угрюмое и всё в морщинах; он явно не обрадовался появлению Мэри. Но и Мэри тоже ему не обрадовалась, и сад ей не нравился, и вообще она находила тут всё противным, о чём свидетельствовал её хмурый вид.

– Это что здесь? – спросила Мэри.

– Огород, – сказал старик.

– А там? – Она указала на зелёную дверку в глубине.

– Тоже огород, – отвечал старик коротко. – За этой стеной опять огород, а за той – фруктовый сад.

– А можно мне посмотреть?

– Как хочешь. Только там смотреть нечего.

Мэри не ответила. Она прошла по дорожке – и во вторую дверку. Сно-ва стены, теплицы с овощами, а в дальней стене – ещё одна зелёная дверка, только закрытая. Возможно, она ведёт в сад, куда никто не входил десять лет? Мэри была не робкого десятка, да к тому же привыкла поступать по-своему: она подошла к зелёной дверке и повернула ручку. Она надеялась, что дверка не поддастся: тогда можно не сомневаться, что там и есть таинственный сад, однако дверка тут же отворилась. Мэри вошла и – оказалась во фруктовом саду. Его тоже ограждали стены, вдоль которых деревья пластали свои ветви. У корней обнажённых деревьев топорщилась бурая зимняя трава. Однако больше зелёных дверок не было. Мэри поискала глазами. Она заметила, что боковые стены идут дальше, как если бы с другой стороны было ещё что-то. За стеной виднелись верхушки деревьев; постояв неподвижно, Мэри заметила, что на верхней ветке одного дерева сидит птичка с ярко-красной грудкой. Внезапно птичка запела – словно увидела Мэри и зовёт её к себе.

Мэри слушала, и почему-то от весёлой, приветливой песенки ей стало легче на сердце – ведь и противной девчонке может быть одиноко, а Мэри от большого пустого дома, неоглядной вересковой пустоши и угрюмого безлюдного парка стало казаться, что она на свете одна-одинёшенька. Будь она добрым ребёнком, привыкшим к ласке, она, верно, принялась бы плакать и тосковать, но, хотя она привыкла жить сама по себе, ей всё же было не по себе; вот почему песенка красногрудой птички вызвала на её хмуром лице подобие улыбки. Мэри стояла и слушала, пока птичка не упорхнула.

Она была так непохожа на индийских птиц! Славная. Неужели она больше её никогда не увидит? Может быть, она живёт в таинственном саду и всё о нём знает?

Возможно, заброшенный сад потому так занимал мысли Мэри, что ей совершенно нечем было заняться. Она всё думала и думала о нём – как бы ей на него взглянуть? Зачем же мистер Арчибальд Крейвен зарыл ключ в землю? Если он так любил свою жену, то почему невзлюбил её сад? Интересно, увидит ли она когда-нибудь мистера Крейвена? Впрочем, она знала, что он ей всё равно не понравится, да и она ему тоже, и что она будет стоять и молча смотреть на него, хотя ей и очень захочется спросить у него, почему он так странно поступил.

«Я никогда никому не нравлюсь, – думала она, – да и мне никто не нравится. И я не умею болтать, как крофордские дети. Вечно они смеялись, болтали, шумели».

Тут Мэри вспомнила птичку, которая пела ей песенку, и дерево за стеной, в ветвях которого та сидела, и вдруг остановилась как вкопанная.

«Это дерево растёт в тайном саду, – подумалось ей, – я прямо-таки уверена в этом! Он окружён стеной, а дверки нет!»

Она возвратилась в огород – старик копал там землю. Она подошла и стала рядом; несколько минут она спокойно и холодно следила за ним. Он не обращал на неё никакого внимания; наконец она заговорила.

– Я посмотрела, – сказала она.

– Кто ж тебе мешал? – отвечал он утрюмо.

– Я и во фруктовом саду была.

– Там нет сторожевой собаки, – отвечал тот.

– Но там нет и дверки в другой сад, – заметила Мэри.

– В какой сад? – переспросил он своим грубым голосом и перестал копать.

– Который за той стеной, – отвечала Мэри. – Там за стеной деревья, я видела верхушки. На одной сидела птичка с красной грудкой и пела.

Хмурое морщинистое лицо старика вдруг просветлело. Его осветила улыбка – садовник преобразился. Как странно, подумала она про себя, когда люди улыбаются, они кажутся гораздо лучше. Раньше ей это не приходило в голову.

Он повернулся лицом туда, где росли фруктовые деревья, и свистнул – тихо и нежно. Мэри удивилась: как это такой мрачный и грубый человек засвистел так нежно и призывно?

Миг, и – о чудо! – она услышала, как порхнули по воздуху крылья и красногрудая птичка подлетела и уселась на ком земли рядом с башмаком садовника.

– А вот и она, – радостно хмыкнул старик и заговорил с птичкой, словно с ребёнком. – Где ж ты пропадала, негодница? – спрашивал он. – Давненько я тебя не видел. Может, стала уже себе муженька присматривать? Не рано ли?

Птичка наклонила головку набок и посмотрела на него чёрными, блестящими, как бусинки, глазками. Похоже, она хорошо знает садовника и совсем его не боится. Она скакала вокруг и весело клевала землю, ища червячков и семян. У Мэри в груди что-то странно шевельнулось – птичка была такая славная, весёлая и умненькая, ну совсем как человек. Тельце у неё крошечное и пухленькое, тоненький клюв и стройные тоненькие ножки.

– Она всегда на твой зов прилетает? – спросила девочка тихонько у старика.

– Уж конечно. Я её ещё с той поры знаю, как она только с гнезда слетела. Перепорхнула через стену сюда из того сада, а обратно-то перелететь силёнок не хватает. Пришлось ей здесь на несколько дней задержаться – вот мы и подружались. А когда она к себе вернулась, остальные птицы уже разлетелись. Она загрустила – и опять ко мне!

– Что это за птичка? – спросила Мэри.

– А ты не знаешь? Это малиновка-красногрудка. До того доверчивые, до того любопытные эти птички, других таких не найдёшь. Они как собаки доверчивые – надо только уметь к ним подойти. Смотри, как она клюёт да на нас поглядывает. Знает, что мы про неё говорим!

Как это было удивительно! Старый садовник смотрел на пухленькую птичку с красной грудкой с такой любовью, словно гордился ею!

– Уж очень она тщеславная, – хмыкнул он. – Любит слушать, как про неё говорят. А любопытна – ни с кем не сравнить! Всегда прилетит и смотрит, что это я посадил. Она много такого знает, о чём даже мистер Крейвен не подозревает. Она у нас старший садовник, право слово, она!

Малиновка скакала вокруг и будто клевала землю, время от времени останавливаясь и поглядывая на них. Мэри показалось, что её чёрные глазки-бусинки с любопытством смотрят на неё. Может, и правда приглядывается. В груди у Мэри ещё больше защемило.

– А остальные птенцы куда улетели? – спросила она.

– Откуда же мне знать? Родители их из гнезда выталкивают, чтобы летали. Оглянуться не успеешь, а их уж и след простыл. Эта-то понимала, что к чему, не хотела жить одинокой.

Мэри шагнула к малиновке и пристально всмотрелась в неё.

– Я тоже одинокая, – сказала она.

Раньше она и не подозревала, что это одна из причин её тоски и раздражения. Только теперь, взглянув на малиновку и встретив её ответный взгляд, она внезапно поняла это.

Старый садовник сдвинул шапку на затылок и остановил на ней взгляд.

– Это ты, что ли, девчушка из Индии? – спросил он наконец.

Мэри кивнула.

– То-то тебе не по себе! Будет ещё хуже, а потом пройдёт, – произнёс он.

И принялся снова копать, с силой вонзая лопату в жирный чернозём. Малиновка всё прыгала вокруг и клевала.

– Как тебя зовут? – спросила Мэри.

Садовник выпрямился.

– Бен Везерстаф, – ответил он. И прибавил с хмурой улыбкой: – Я ведь тоже один, только вот она, – и он указал большим пальцем на малиновку, – меня навещает. Единственная моя подружка!

В Йоркшире обычно все говорят прямо, с грубоватой простотой, а старый Бен Везерстаф был настоящим йоркширцем, выросшим среди вересковых пустошей.

– А у меня друзей нет, – сказала Мэри. – И никогда не было. Аяя меня не любила, и я никогда ни с кем не играла.

– Мы с тобой похожи, – отвечал садовник. – Два сапога пара! Красотой не блещем, да и нрав у нас невесёлый. Небось характер у тебя тоже скверный, а?

Он говорил без всяких околичностей, а Мэри Леннокс до сих пор ни разу не слышала о себе правды. Что бы она ни делала, слуги-туземцы вечно лишь кланялись и во всём ей подчинялись. Она никогда не думала о своей внешности – неужто вид у неё был такой же неприглядный, как у Бена Везерстафа? Выглядел он мрачно – пока не прилетела малиновка; неужели и она выглядит так же? И правда ли, что характер у неё тоже скверный? Ей стало не по себе.

Вдруг у неё над ухом послышалось звонкое посвистывание. Она повернулась. Рядом стояла молоденькая яблонька – малиновка взлетела на ветку яблоньки и залилась. Бен Везерстаф рассмеялся.

– Что это она? – удивилась Мэри.

– Решила с тобой подружиться, – отвечал Бен. – Разрази меня гром, ты ей приглянулась.

– Я? – переспросила Мэри.

Она тихонько подошла к яблоньке и подняла голову.

– Ты бы хотела со мной подружиться? – спросила она малиновку, будто та всё понимала. – Правда?

Она произнесла эти слова не холодно, как обычно, и не тем повелительным тоном, каким говорила со слугами в Индии. Голос её вдруг зазвучал так ласково, убедительно и нежно, что старый Бен Везерстаф удивился не меньше, чем сама Мэри, когда услышал его.

– Ну и ну! – вскричал он. – Ты так хорошо это вдруг сказала, будто ты и впрямь ребёнок, а не противная старушонка! Ну прямо как Дикон, когда он со всякой живностью на пустоши разговаривает.

– А ты Дикона знаешь? – спросила, оборотясь, Мэри.

– Его все знают. Он тут повсюду бродит. Его и вереск, и ежевика знают! Небось и лисы ему свои норы с лисятами показывают, и жаворонки от него гнёзд не прячут.

Мэри захотелось его ещё расспросить: Дикон её интересовал не меньше чем заброшенный сад. Но тут малиновка смолкла, затрепыхала крылышками, расправила их и улетела. У неё ведь были и другие дела.

– Она улетела за стену! – воскликнула Мэри, следившая за ней глазами. – Она полетела в яблоневый сад... перелетела и вторую стену... в сад, куда нет дверки!

– Она там живёт, – ответил старый Бен. – Она там и из яйца вылупилась. А если ищет себе муженька, то уж, верно, там, среди розовых кустов.

– Розовых кустов? – переспросила Мэри. – Там есть розовые кусты?

Бен Везерстаф снова взялся за лопату.

– Были, – пробурчал он, – десять лет назад.

– Я бы хотела на них взглянуть, – сказала Мэри. – Где же дверка? Должна же где-то быть дверка.

Бен вонзил лопату поглубже в землю – похоже, он больше не хотел с ней разговаривать.

– Была десять лет назад, а теперь нет, – проговорил он.

– Нет дверки? Не может быть!

– Дверку теперь никто не найдёт, да и тебе что за дело? Не приставай, не суй нос, куда не нужно! Слушай, мне работать нужно. Иди-ка играй. Нет у меня больше времени.

Он перестал копать, вскинул лопату на плечо и ушёл, не простясь и даже не взглянув на Мэри.

Кислица обыкновенная (Oxalis acetosella)

ГЛАВА 5

Плач в коридоре

Плющ обыкновенный (*Hedera helix*)

Дни шли, и поначалу все они казались Мэри Леннокс одинаковыми. Каждое утро она просыпалась в своей комнате с гобеленами – Марта уже стояла на коленях перед камином и разжигала огонь; каждое утро она завтракала в детской, где ничто не радовало глаз; потом глядела в окно на пустошь, которая раскинулась широко во все стороны и, казалось, простиралась до самого неба, а насмотревшись, соображала, что если не выйдет из дому, то придётся сидеть без дела в своих комнатах, – и шла в парк. Она и не подозревала, что это-то и было самым лучшим, и что, когда она шла бодрым шагом или бежала по дорожкам, кровь начинала быстрее бежать у неё по жилам, и что, борясь с ветром, дувшим с равнины, она становилась крепче. Бегала она лишь для того, чтобы согреться, и ненавидела ветер, который обжигал ей лицо, выл и толкал в грудь, словно невидимый великан. Однако порывы ветра, пролетающего над зарослями вереска, наполняли её лёгкие воздухом, от которого всё её худенькое тельце здоровело, и зажигали румянец на её щеках и огоньки в глазах.

После нескольких дней, проведённых на воздухе, она проснулась как-то утром голодной (теперь-то она поняла, что это такое!). Усевшись за-втракать, она уже не смотрела с презрением на овсянку и не отодвинула миску, а, взяв ложку, принялась есть – и съела всё до дна.

– Ты сегодня неплохо поела, правда? – заметила Марта.

– Каша сегодня такая вкусная, – отвечала Мэри с удивлением.

– Это ты на вольном воздухе аппетит нагуляла, – сказала Марта. – Хорошо, что у тебя не только аппетит, но и еда есть. А то у моих-то аппетит есть, а еды, почитай, и нету! Играй каждый день во дворе – не будешь такая жёлтая и тощая!

– Я не играю, – заметила Мэри. – Мне играть нечем.

– Нечем играть! – всплеснула Марта руками. – Да наши ребятишки палочками и камешками играют. Бегают себе, кричат и на всё глядят!

Мэри не кричала, но на всё глядела. Больше ей нечем было заняться. Она обошла все сады и пробежала по всем дорожкам в парке. Иногда она принималась искать Бена Везерстафа, но, хотя порой и находила его где-нибудь за работой, он вечно был слишком занят – а может быть, не в духе – и не обращал на неё никакого внимания. А раз, когда она направилась к нему, он взял лопату и пошёл прочь, словно нарочно, чтобы с ней не разговаривать.

Было одно место, куда Мэри ходила чаще всего. Это была длинная дорожка вдоль каменной стены, за которой тянулись фруктовые сады и огороды. С обеих сторон дорожки шли цветочные бордюры, которые сейчас были обнажены, а стену покрывал плющ. В дальнем конце стены тёмно-зелёные листья плюща разрослись особенно густо. Всюду вокруг они были аккуратно подстрижены, но здесь садовые ножницы их даже не коснулись.

Уже через несколько дней после разговора с Беном Везерстафом Мэри заметила это; она остановилась и задумалась, глядя на длинный побег плюща, раскачиваемый ветром. Вдруг в воздухе мелькнуло что-то красное и прозвучала звонкая трель. Знакомая малиновка с красной грудкой вспорхнула на стену и с интересом посмотрела на Мэри, склонив головку и чуть подавшись вперёд.

– Ах, – воскликнула Мэри, – это ты, это ты?

Ей было совсем не странно, что она заговорила с малиновкой, словно та могла её понять и даже ответить.

И малиновка ей ответила. Она запрыгала по стене, щебеча и насвистывая, словно хотела что-то рассказать. Мэри показалось, что птичка её понимает, хоть и изъясняется на своём языке.

«Доброе утро! – будто говорила малиновка. – Какой приятный ветерок, да? А солнце какое приятное! И всё вокруг, правда? Давай почирикаем, попрыгаем, посвистим! Ну же! Давай!»

Мэри засмеялась и побежала за малиновкой, которая то прыгала по стене, а то взлетала в воздух. Худенькая, бледная, некрасивая Мэри – на миг она даже похоронела!

– Ты мне нравишься! – воскликнула Мэри, спеша вдогонку за малиновкой.

Мэри даже попыталась посвистеть, пошебетать по-птичьи, однако у неё ничего не вышло. Впрочем, малиновку это ничуть не смутило; она не смолкала ни на минуту. Наконец она взмахнула крылышками, взлетела на верхушку дерева и, усевшись на ветку, громко запела.

Мэри вспомнила, как она её в первый раз увидела. Она стояла во фруктовом саду, а птичка качалась на верхушке дерева, которое росло за стеной. Теперь Мэри стояла у другой стены, но дерево было за стеной то же самое.

«Это и есть тот сад, куда нет хода, – подумалось ей. – Сад без двери! Малиновка живёт здесь. Ах, как бы мне хотелось взглянуть на этот сад!»

Она пошла к зелёной двери, через которую проходила в первое утро. Пробежала меж грядками, выскочила через вторую дверь во фруктовый сад, остановилась, подняла глаза – и увидела по ту сторону ограды дерево, а на верхушке знакомую малиновку, которая только-только кончила свою песенку и принялась охорашиваться.

«Да, это тот сад, – сказала про себя Мэри. – Я уверена, что это он и есть!»

Она прошла вдоль ограды, внимательно приглядываясь, но только удостоверилась, что двери с этой стороны нет. Потом снова выбежала в парк и пошла вдоль стены, заросшей плющом, дошла до конца, но, как ни всматривалась, двери не увидела; повернула назад, всё так же сосредоточенно рассматривая стену, – двери нигде не было.

«Как странно... – думала она. – Бен Везерстаф говорил, что входа туда нет, – и правда нет. Но десять лет назад была, и мистер Крейвен закопал от неё ключ».

Всё это так её заинтересовало, что теперь она уже совсем не жалела, что приехала в Мисселтвейт. В Индии ей всегда было жарко, там её ничто не интересовало и ничего не хотелось делать. Свежий ветер, дувший с пустоши, казалось, понемногу разбудил её ум – она начала оживать.

Целые дни она теперь проводила на воздухе, и когда вечером садилась ужинать, то ощущала голод и приятную усталость. Болтовня Марты её не раздражала; ей даже приятно было её слушать, и в конце концов она решилась задать ей один вопрос.

После ужина, усевшись на коврик перед камином, она спросила Марту: – А почему мистер Крейвен возненавидел тот сад?

Она попросила Марту посидеть с ней, и Марта согласилась. Она была совсем молоденькой и тосковала по своим родным и дому; ей было скучно в огромной людской внизу, где старшие горничные и лакей смеялись над её йоркширским говором, смотрели на неё свысока и о чём-то шептались между собой. Марта любила поболтать, и странная девочка, которая жила в Индии и имела «чернокожих» слуг, очень её привлекала.

Не дожидаясь приглашения, она устроилась рядом с Мэри на коврике перед камином.

– Ты всё думаешь о том саде? – спросила она. – Так я и знала. Со мной то же самое было, когда я впервой про него услышала.

– Но почему он его возненавидел? – повторила Мэри.

Марта подобрала под себя ноги и устроилась поудобнее.

– Слышишь, как ветер воет? – сказала она. – На пустоши небось прямо с ног валит.

Мэри не знала, что про ветер можно сказать «воет», однако, прислушавшись, поняла, почему так говорят. Ветер и вправду выл и ревел вокруг, казалось, будто невидимый великан снова и снова кидается в дом, стучит в окна, словно хочет ворваться в комнаты. Конечно, в дом ему не проникнуть; и оттого сидеть в комнате перед камином и смотреть на тлеющие угольки было так хорошо и уютно.

– Нет, правда, почему он его так возненавидел? – настаивала Мэри. Она послушала, как воет ветер, а теперь намеревалась получить от Марты ответ на свой вопрос. Конечно, если Марта могла на него ответить.

И Марта рассказала, что знала.

– Только имей в виду, – предупредила она, – миссис Медлок велела держать язык за зубами. В этом доме много о чём нельзя говорить! Мистер

Крейвен так распорядился. Говорит, моё горе слуг не касается. Если бы не сад, он бы таким не был. Это был сад миссис Крейвен; она его сразу после свадьбы разбила и очень его любила, и они там вдвоём за цветами ухаживали. Никому из садовников даже войти туда не позволяли. Сидели там часами вдвоём. Дверку закроят, читают в саду, беседуют. Она была совсем молоденькая, тоненькая, а там в саду росло старое дерево с веткой, изогнутой наподобие сиденья. Она развела вокруг розы и часто на ней сидела. Но однажды она сидела на ветке – и вдруг та подломилась; она упала на землю и так сильно расшиблась, что на следующий день умерла. Врачи думали, что он помешается и тоже умрёт. Вот почему он этот сад возненавидел. С тех пор никто туда не заходит, и он не разрешает никому о нём говорить.

Больше Мэри Марту ни о чём не расспрашивала. Она смотрела на огонь и вслушивалась в вой ветра. Ей казалось, что он заревел ещё громче.

В это время с Мэри произошла одна очень хорошая вещь. Вообще-то с тех пор, как она приехала в усадьбу Мисселтвейт, с ней произошли четыре хорошие вещи. Она поняла – так ей казалось – малиновку, а малиновка поняла её; она набегалась по дорожкам, и ветер разогрел ей кровь; впервые в жизни она ощутила здоровый голод; и, наконец, она узнала, что значит пожалеть кого-то. Теперь Мэри была совсем уже не та девочка, что приехала в Йоркшир.

Вслушиваясь в завывания ветра, она вдруг услышала и что-то ещё. Что это был за звук, она не знала: поначалу она не могла отличить его от воя ветра. Станный это был звук – казалось, будто где-то плачет ребёнок. Вой ветра порой походил на детский плач, и вскоре Мэри уже ясно слышала, что плачут в доме, а не снаружи. Где-то далеко от её комнаты, но в доме. Она обернулась и посмотрела на Марту.

– Слышишь, кто-то плачет? – спросила Мэри.

Марта смутилась.

– Да нет, – отвечала она, – это ветер. Он иной раз так развоется, будто кто-то на пустоши потерялся и плачет. Он по-всякому выть может.

– Прислушайся, – сказала Мэри. – Это в доме, в конце одного из этих длинных коридоров.

В эту минуту где-то внизу, видно, открыли дверь – сильный сквозняк дунул в коридор и с шумом распахнул дверь комнаты, в которой они сидели. Они вскочили на ноги – лампа погасла, и до них явственно донёсся плач.

– Вот! – воскликнула Мэри. – Я же тебе говорила! Кто-то плачет – и это не взрослый!

Марта подбежала к двери, быстро закрыла её и повернула ключ. Всё же они успели услышать, как где-то с грохотом закрыли дверь, – и тут же всё смолкло, даже ветер внезапно затих.

– Это ветер, – упрямо повторила Марта. – Или Бетти Баттерворт – наша маленькая судомойка. У неё весь день зубы болели.

Но она так смутилась при этом, что Мэри в упор посмотрела на неё. Она была уверена, что Марта что-то от неё скрывает.

ГЛАВА 6

«Там кто-то плакал... плакал!»

Чистяк весенний (*Ranunculus ficaria*)

Назавтра дождь снова лил как из ведра, и, когда Мэри выглянула в окно, вересковой пустоши и вовсе не было видно за серым туманом. В такой день нечего было и думать о прогулке.

– А что вы дома делаете, когда дождь вот так льёт? – спросила она у Марты.

– Да как тебе сказать? Стараемся не попадаться друг другу под ноги, – отвечала та. – Вот когда понимаешь, до чего нас много! Матушка – женщина добрая, но и она, бывает, теряет терпение... Старшие играют в хлеву. А Дикону никакой дождь не страшен. Он всё равно на пустошь уходит, будто в небе солнце сияет. В дождь, говорит, можно многое увидеть, что в ведро скрыто. Однажды он нашёл лисёнка – чуть не утонув, бедный, в своей норе. Дикон нёс его домой за пазухой, чтобы тот не замёрз. Лису охотники убили, а нору залило дождём, и остальные лисята погибли. Этот лисёнок и сейчас у нас. А в другой раз Дикон подобрал промокшего воронёнка и тоже принёс домой и приручил. Назвал его Уголёк

за черноту; так он теперь всюду за Диконом летает и скачет, ни на шаг от себя не отпускает.

Мэри теперь не сердилась на Марту, что та так запросто с нею болтает. Она уже слушала её с интересом и огорчалась, когда Марта уходила или умолкала. Рассказы её индийской няньки не шли ни в какое сравнение с тем, что рассказывала Марта о своём домике, где в четырёх комнатных жили впроголодь четырнадцать человек. Выходило, что дети там играли и валялись по полу, словно весёлые и добрые щенята. Мэри особенно занимали «матушка» и Дикон. Ей всегда было приятно слушать, что сделала или сказала «матушка».

– Будь у меня ворон или лисёнок, я бы с ними играла, – сказала Мэри. – Но у меня никого нет.

Марта задумалась.

– А вязать ты умеешь? – спросила она.

– Нет, – отвечала Мэри.

– А шить?

– Тоже нет.

– А читать?

– Умею.

– Ну, тогда почитай что-нибудь и писать поучись. Ты уже большая, берись-ка за книжки.

– У меня книжек нет, – возразила Мэри. – Те, что были, остались в Индии.

– Жаль. Знаешь, вот бы миссис Медлок пустила тебя в библиотеку, там книг многие тыщи!

Мэри не стала спрашивать, где расположена библиотека, – в голову ей вдруг пришла одна мысль. Она решила сама отыскать библиотеку. Миссис Медлок она не боялась. Та вечно сидела в своей уютной комнате внизу. В этом странном доме редко кого можно было встретить в коридорах. Разве что слуг, но, когда хозяин дома уезжал, они проводили время в своё удовольствие в людской внизу. Там была просторная кухня, где по стенам висели начищенные до блеска медные кастрюли, и большая комната, где по четыре-пять раз на дню слуги усаживались за обильные трапезы и, если не было миссис Медлок, от души веселились.

Каждый день в назначенное время Мэри садилась за стол, и Марта подавала ей еду; больше ею никто не занимался. Раз или два в день заглядывала миссис Медлок, но никто не спрашивал Мэри, что она делает,

и не советовал, чем заняться. Должно быть, в Англии все так обращаются с детьми, думала Мэри. В Индии аяя не спускала с неё глаз – ходила за ней по пятам, всё приносила и уносила. Мэри она часто надоедала. Теперь же никто за ней следом не ходил, и она училась одеваться сама, ибо Марта смотрела на неё чуть ли не с жалостью, если она ждала, чтобы ей что-то подали или надели.

– Неужели у тебя самой на это ума не хватает? – спросила она как-то, когда Мэри стояла в ожидании, пока Марта натянет на неё перчатки. – Наша Сьюзен Энн раза в два тебя сообразительнее, а ей всего четыре годика. Ты иногда ведёшь себя так, будто ты совсем дурочка.

Мэри потом целый час дулась, но этот случай заставил её задуматься.

Когда Марта выгребла золу из камина и ушла вниз, Мэри минут десять постояла у окна. Она обдумывала план, пришедший ей в голову, когда она узнала о библиотеке. Она так мало читала, что библиотека сама по себе её не интересовала, но, услышав о ней, она вспомнила про сто комнат с закрытыми дверями. Интересно, все ли они заперты на ключ? И что там у них за дверьми? Нельзя ли заглянуть? Неужели комнат и вправду сто? А что, если пересчитать двери? По крайней мере, будет чем заняться в это дождливое утро, когда из дома нос не высунешь. Просить разрешения её не учили, такое ей и в голову не приходило. Даже если б она увидела миссис Медлок, она бы ни о чём не стала её просить.

Отворив дверь своей комнаты, Мэри выскользнула в коридор и начала обход. Коридор был длинный, от него отходили другие коридоры, и во всех были ещё лесенки и повороты. В коридоры выходило множество дверей, а по стенам висели картины – тщательно выписанные потемневшие пейзажи или (этих было ещё больше) портреты мужчин и женщин в великолепных старинных костюмах из шёлка и бархата. Потом Мэри оказалась в длинной галерее, где все стены были увешаны портретами. Она и не подозревала, что их может быть так много в одном доме. Она медленно прошла по галерее, вглядываясь в лица на полотне; ей казалось, что и они на неё смотрят, словно интересуются: что эта девочка из Индии здесь делает? Были там и детские портреты – девочки в пышных шёлковых платьях до щиколоток и длинноволосые мальчики в больших кружевных воротниках, буфах или жабо. Перед этими портретами она останавливалась – ей бы хотелось знать, как зовут этих детей, куда они подевались и почему так странно одеты. Был там портрет чопорной некрасивой девочки,

немного похожей на неё. Она была в зелёном парчовом платье, а на пальце у неё сидел попугай. Глаза девочки смотрели умно и с любопытством.

– А сейчас ты где живёшь? – громко спросила её Мэри. – Жаль, что тебя здесь нет.

Странно прошло это утро! Казалось, в огромном доме со всеми его лестницами и коридорами, кроме неё, не было ни души: она поднималась и спускалась по лестницам, брела по широким и узким переходам, где словно бы никогда не ступала нога человеческая. Раз настроили столько комнат, думала Мэри, значит, в них когда-то кто-то жил. Но сейчас они были пусты, и в это трудно было поверить.

Поднявшись на третий этаж, Мэри решила наконец повернуть ручку одной из дверей. Конечно, все двери были заперты, как и говорила мисс Медлок. Вот почему Мэри чуть не отскочила в испуге, когда ручка без труда повернулась; Мэри толкнула – массивная дверь медленно отворилась. Она вела в большую спальню с вышитым панно и с инкрустированной, как в Индии, мебелью. Широкое окно в частом переплёте выходило на пустошь, а над камином висел ещё один портрет той некрасивой чопорной девочки, которая с любопытством взирала на Мэри.

«Может, это её спальня, – подумала Мэри. – Она так на меня смотрит, что просто оторопь берёт».

Мэри открывала всё новые и новые двери. Она пересмотрела столько комнат, что очень устала и стала склоняться к мысли, что их и в самом деле не меньше ста, хотя она их и не считала. Во всех висели старинные картины или гобелены с вытканными на них странными сценами. И почти всюду стояла вычурная мебель и причудливые безделушки.

В одной из комнат, которая, скорее всего, служила какой-то даме гостиной, на окнах висели вышитые бархатные портьеры, а в шкафу за стеклом стояло множество слоников из слоновой кости. Слоники были разной величины, у некоторых сидели на спине погонщики-магуты или возвышались паланкины. Одни были побольше, а другие – совсем крошечные, верно, слонята. Живя в Индии, Мэри видела много фигурок из слоновой кости, и слоны ей были хорошо знакомы. Она открыла шкаф, встала на скамеечку и поиграла с ними. А наигравшись, поставила слоников на место и закрыла дверцы шкафа.

Сколько она ни бродила по длинным коридорам и пустым комнатам, ей ни разу не встретилось ни души; впрочем, в этой комнате она кое-кого

увидела. Закрыв дверцы шкафа, она услышала какой-то тихий шелест. Она вздрогнула и оглянулась на диван, стоявший возле камина; ей показалось, шелест шёл оттуда. В одном углу дивана лежала подушка, а в бархатной наволочке виднелось отверстие, из которого выглядывала крошечная головка с испуганными глазками.

Мэри тихонько подкралась к дивану. Внутри подушки сидела серая мышка – она прогрызла в наволочке дырочку и устроила себе там норку. Шестеро крошечных мышат спали у неё под боком. Пусть все эти бесчисленные комнаты и пусты, но мышки жили здесь всемером и им ничуть не было одиноко.

«Жаль, они испугаются, а то бы я взяла их себе», – подумала Мэри.

Она так долго бродила по дому, что вконец утомилась и решила, что пора возвращаться. Раза два она сбивалась с пути, сворачивая не в ту сторону; приходилось возвращаться назад и снова спускаться и подниматься по лестницам; наконец она вышла на свой этаж; до её комнаты было недалеко, к тому же она не вполне представляла себе, куда идти.

«Должно быть, я опять не туда свернула, – подумала она, остановившись в конце короткого коридора перед висевшим на стене гобеленом. – Не знаю, куда мне теперь идти. Как всё тихо!»

В эту минуту тишину нарушил какой-то звук. Это снова был плач, только на этот раз он звучал немного иначе: неподалёку за стеной кто-то по-детски обиженно всхлипнул.

«Да, кто-то плачет, – сказала про себя Мэри, и сердце её забилось. – И гораздо ближе, чем вчера».

Нечаянно она оперлась рукой на гобелен, висевший в конце коридора, и тут же с удивлением отдернула руку. Гобелен прикрывал дверь! От прикосновения дверь распахнулась; за нею простирался коридор, а по коридору шла миссис Медлок со связкой ключей в руках и с грозным выражением на лице.

– Ты что тут делаешь?! – закричала она, схватив Мэри за руку. – Я тебе что говорила?

И она потащила её за собой.

– Я не туда свернула, – объясняла Мэри. – Я не знала, куда идти, и услышала чей-то плач.

В эту минуту она ненавидела миссис Медлок, однако в следующую она возненавидела её ещё сильнее.

– Ничего ты не слышала, – заявила экономка. – Ну-ка марш в свою комнату, а не то я тебе уши надеру!

И, крепко держа Мэри за руку, она поволокла её сначала по одному коридору, потом по другому и втолкнула в детскую.

– Вот что, – сказала она, – ты сиди здесь, как тебе велено, а не то я запру тебя на ключ. За тобой нужен глаз да глаз! Лучше бы хозяин нанял тебе гувернантку, как собирался. А у меня и без тебя дел хватает!

Она вышла из комнаты, с силой захлопнув за собой дверь, а Мэри, бледная от ярости, уселась на коврик перед камином. Она не плакала, но крепко сжала зубы.

«Там кто-то плакал! Плакал... плакал!» – повторяла она про себя.

Она слышала этот плач дважды. Ладно, она ещё выяснит, кто это был. За одно утро она многое узнала. Ей казалось, будто она вернулась из долгого путешествия. Всё было так интересно! Она поиграла со слониками и видела серую мышку с мышатами в норке, устроенной в бархатной подушке.

ГЛАВА 7

Ключ от сада

Шиповник (*Rosa canina*)

Чerez два дня после этого путешествия, проснувшись поутру, Мэри протёрла глаза, села в кровати и позвала Марту.
– Взгляни на пустошь! Нет, ты только взгляни!

Ливень прошёл, ночной ветер развеял серый туман и облака. Ветер стих, и над заросшей дроком и вереском равниной голубым шатром сияло высокое небо. Мэри никогда и не снилось, что небо может быть таким голубым. В Индии оно было раскалённое, пышущее жаром, – здесь же над головой, словно дивное бездонное озеро, сверкала голубая прохладная си-нева; кое-где в вышине плыли белоснежные барашки-облачка. Да и сама пустошь, привольно раскинувшаяся кругом, уже не лиловела мрачно вда-ли, словно туча, а нежно голубела.

– Да, – отозвалась Марта с добродушной ухмылкой. – Кажись, развид-нелось. В это время такое бывает. За ночь вдруг тучи уйдут, словно они здесь и не были и никогда-то сюда не вернутся. Значит, дело к весне. Она ещё не сейчас наступит, а всё же весной уже веет.

– Я думала, в Англии всегда пасмурно и дождь идёт, – призналась Мэри.
– Ну нет, – возразила Марта, стоя у камина на коленях и выгребая золу. – Куда там!

– А что это значит «куда там»? – серьёзно спросила Мэри.

В Индии туземцы говорили на разных диалектах, которые мало кто понимал, и поэтому она не удивилась, когда Марта употребила неизвестное ей выражение.

Марта рассмеялась – совсем как в то первое утро.

– Ну вот, – сказала она, – опять я по-деревенски сказала, а ведь мне мисс Медлок не велела. Это просто значит: «ничего подобного», – эти слова она произнесла медленно и раздельно, – да только скучно так говорить! Когда солнце светит, так в Йоркшире солнечно, как нигде. Я ведь тебе говорила: потерпи, тебе у нас ещё понравится! Вот уж вереск зацветёт, и дрок, и раkitник – цветочки лиловенькие, бабочки над ними так и вьются, пчёлы жужжат. И жаворонки в небе заливаются. Ты на рассвете в вереск будешь, как наш Дикон, на целый день убежать.

– А как я туда доберусь? – спросила с грустью Мэри, глядя в окно на сияющую вдали равнину. Она была такая огромная, непривычная, чудесная – и такого дивного цвета!

– Уж и не знаю, – покачала головой Марта. – Ты, кажись, отродясь своими ногами не ходила. Пяти миль не пройдёшь. Отсюда до моего дома – пять миль.

– Мне бы хотелось на него взглянуть!

Марта с удивлением посмотрела на неё, а потом опять взялась за щётки. Неприглядное худенькое личико уже не казалось ей таким угрюмым, как в первый день. Сейчас Мэри чем-то даже напомнила ей Сьюзен Энн, когда той чего-нибудь очень захочется.

– Я спрошу матушку, – пообещала Марта. – Уж она что-нибудь да придумает! У меня сегодня выходной, я как раз домой собираюсь. До чего же я рада! Миссис Медлок матушку очень уважает. Может, матушка с ней поговорит.

– Мне твоя матушка нравится, – заявила Мэри.

– Ещё бы! – отозвалась Марта, начищая каминную решётку.

– Только я её никогда не видала.

– Что верно, то верно, – подтвердила Марта.

Она села на пятки и в раздумье потёрла кончик носа тыльной стороной ладони.

– Она до того разумная, работающая и добрая, – продолжала Марта решительно, – что все её любят, и кто знает, и кто нет. Я когда домой возвращаюсь, то по дороге прямо прыгаю от радости, что сейчас её увижу.

– И Дикон мне нравится, – проговорила Мэри, – хотя его я тоже никогда не видала.

– Я же тебе говорила, – откликнулась Марта, – что его даже птички и кролики любят, а уж про овец и лошадок, что на пустоши пасутся, и говорить нечего! Его даже лисы любят! Интересно, – и она в раздумье посмотрела на Мэри, – что-то Дикон о тебе скажет?

– Я ему не понравлюсь, – как всегда, холодно и спокойно отвечала Мэри. – Я никому не нравлюсь.

Марта продолжала в раздумье смотреть на неё.

– А самой себе ты нравишься? – спросила она так, словно ей и правда это было интересно.

Мэри ответила не сразу.

– Нет... пожалуй, – отвечала она. – Но я никогда об этом не думала.

Марта усмехнулась, словно вспомнила что-то.

– Это матушка меня так однажды спросила, – пояснила она. – Стоит она раз над корытом, стирает, как обычно, а я чего-то была не в духе и всех ругала, а она обернулась и спрашивает: «Вот что, голубушка, – говорит, – ты тут стоишь и болтаешь: и этот тебе не нравится, и тот не по душе. А сама-то ты себе нравишься?» Ну я рассмеялась и тут же опаматовалась!

Марта накормила Мэри завтраком и весело с ней распрощалась. Ей предстояло пройти среди вересков пять миль до дома, а потом вдвоём с матушкой всё перестирать, испечь хлеба на неделю и повеселиться.

Когда она ушла, Мэри заскучала. Без Марты в доме стало совсем одиноко. Мэри вышла в сад и несколько раз обежала вокруг фонтана. Она считала круги и, обежав десять раз, почувствовала себя лучше. При свете солнца всё вокруг преобразилось. Высокое голубое небо раскинулось над Мисселтвейтом и пустошью – Мэри поминутно подымала голову и вглядывалась в вышину, пытаясь представить, что она лежит на одном из белых облачков и тихонько скользит по небу. Интересно, что бы она при этом ощущала? Она прошла в огород – Бен Везерстаф работал там с двумя помощниками. Он тоже заметно повеселел и сам заговорил с Мэри.

– Скоро весна, – сказал он. – Чуешь, как пахнет?

Мэри втянула в себя воздух.

– Пахнет приятно, чем-то свежим и влажным, – согласилась она.

– Это землёй, – отозвался Бен и налёг на лопату. – Земля здесь хорошая, жирная. И настроение у неё хорошее: скоро будет ей работа! Она любит, когда весна наступает. Зимой она скучает – делать ей тогда нечего. А теперь уже внизу, в темноте, жизнь просыпается. Солнце грядки греет. Вот увидишь, скоро из земли первые побеги полезут.

– А что это будет? – спросила Мэри.

– Крокусы и подснежники, а ещё нарциссы. Ты видела их раньше?

– Нет. В Индии после дождей ужасно жарко и влажно и всюду зелень, – отвечала Мэри. – По-моему, там за одну ночь всё вырастает.

– Нет, эти за одну ночь не вырастут, – покачал головой Везерстаф. – Придётся тебе подождать. Они тут пробьются, там побег дадут, а через денёк, глядишь, и листочек раскроется, а там, может, и второй. За ними только углядывай!

– Я постараюсь, – пообещала Мэри.

Вскоре она услышала знакомый шелест крыльев – это опять прилетела малиновка. Она была такая весёлая и смелая, так прыгала у неё возле ног и так лукаво на неё поглядывала, что Мэри, не удержавшись, спросила Везерстафа:

– Как по-твоему, она меня не забыла?

– Забыла! – с негодованием фыркнул Везерстаф. – Да она каждую кочерыжку на огородах помнит, не то что людей! Раньше она здесь ни одной девчонки не видала, вот ей и любопытно про тебя узнать. Так что и не пытайся – от неё всё равно ничего не скроешь!

– А в её саду тоже жизнь пробуждается? – спросила Мэри.

– В каком это саду? – проворчал Везерстаф, внезапно помрачнев.

– Там, где старые розы растут. – Мэри так хотелось узнать про тот сад, что она не

могла молчать. – Скажи, а цветы там все погибли или какие-то выжили? А розы там ещё есть?

– Ты у неё спроси, – отвечал Бен Везерстаф, кивнув на малиновку. – Она одна и знает. За десять лет туда никто больше не заглядывал.

«Десять лет, – подумала Мэри. – Какой долгий срок!»

Она родилась десять лет назад.

И она пошла дальше, погружённая в свои мысли. Сад ей уже нравился и малиновка тоже. А ещё ей нравились Дикон и матушка Марты. Да и сама Марта тоже стала ей нравиться. С непривычки это показалось Мэри так много! О птичке она уже думала как о человеке. Мэри вышла на дорожку, идущую вдоль длинной стены, заросшей плющом, и стала прогуливаться по ней. И тут произошло нечто удивительное – и всё благодаря маленькой подружке Бена Везерстафа. Она услышала щебет – глянула на обнажённую клумбу слева: малиновка прыгала по ней, притворяясь, будто что-то клюёт, чтобы Мэри не подумала, что она следует за ней. Но Мэри-то знала, в чём дело, и чуть не задрожала от радости.

– Ты меня помнишь! – воскликнула она. – Ты меня не забыла! Ты самая красивая на свете!

Мэри засвистела по-птичьи и ласково заговорила с малиновкой, а та прыгала, вертела хвостиком и щебетала, будто что-то отвечала Мэри. Её красная грудка раздувалась и блестела, как атлас; она казалась такой красивой, важной и нарядной, словно хотела показать, что и малиновка может походить на людей. «Мистрис Мэри» забыла о своём дурном нраве и радовалась, видя, что малиновка ей доверяет и можно нагнуться, пощёлкать языком и поговорить с ней по-птичьи.

Подумать только, эта птишка так близко её подпустила! Знает, значит, что Мэри никогда ни за что на свете её не обидит и не вспугнёт! Знает, потому что совсем как человек, только ещё гораздо, гораздо лучше! От счастья Мэри едва дышала.

Клумба, по которой прыгала малиновка, была не совсем голой. Стеблей на ней не осталось, многолетние цветы все срезали, чтобы клубни отдохнули за зиму, но ближе к стене росли кусты, какие повыше, какие пониже, и, когда малиновка подскакала к ним ближе, Мэри увидела холмик свежей земли. Малиновка вспрыгнула на кучку земли и принялась искать червей. Землю нарыла собака – верно, почуяла крота и пыталась до него добраться. Осталась довольно глубокая ямка.

Мэри смотрела на клумбу и вдруг заметила, что в разрытой земле что-то лежит. Какое-то кольцо из ржавого железа или меди. Как только малиновка вспорхнула на дерево, Мэри протянула руку и схватила кольцо. Нет, это было не просто кольцо – это был старый ключ, который долго пролежал в земле.

Мэри выпрямилась и чуть не с ужасом посмотрела на ключ, висевший у неё на пальце.

– Может, он пролежал в земле десять лет, – прошептала она. – Может, это ключ от сада!

ГЛАВА 8

Крылатая проводница

Постенница иудейская (Parietaria judaica)

Мэри долго разглядывала ключ. Поворачивала его и так и сяк и думала. Я уже говорила, что она не привыкла просить разрешения или спрашиваться у взрослых. Если это ключ к запертому саду, размышляла она, и ей удастся найти дверку, можно будет её отпереть и посмотреть, что там за стенами и что случилось со старыми розами. Мэри очень хотелось увидеть этот сад – именно потому, что он так долго был заперт. Ей казалось, что он будет совсем не таким, как другие сады, мало ли что за эти годы там могло случиться. А если ей понравится, она будет каждый день туда ходить. Закроет за собой дверку, придумает какую-нибудь игру и будет играть без помех; ведь никто не узнает, где она, все будут думать, что дверь по-прежнему заперта, а ключ зарыт в землю. Эта мысль её очень радовала.

В доме, где было столько закрытых дверей, она не находила себе занятия; предоставленной самой себе, ей ничего не оставалось, как фантазировать. Воображение её стало пробуждаться. Несомненно, этому помог

сильный, свежий, чистый ветер, дувший с вересковой пустоши. Это он разбудил у неё аппетит, разогнал кровь по жилам, расшевелил ум. В Индии ей всегда было слишком жарко, она там была ленивой, слабой, ничем не интересовалась. А здесь всё начинало её занимать, всё внушало желание нового. И почему-то ей уже не хотелось всем перечить, как раньше.

Она положила ключ в карман и стала прогуливаться по дорожке. Похоже, кроме неё, сюда никто не заходил, никто не мешал ей идти медленно и разглядывать стену или, вернее, плющ, которым она заросла. Как пристально ни всматривайся, ничего не видно, кроме густой блестящей завесы из тёмно-зелёных листьев. Вот досада! Мэри снова почувствовала раздражение. Вот стена, и верхушки деревьев выглядывают из-за неё, а как войти – неизвестно! Мэри вернулась домой с ключом в кармане, решив про себя, что, выходя на прогулку, будет всегда носить его с собой. Надо быть наготове – вдруг она обнаружит скрытую дверку?

Миссис Медлок разрешила Марте остаться на ночь с родителями, но утром Марта была уже тут как тут – щёки её пылали, а глаза весело блестели.

– Я в четыре утра встала, – рассказывала она. – До чего же в вересках хорошо! Птички порхают, кролики скачут, солнышко встаёт! И знаешь, я не всю дорогу шла. Меня один человек подвёз – то-то было весело!

Она никак не могла наговориться. Матушка так обрадовалась, когда она пришла! Вдвоём они быстро покончили со стиркой и хлеба напекли. А каждому из малышей она испекла ещё по крендельку с сахаром.

– Как наигрались на пустоши и пришли домой – глядь, а на столе крендельки, с пылу с жару! В печке огонь, а в доме до того хорошо свежим хлебом пахнет, что они просто закричали от радости! Наш Дикон так прямо и сказал: тут и король бы жить согласился!

Вечером все уселись вокруг огонька, матушка с Мартой штопали чулки и клали заплатки на порванную одежду, и Марта рассказывала им про девочку из Индии. Всю жизнь ей прислуживали чернокожие, так что она даже чулок надеть не умеет!

– Ох до чего им интересно было про тебя послушать! – болтала Марта. – Всё меня расспрашивали про чернокожих и про корабль, на котором ты приплыла. Так бы всё и слушали!

Мэри задумалась.

– Я тебе ещё расскажу, когда ты опять домой соберёшься, – пообещала она, – чтобы тебе было чем их позабавить. Как там на слонах ездят и на верблюдах, а офицеры охотятся на тигров, – им это понравится.

– Ну и ну! – воскликнула Марта с восторгом. – Да они просто с ума сойдут! Так ты точно не забудешь? Ну и ну, совсем как в зверинце! Люди болтают, приезжал как-то в Йорк настоящий зверинец. Там диких зверей показывали.

– Индия совсем не похожа на Йоркшир, – задумчиво произнесла Мэри. – Раньше мне это в голову не приходило. А твоей матушке и Дикону интересно было, как ты про меня рассказывала?

– Дикон так глаза вылупил, что они у него чуть на лоб не вылезли! – отвечала Марта. – А матушка очень огорчилась, что ты всё одна да одна. «Разве, говорит, мистер Крейвен не нанял для неё гувернантку или хотя бы няню?» Я говорю: «Да нет! Миссис Медлок, правда, сказала, что он наймёт, когда вспомнит. Да только, говорит, он, может, и два и три года не вспомнит».

– Не хочу я гувернантку, – заявила Мэри решительно.

– А матушка говорит, тебе учиться пора и нужно, чтобы кто-нибудь за тобой приглядывал. Она мне вот что сказала: «Подумай-ка, Марта, каково бы тебе было жить в таком большом доме без матери и всюду одной бродить? Смотри же, говорит, Марта, постарайся её подбодрить». Ну, я обещала.

Мэри внимательно на неё посмотрела.

– Мне с тобой и вправду веселее, – сказала она. – Мне нравится тебя слушать.

Немного погодя Марта вышла из комнаты и вернулась, держа что-то под передником.

– Ну-ка, посмотрим, что ты на это скажешь? – произнесла она с весёлой улыбкой. – Я тебе подарок принесла.

– Подарок! – вскрикнула Мэри.

Разве может семья из четырнадцати человек, живущих впроголодь, дарить кому-то подарки?

– Ехал мимо коробейник, – объяснила Марта, – и остановился возле нашего дома. Он много чего продавал, и горшки, и сковородки, и всякую всячину, только у матушки денег не было. Он уже уезжал, а Лизбет Эллен как закричит: «Мам, у него скакалочка с красными и синими ручками!»

А матушка вдруг и говорит: «Эй, мистер, подожди! Почём она?» Он говорит: «Два пенса». Она стала шарить в кармане и говорит мне: «Марта, голубка, ты мне своё жалованье принесла, мне столько дыр надо заткнуть, только я возьму вот сейчас из этих денег два пенса да куплю этой девочке скакалку». И купила – вот она!

Она вынула из-под передника скакалку и с гордостью показала Мэри. Это был тонкий крепкий шнур с сине-красными полосатыми ручками. Мэри Леннокс никогда в жизни не видела скакалок. Она смотрела растерянно, не зная, что с этим делать.

– А для чего она? – спросила она с любопытством.

– Для чего? – удивилась Марта. – Неужто не знаешь? Разве в Индии нет скакалок? Ведь там и слоны, и тигры, и верблюды есть. Ну да, там всё больше чернокожие. Вот она для чего! Смотри!

И она выбежала на середину комнаты и, взявшись за ручки, запрыгала через верёвочку, а Мэри смотрела, повернувшись на стуле, и странные господа на портретах тоже смотрели и удивлялись, что это затеяла под самым их носом эта дерзкая деревенская девушка. Но Марта на них и не взглянула. Заметив по лицу Мэри, что ей интересно, она обрадовалась и прыгала, прыгала, пока не досчитала до ста.

– Я и дольше могла бы, – проговорила она, останавливаясь. – Я в двенадцать лет до пятисот прыгала – конечно, я тогда полегче была и так навострилась, только держись!

Мэри встала со стула – лицо её оживилось.

– Как хорошо! – сказала она. – Твоя матушка – добрая женщина. Как по-твоему, я смогу научиться так прыгать?

– А ты попробуй, – подзадорила Марта и подала ей скакалку. – Сначала вряд ли ты до ста допрыгаешь, но наловчишься, и дело пойдёт. Матушка так и сказала: «Ей теперь больше всего скакалка нужна. Это очень хорошая вещь. Пусть на свежем воздухе попрыгает – ноги и руки у неё окрепнут и гибче станут».

Мэри попробовала и убедилась, что ни в руках, ни в ногах у неё особой крепости нет. Сначала у неё ничего не получилось, но прыгать ей так нравилось, что она не желала сдаваться.

– Оденься да беги попрыгай на воле, – посоветовала Марта. – Матушка велела тебе сказать, чтобы ты побольше на воздухе была, даже когда дождь, только оденься потеплее.

Мэри надела пальто и капор и перекинула скакалку через руку. Она уже открыла дверь, чтобы выйти, но вдруг остановилась и обернулась.

– Марта, – сказала она, – это ведь было твоё жалованье. Твои два пенса. Спасибо тебе.

Она произнесла эти слова без улыбки: ведь она не привыкла благодарить или замечать, что для неё что-то делают.

– Спасибо.

И она протянула Марте руку: она не знала, как ещё выразить благодарность.

Марта неловко пожала ей руку, словно и она не привыкла к таким жестам, а потом рассмеялась.

– Ну и чудная ты! – воскликнула она. – Совсем как старушка! Будь на твоём месте Лизбет Эдлен, она бы меня поцеловала.

Мэри ещё строже взглянула на неё:

– Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

Марта снова рассмеялась.

– Нет, – отвечала она. – Будь ты другой, ты бы сама захотела. А так что ж! Беги-ка на двор и попрыгай!

«Мистрис Мэри» вышла из комнаты с чувством неловкости. Странные люди йоркширцы, а уж Марта всегда была для неё загадкой. Сначала она ей не понравилась – но теперь совсем наоборот!

Скакалка была просто чудо! Мэри прыгала и считала, считала и прыгала, щёки у неё разгорелись, и она развеселилась как никогда. Солнце сияло, дул лёгкий нежный ветерок, донося запах свежескопанной земли. Мэри поскакала вокруг фонтана, потом по одной дорожке, по другой... Наконец она доскакала до служб и увидела Бена Везерстафа – он копал землю и беседовал со своей малиновкой, которая вертелась у его ног. Мэри поскакала к нему – он поднял голову и как-то странно взглянул на неё. Мэри обрадовалась, что он её заметил. Ей не терпелось показать ему, как она прыгает.

– Ну и ну! – воскликнул Бен Везерстаф. – Честное слово, может, ты всё-таки ребёнок и в жилах у тебя течёт молодая кровь, а не скисшее молоко? У тебя даже щёки покраснелись. Вот это да! Ни за что бы не поверил, что ты на такое способна!

– Я раньше никогда не прыгала через скакалочку, – сказала Мэри. – Я только учусь. Но уже могу пропрыгать до двадцати.

– Так и держи, – посоветовал Бен. – Это не худо для девицы, которая до того с язычниками жила. Глянь-ка, как она на тебя смотрит! – И он кивнул на малиновку. – Она за тобой вчера летела. И сегодня полетит. Ей смерть как хочется узнать, что это у тебя в руках. Она скаалки никогда не видала. Э-эх, – и он затряс головой, глядя на птичку, – погубит тебя любопытство, подружка, если ты вовремя не остережёшься!

Мэри обскакала все огороды и все фруктовые сады; время от времени она останавливалась отдохнуть. Наконец она повернула к своей дорожке – ей хотелось попробовать, сможет ли она проскакать её всю, от начала и до конца. Дорожка была довольно длинная, она скакала медленно, не торопясь, но, доскавав до середины, так разгорячилась и запыхалась, что поневоле остановилась. Мэри не очень огорчилась, потому что уже проскакала до тридцати. Она остановилась и засмеялась от удовольствия – на длинной ветке плюща качалась малиновка. Она прилетела следом за Мэри и теперь приветствовала её щебетаньем. Мэри поскакала к ней, чувствуя, как что-то тяжёлое в кармане бьёт ей при каждом прыжке по ноге, – и снова рассмеялась.

– Ты мне вчера показала ключ, – сказала она малиновке. – А сегодня покажи мне дверку! Только вряд ли ты знаешь, где она!

Малиновка взлетела со свисавшей ветки плюща на стену, раскрыла клюв и залилась громкой трелью – ей явно хотелось покрасоваться. Нет ничего прелестнее малиновки, когда ей хочется покрасоваться, – а это бывает так часто!

В сказках, которые аяя рассказывала Мэри Леннокс, много говорилось о чудесах. Мэри потом всегда говорила: то, что случилось в этот миг, и было чистейшее чудо.

Внезапно по дорожке промчался ветерок, чуть сильнее, чем обычный, – ветки деревьев закачались, а зелёная завеса нестриженного плюща, свисавшая со стены, отодвинулась. Мэри шагнула к малиновке. Внезапный порыв ветра отнёс в сторону длинные побеги плюща – Мэри вдруг прыгнула вперёд и ухватила за них руками. Она что-то увидела под ними – круглую ручку, скрытую побегами. То была ручка дверки!

Мэри сунула руки под листья и раздвинула зелёную завесу. Как ни густо разросся плющ, он почти всюду свисал свободно, лишь несколько побегов взобрались на стену. От волнения сердце у Мэри радостно забилось, руки задрожали. А малиновка всё заливалась и клонила головку набок,

словно тоже радовалась от всего сердца. Но вот Мэри нащупала что-то железное, квадратное, с дырочкой посредине.

Это был замок в дверце, которую вот уже десять лет никто не отпирал. Мэри сунула руку в карман, вытащила ключ и вставила в замочную скважину. Ключ подошёл! Взявшись за него обеими руками, Мэри стала поворачивать. Ключ с трудом, но повернулся!

Мэри глубоко вздохнула, обернулась и окинула взглядом дорожку. Никого. Казалось, сюда никто никогда не приходит. Она снова глубоко вздохнула (ей не хватало воздуха!), отвела в сторону завесу из плюща и толкнула дверь. Медленно-медленно дверка отворилась.

Мэри проскользнула внутрь, притворила за собой дверку и, прислонясь к ней спиной, огляделась. От радости, волнения и неожиданности сердце громко стучало у неё в груди.

Она стояла в тайном саду...

ГЛАВА 9

«До чего странный дом!»

Водосбор обыкновенный (Aquilegia vulgaris)

Здесь было так таинственно и так красиво, что и вообразить нельзя! Высокие стены, отгораживавшие сад от остального мира, были густо обвиты голыми стеблями вьющихся роз, которые сплетались в густой ковер. Мэри Леннокс знала, что это розы, потому что в Индии она видела много роз. Землю покрывала побуревшая трава, кое-где торчали пучки прутьев. Если они не погибли, то это были кусты роз. Росли там и штамбовые розы, которые так широко раскинули свои ветки, что подходили на маленькие деревца. Были в саду и другие деревья, увитые розами, чьи длинные побеги сплетались в лёгкий качающийся полог, там и сям цеплялись друг за друга или за низко свесившуюся ветку, переползали с дерева на дерево, перекидывая в воздухе живописные мостики.

Сейчас на них не было ни листьев, ни роз, и Мэри не могла решить, уцелели они или нет; серые и коричневые веточки и побеги походили на лёгкую сеть, накинутую на всё вокруг – на стены, на деревья, даже на бурю траву, по которой они расплзались, упав со своих подпорок. От этого

призрачного покрова, раскинувшегося между деревьями, сад и казался таким таинственным. Конечно, Мэри так и предполагала, что он будет совсем не похож на другие сады, ведь он был долго заброшен. Она не ошиблась – он и правда был ни на что не похож.

– Как здесь тихо! – прошептала она. – Как тихо!

Она смолкла и прислушалась. Малиновка, которая успела взлететь на верхушку своего дерева, тоже притихла. Она даже крылышком не шевельнула, сидела себе, не двигаясь, и смотрела на Мэри.

– Немудрено, что здесь так тихо, – шепнула Мэри снова. – За десять лет я первая здесь заговорила.

Осторожно, словно боясь разбудить кого-то, Мэри отошла от дверки. Как хорошо, что под ногами у неё трава, приглушавшая шаги. Она прошла под аркой из побегов и веток, словно в сказке вставшей меж деревьями, и, подняв голову, внимательно на них посмотрела.

– Интересно, они все погибли? – сказала она. – Неужели весь сад мёртв? Как было бы жалко!

Будь на её месте Бен Везерстаф, ему достаточно было бы взглянуть на растения, чтобы ответить на этот вопрос, но Мэри видела лишь серые и коричневые веточки – и нигде ни листочка!

Всё же она проникла в этот удивительный сад! Теперь она могла в любое время открыть заросшую плющом дверку и войти. Перед ней распахнулся целый мир, который принадлежал ей одной.

Сияло солнце, высокое небо казалось здесь ещё голубее и ярче, чем над пустошью. Малиновка спорхнула вниз и неотступно следовала за ней от дерева к дереву. Она что-то щебетала и деловито вертела головкой, словно показывала Мэри свои владения. Всё было так необычно, так тихо, словно сад находился за сотни миль от людей, но Мэри совсем не чувствовала одиночества. Лишь одно её занимало: неужто все розы погибли? А может, некоторые всё же выжили и, когда потеплеет, пустят ещё листочки и бутоны? Ей так не хотелось, чтобы сад был совсем мёртвым. Как это было бы чудесно, если бы он уцелел! А какое множество роз расцвело бы повсюду!

Скакалка висела у Мэри на руке; спустя немного времени она решила попрыгать по дорожкам, останавливаясь там, где захочется на что-то посмотреть. Дорожки заросли травой, а в углах виднелись вечнозелёные беседки с каменными скамьями или обомшелыми вазонами.

Доскакав до одной из этих беседок, Мэри остановилась. Здесь когда-то была цветочная клумба – из чернозёма, похоже, торчали какие-то острые бледно-зелёные росточки. Мэри вспомнила слова Бена Везерстафа и опустилась на колени, чтобы получше их разглядеть.

– Да, это действительно росточки, может, крокусов, а может, подснежников или нарциссов, – прошептала она.

Она ещё ниже склонилась над ними и втянула в себя запах влажной земли. Запах был очень приятный.

«Может, в других местах тоже что-то всходит, – подумалось ей. – Пройдусь-ка я по саду, проверю».

Скакалка ей больше была не нужна. Медленно, не отрывая глаз от земли, Мэри пошла по саду. Она вглядывалась в узкие грядки, идущие вдоль дорожек, и в побуревшую траву, стараясь ничего не пропустить; обойдя сад, она насчитала немало бледно-зелёных росточков. Ей стало весело.

– Ах, он не вовсе погиб, этот сад! – тихонько вскричала она. – Даже если розы погибли, другие растения сохранились!

Мэри ничего не понимала в садоводстве, но в некоторых местах, где она обнаружила свежие побеги, трава была такой густой, что она испугалась,

что им не пробиться. Поискав, она нашла острую палку и начала копать и выпалывать траву и сорняки, пока не расчистила землю вокруг ростков.

– Вот теперь им будет чем дышать, – сказала она, покончив с первой клумбой. – Я и остальные прополю. Всюду, где увижу ростки, расчищу. Сегодня не успею, так завтра...

Она копала и полола, переходя от одного места к другому, и это ей так понравилось, что, покончив с клумбами, она стала полоть под деревьями. От работы она до того разгорячилась, что сначала сняла пальто, а потом и капор; она не знала, что на лице её играла безотчётная улыбка.

Малиновка тоже не сидела без дела. Она была очень довольна – наконец-то в её саду началась работа. Она давно ждала, когда же Бен Везерстаф займётся её садом? Когда землю вскапывают, на поверхность вылезает столько всего вкусного! А эта новенькая, хоть и вдвое меньше Бена, догадалась войти в её сад и тут же взялась за работу!

Мэри трудилась в саду до самого обеда. Она чуть не забыла, что пора обедать; когда же наконец надела пальто и капор и взяла скакалку, всё никак не могла поверить, что проработала в саду два или три часа. Всё это время у неё на душе было так хорошо, ведь бледные росточки, освободившись от сорняков, которые душили их, словно повеселели.

– После обеда я вернусь, – сказала Мэри, озирая свои новые владения. Она обращалась к деревьям и розовым кустам, будто они её понимали.

Она легко пробежала по траве, толкнула старую тяжёлую дверку и выскользнула из-под плюща. Щёки у неё так алели, глаза так сияли, и ела она с таким аппетитом, что Марта пришла в восторг.

– Два куска мяса, а рисового пудинга ещё и добавки попросила! – воскликнула она. – Вот матушка обрадуется, когда я ей скажу, что скакалочка с тобой сделала!

Копая в саду, Мэри наткнулась на какой-то белый корень, похожий на луковицу. Она сунула его назад и тщательно засыпала землёй. Может, Марта ей объяснит, что это за корень?

– Марта, – спросила она, – что это за белые корни, похожие на луковицы?

– Это клубни, – отвечала Марта. – Из них весенние цветочки вырастают. И маленькие – подснежники и крокусы, и большие – белые и жёлтые нарциссы, и жонкилы. А уж из самых больших – лилии и ирисы. До чего ж они хороши! Дикон в нашем садике вон сколько их насадил!

– А Дикон про них всё знает? – спросила Мэри. Ей вдруг в голову пришла одна мысль.

– Дикон-то? Да у него цветы из каменной стены вырастут! Матушка говорит: он только пошепчет – и цветы из земли так и лезут!

– А клубни долго живут? – тревожилась Мэри. – Если за ними не ухаживали, они много лет проживут?

– Да за ними совсем не нужно ухаживать, – сказала Марта. – Вот почему их и бедняки разводят. Только не трогайте их, а уж они сами в земле разрастутся и новые отростки дадут. В парке есть одно место, так там этих подснежников видимо-невидимо. Вот красота-то по весне – другого такого места во всём Йоркшире не сыщешь! А когда их посадили, того никто и не знает.

– Хоть бы скорее весна! – воскликнула Мэри. – Я хочу всё-всё увидеть, что в Англии растёт.

После обеда она уселась на своё любимое местечко на коврике перед камином.

– Жаль только... жаль, что у меня лопатки нет, – произнесла она задумчиво.

– Зачем тебе лопатка? – засмеялась Марта. – Ты что, копать собираешься? Надо матушке не забыть рассказать.

Мэри глядела на огонь и размышляла. Если она хочет сохранить свои тайные владения, надо вести себя поосторожнее. Ничего плохого она не делает, но, если мистер Крейвен узнает о том, что она нашла потаённую дверку и отомкнула её, он рассердится, велит сменить замок и запрет её навеки. Мэри даже думать об этом не хотелось!

– Здесь так пусто и одиноко, – проговорила она с расстановкой, словно размышляя вслух. – В доме ни души, и в парке ни души, и в садах ни души! Всё закрыто! В Индии я ничем особенно не занималась, но там было на кого посмотреть – туземцы, солдаты, а иногда играл оркестр или аяя рассказывала мне сказки. А здесь и поговорить не с кем – только с тобой да с Беном Везерстафом. Но у тебя работа, а Бен Везерстаф не очень-то со мной разговаривает. Я подумала: будь у меня лопатка, я бы тоже вскопала себе грядку, а если б он дал мне семян, я бы посадила цветы.

Марта заулыбалась.

– Вот-вот, – подхватила она, – и матушка мне то же говорила! Сколько там земли, говорит, дали бы ей грядку, пусть хоть петрушку да редиску

посадит. Будет себе копать да пропалявать – и повеселеет. Ну прямо точь-в-точь матушкины слова!

– Правда? – удивилась Мэри. – Как она хорошо всё понимает!

– Это верно, – согласилась Марта. – Не зря она говорит: «Если женщина двенадцать детей вырастила, то уж кое-чему в жизни научилась. Это тебе не хуже арифметики будет!»

– А сколько стоит лопатка... маленькая? – спросила Мэри.

– Что ж, – отвечала задумчиво Марта, – в деревне есть лавка, и я там видела небольшие наборы садовых инструментов – лопатка, грабельки и вилка для прополки – всё вместе два шиллинга. Крепкие, тебе как раз для работы подойдут.

– У меня в кошельке больше! – обрадовалась Мэри. – Мне миссис Моррисон пять шиллингов дала, и ещё миссис Медлок – от мистера Крейвена.

– Значит, он о тебе позаботился?! – воскликнула Марта.

– Миссис Медлок сказала: он мне по шиллингу в неделю определил. Она мне каждую субботу выдаёт. Только я не знала, на что тратить.

– Да ведь это целое богатство! – воскликнула Марта. – Ты всё, что захочешь, можешь на эти деньги купить! Мы за свой домик платим всего-то шиллинг и три пенса, но они нам ой как нелегко даются! – И, уперев руки в бока, она прибавила: – Вот что мне ещё в голову пришло...

– Что? – спросила Мэри взволнованно.

– В этой лавке, что в Твейте, продают ещё и цветочные семена по пенни за пакетик, а Дикон может тебе сказать, какие самые красивые и как их выращивать. Он в Твейт часто ходит, просто так, посмотреть. А ты по-печатному писать умеешь? – вдруг спросила она.

– Я по-всякому писать умею, – отвечала Мэри.

Марта покачала головой.

– Дикон только по-печатному прочесть может. Если б ты печатными буквами написала, мы бы послали ему письмо и попросили сходить в деревню – купить разом и семена и инструменты.

– Ах, какая ты добрая! – вскричала Мэри. – Правда, добрая! Я и не знала, что ты такая хорошая! Конечно, если постараться, я смогу написать по-печатному. Давай попросим у миссис Медлок бумаги и перо с чернилами.

– У меня есть, – сказала Марта. – Я как раз купила, чтобы матушке в воскресенье письмецо отписать. Сейчас принесу!

И она выбежала из комнаты. А Мэри подошла к камину и потёрла руки от удовольствия.

– Если у меня будет лопатка, – прошептала она, – я землю как следует разрыхлю и все сорняки выполою. А если у меня будут семена – и если цветы вырастут, сад уже не будет таким мёртвым. Он оживёт!

В этот день она больше не выходила. Марта принесла чернила, перо и бумагу; потом ей пришлось убрать со стола и отнести посуду вниз, а стало Марте появиться на кухне, как миссис Медлок, которая как раз была там, велела ей что-то сделать, и в результате Марта очень задержалась. Мэри показалось, что её не было целую вечность. Написать письмо Дикону оказалось совсем не просто. Мэри не очень-то умела писать, потому что гувернантки так её не любили, что у них не задерживались. В правописании Мэри была не сильна, зато обнаружила, что если постарается, то вполне может писать печатными буквами.

Вот какое письмо продиктовала ей Марта:

«Дикон, мой дорогой!

Пишу тебе, чтоб сообщить, что здорова, чего и вам желаю. У мисс Мэри есть много денег, так что сходи в твейт и купи ей цветочных семян и набор садовых инструментов, чтобы сделать грядку. Цветы выбери самые красивые, и чтоб растить их было нетрудно, потому что она никогда этим раньше не занималась, да и жила в Индии, а там всё другое. Кланяйся матушке и всем нашим. Мисс Мэри мне ещё много чего рассказать обещает: про слонов, верблюдов и господ, что на тигров и львов охотятся, а я всё вам перескажу, как в следующий раз домой приду.

*Любящая тебя сестра
Марта Феба Сауэрби».*

– Деньги положим в конверт, а я скажу посыльному мяснику, чтоб он на своей тележке отвёз. Они с Диконом большие друзья, – сказала Марта.

– А как мне Дикон всё это передаст? – поинтересовалась Мэри.

– Да сам принесёт. Он любит сюда приходить.

– Ах, – обрадовалась Мэри, – значит, я его увижу? А я и не надеялась.

– А ты бы хотела на него посмотреть? – спросила Марта с довольной улыбкой.

– Конечно, хотела бы! Я никогда не видела мальчика, которого бы любили вороны и лисы. Очень хочу на него поглядеть!

Вдруг Марта вздрогнула, словно вспомнила о чём-то.

– Нет, ты подумай, – в сердцах молвила она, – как это я забыла? Ещё собиралась тебе первым делом с утра сказать. Я матушку спросила – и она обещала сама с миссис Медлок поговорить.

– Это про... – начала было Мэри.

– Ну да, я тебе ещё во вторник говорила. Матушка её спросила, можно ли тебе к нам как-нибудь приехать. А матушка испечёт овсяную лепёшку, ты её поешь горяченькую с маслом и выпьешь стакан молока.

В этот день, казалось, сбывались все мечты Мэри. Подумать только, она поедет по пустоши днём, под голубым небом! Поедет в дом, где живут двенадцать детей!

– И что же... миссис Медлок разрешит? – неуверенно спросила Мэри.

– Да вроде разрешит. Она ведь знает, какая матушка опрятная и как у нас в доме чисто.

– Тогда я с твоей матушкой познакомлюсь, не только с Диконом, – раздумчиво сказала Мэри. Эта мысль ей очень понравилась. – Она не похожа на матерей, которых я видела в Индии.

После работы в саду и всех волнений этого дня Мэри задумалась и притихла. Марта просидела с ней до чая; и хотя они едва обменялись двумя словами, Мэри было покойно и уютно. Но, когда Марта встала, чтобы спуститься вниз за подносом с чаем, Мэри внезапно спросила:

– Марта, а у судомойки сегодня опять зубы болели?

Марта вздрогнула.

– Что это ты вдруг спросила?

– Ты так долго не возвращалась, что я открыла дверь и пошла по коридору посмотреть, не идёшь ли ты. И опять слышала: где-то далеко кто-то плакал – помнишь, совсем как в тот вечер. Только сегодня ветра нет – так что это не ветер!

– Слушай-ка, – проговорила Марта с тревогой, – нельзя тебе по коридорам ходить да подслушивать. Мистер Крейвен рассерчает! Я прямо не знаю, что он сделает!

– Я не подслушивала, – возразила Мэри. – Я просто ждала тебя – и услышала. Это уже третий раз!

– А вот и миссис Медлок звонит, – перебила Марта и чуть не бегом бросилась из комнаты.

– До чего странный дом! – шепнула Мэри полусонно и опустила голову на мягкое сиденье стоявшего рядом кресла. Свежий воздух, работа в саду и скакалка сделали своё дело – её охватила приятная усталость, и она заснула.

ГЛАВА 10

Дикон

Лютик едкий (*Ranunculus acris*)

Вот уже неделя, как солнышко сияло над заповедным садом. Мэри так и звала его про себя: Таинственный сад. Ей нравилось это название, а ещё больше ей нравилось знать, что стоит ей скрыться за его обомшелыми стенами, и никто не будет знать, где она. Она словно пряталась от обычного мира в каком-то заколдованном месте. За свою недолгую жизнь Мэри успела прочитать всего несколько книжек, которые ей понравились: всё это были сказки, и в некоторых из них описывались тайные сады. Иные герои погружались в этих садах в сон на сто лет. Ей это казалось глупым – уж она-то в своём саду спать никак не собиралась! Напротив, с каждым днём, проведённым в Мисселтвейте, она становилась всё живее. Она приучилась гулять – ветер ей больше не досаждал, даже приятно, когда он дует! Она уже бегала быстрее и дальше и могла скакать до ста. Клубни в саду, верно, очень удивлялись. Мэри так хорошо расчитала землю вокруг, что у них теперь было вдоволь воздуха, они взбодрились и окрепли. А Мэри об этом даже и не подозревала. Теперь их грело

солнышко, а когда шёл дождь, он тотчас проникал к ним. Понемногу клубни ожили и стали набирать силу.

Несмотря на возраст, Мэри отличалась решительностью, и теперь, когда ей было на что её направить, она очень увлеклась. Она без устали копала и рыхлила землю, вытаскивала сорняки и не только не уставала, но с каждым часом всё больше втягивалась в работу. Она как бы играла в какую-то увлекательную игру. Неожиданно для себя она обнаружила множество новых бледно-зелёных росточков.

Они пробивались повсюду: каждый день она находила всё новые, один меньше другого, так что порой они едва виднелись над землёй. Их было так много, что она вспомнила слова Марты про подснежники, которых «видимо-невидимо», и о том, что клубни разрастаются под землёй и дают новые ростки. Вот уже десять лет, как их никто здесь не трогал, и они, верно, тоже разрослись, как подснежники. Ей не терпелось убедиться в том, что это и правда цветы. Порой она переставала копать, чтобы взглянуть на сад и постараться представить себе, каким он будет, когда всё в нём зацветёт.

За ту неделю, что светило солнце, Мэри ближе узнала Бена Везерстафа. Она его не раз удивляла – вдруг вырастет рядом, словно из-под земли. Дело в том, что она опасалась, как бы он при её приближении не собрал свои инструменты и не пошёл бы прочь, и потому старалась подкрасться к нему незаметно. Правда, теперь он как будто ничего против неё не имел. Возможно, ему даже льстило её внимание. К тому же и манеры её теперь заметно улучшились. Он не знал, что, увидев его впервые, она заговорила с ним, как привыкла говорить со слугами-туземцами: ей и в голову не приходило, что угрюмый и крижистый старик-йоркширец не привык склоняться перед своими хозяевами и безоговорочно выполнять их распоряжения.

– Ты совсем как моя малиновка, – сказал он ей однажды, увидев, что она снова стоит рядом. – Никак не угадаешь, когда и с какой стороны ты появишься!

– А она со мной подружилась! – похвасталась Мэри.

– Это уж так! – отрезал Бен Везерстаф. – К женщинам льнёт, а всё по легкомыслию и тщеславию. Любит покрасоваться и хвост распустить. Гордости у неё слишком много!

Обычно Бен больше помалкивал и только хмыкал в ответ на её вопросы, но в это утро вдруг разговорился. Он выпрямился, поставил подбитый гвоздями башмак на лопату и внимательно посмотрел на Мэри.

– Сколько ты уже здесь? – спросил он отрывисто.

– По-моему, около месяца, – отвечала Мэри.

– Видишь, Мисселтвейт тебе на пользу идёт, – сказал он. – Ты чуток потолстела, да и желтизна немного сошла. А когда приехала, так была словно галка оципанная! Я как тебя впервой увидел, так про себя подумал: другой такой угрюмой и неказистой девчонки я в жизни не встречал!

Мэри не отличалась тщеславием; она никогда не была высокого мнения о своей внешности, и потому слова Бена Везерстафа её не задели.

– Я знаю, что потолстела, – сказала она. – У меня даже чулки теперь не так сползают. Раньше они всегда перекручивались. А вон и малиновка, Бен Везерстаф!

И в самом деле малиновка была уже тут как тут, Мэри показалось, что она стала ещё краше. Её красная грудка лоснилась, словно атлас; она вертела хвостиком, топорщила крылышки, клонила головку набок и охорашивалась, словно добивалась, чтобы Бен Везерстаф отдал должное её красоте. Но Бен посмотрел на неё саркастически.

– А-а, вот и ты! – бросил он. – Согласна и со мной побыть немного – за неимением лучшего! Вот уже две недели, как ты грудку свою красишь да пёрышки начищаешь. Знаю, знаю, что у тебя на уме. Небось ухаживает за тобой какой-то молодец, нашёптывает тебе, что ты самая красивая малиновка во всей Миссельской пустоши, а если кто с ним не согласен, так он готов с тем сразиться!

– Нет, ты только посмотри на неё! – вскричала Мэри.

Малиновка была так очаровательна – и совсем осмелела! Она подскакивала к Бену всё ближе и всё умильнее смотрела на него. Вспорхнула на ближайший смородинный куст, склонила головку и, не сводя глаз с Бена, залилась трелью.

– Хочешь мне совсем голову заморочить, – промолвил Бен и так сморщился, что Мэри тотчас поняла: он хочет скрыть, до чего ему это приятно. – Думаешь, против тебя никто устоять не может – вот что у тебя на уме, знаю-знаю!

Малиновка расправила крылья. Мэри не верила своим глазам: малиновка подлетела к Бену и уселась на ручку его лопаты! И снова по лицу Бена побежали морщины. Он замер, словно боясьдохнуть; казалось, он ни за что на свете не шелохнётся – только бы не вспугнуть доверчивую птаху.

– Да провалиться мне на этом месте, – шепнул он с нежностью, которая никак не вязалась с его словами. – Ведь знает, как в душу влезть, это точно! Что за диво, а?

Так он и стоял, не шевелясь и почти не дыша, пока малиновка не встрепнулась и не упорхнула. Бен уставился на ручку лопаты, словно она была заколдованная, а потом снова принялся так же молча копать.

Прошло несколько минут.

На лице у Бена то появлялась, то гасла улыбка, и потому Мэри решилась снова с ним заговорить.

– А свой сад у тебя есть? – спросила она.

– Нет, я бобыль, я у Мартина в сторожке у ворот живу.

– А если бы был, что бы ты в нём посадил?

– Капусту, картошку да лук.

– А если бы ты цветы захотел развести, тогда что? – не отступала Мэри.

– Луковичные и что-нибудь пахучее, но главное – розы.

Мэрино лицо просветлело.

– Ты любишь розы? – удивилась она.

Бен Везерстаф ответил не сразу – он выдернул сорняк и отбросил в сторону.

– Гм... да, люблю. Меня одна молодая дама научила, у которой я садовником был. Было у неё одно местечко, милое её сердцу, а в нём столько роз росло – она их любила, словно детей или вот малиновок. Бывало, нагнётся и поцелует, я сам видел. – Он выдернул ещё один сорняк и грозно нахмурился. – Давно это было, вот уже десять лет.

– А где она сейчас? – поинтересовалась Мэри.

– На небе, – отвечал Бен и вонзил лопату в землю. – Так священник говорит.

– А что же розы? – спросила Мэри с волнением.

– О них забыли.

Мэри ещё больше разволновалась.

– И они погибли? Розы гибнут, если о них забывают, да? – наконец решилась она.

– Гм... Я их полюбил... и её полюбил... а она их любила, – нехотя признался Бен Везерстаф. – Разок-другой в год я туда хожу и немного ими занимаюсь – подстригу там, окопаю... Они дичают, но почва там хорошая, и некоторые выжили.

– А когда на них листочков нет и они такие серые, бурые и сухие, как узнать, погибли они или нет? – спросила Мэри.

– Подожди, пока на них весна подействует: солнышко прогреет после дождя, а после солнышка дождичек промоет – тогда и увидишь.

– Но как? Как? – вскричала Мэри, забыв об осторожности.

– Осмотри веточки и отростки и, если где найдёшь коричневый бугорок, погляди на него после тёплого дождичка. Тогда увидишь... – Внезапно он остановился и с любопытством взглянул на её взволнованное лицо. – Чего это ты вдруг садами и розами заинтересовалась?

Мэри вспыхнула. Она едва решилась ответить.

– Я... хочу играть... будто у меня свой сад, – проговорила она с запинкой. – Мне... совсем нечем заняться. У меня ничего... и никого нет.

– Что ж, – медленно проговорил Бен Везерстаф, не отводя от неё глаз, – твоя правда. Так оно и есть.

Он так странно произнёс эти слова, что Мэри подумала: уж не жалеет ли он её? Сама она никогда не испытывала к себе жалости, только усталость или недовольство, потому что многое её раздражало, да и люди тоже! Однако теперь всё вокруг, казалось, менялось – и к лучшему! Если никто про тайный сад не проведаёт, то она там будет играть – всегда! Вот будет хорошо!

Мэри пробыла с Беном ещё минут десять–пятнадцать и задала ему ещё несколько осторожных вопросов. Она боялась, как бы он чего не заподозрил, но он на всё отвечал и хотя и ворчал в своей обычной манере, но, видно, не рассердился – во всяком случае, не взял лопату и не ушёл. Она уже собралась с ним распрощаться, когда он сказал что-то о розах, и это напомнило ей о саде, который он, по его словам, полюбил.

– А теперь ты хочешь взглянуть на те розы? – спросила она.

– В этом году не был. Ревматизм меня одолел, суставы совсем не гнутся.

Он пробурчал это, как всегда, недовольно, а потом вдруг почему-то рассердился.

– Слушай-ка! – произнёс он резко. – Что это ты меня всё допрашиваешь? В жизни такой приставучей не выдывал! Иди себе, играй! Ничего больше говорить не буду!

В голосе у него звучала такая досада, что она поняла: больше она у него ничего не выудит. Она вышла из ограды и медленно поскакала прочь по длинной дорожке, а пока скакала, думала о нём: что ж, что он такой

сердитый, всё равно он ей, как ни странно, нравится. Да, старый Бен Везерстаф ей нравится. Определённо нравится. Ей всегда хотелось, чтобы он разговаривался. И потом он, похоже, всё-всё про цветы знает.

Тайный сад огибала дорожка, усаженная вечнозелёными кустами, которая упиралась в калитку, ведущую в рощу. Мэри решила проскакать до калитки и посмотреть, не видно ли в лесу кроликов. Ей весело было скакать по дорожке; оказавшись у калитки, она открыла её и вышла в лес: тут она услышала какой-то странный, негромкий и протяжный звук, и ей захотелось узнать, что это.

Вот неожиданность! У неё перехватило дыхание, и она стала как вкопанная. Под деревом, опершись о ствол, сидел мальчик и играл на простой деревянной дудочке. Забавный это был мальчик! Лет двенадцати на вид, чистенький, курносый, краснощёкий, а глаза такие круглые и голубые, каких Мэри никогда в жизни не видела. К стволу дерева, под которым он сидел, прильнула белочка, не сводившая с него глаз; из-за ближнего куста выглядывал фазан; а совсем рядом с ним сидели на задних лапах два кролика и дёргали носиками. Можно было подумать, что все они сошлись сюда посмотреть на него и послушать негромкий звук его дудочки.

Заметив Мэри, он поднял руку и проговорил тихим голосом, чем-то похожим на его свирель:

– Не двигайся. А то вспугнёшь...

Мэри застыла. Мальчик перестал играть и начал медленно вставать с земли. Он поднимался так осторожно, что, казалось, вовсе не двигался, однако постепенно выпрямился и встал. Белка тотчас бросилась вверх по дереву, фазан спрятал голову, а кролики опустили на передние лапки и спокойно поскакали прочь.

– Я Дикон, – сказал мальчик. – А ты, я знаю, мисс Мэри.

Но Мэри давно уже поняла, что это Дикон. Кто ещё мог так околдовать кроликов и фазанов, словно заклинатель змей в Индии? Рот у него был широкий, уголки рта загибались вверх, а улыбка освещала всё лицо.

– Я вставал медленно, – объяснил он, – потому что, если сделать быстрое движение, они пугаются. Когда животные выходят из леса, надо двигаться осторожно и говорить тихо.

Он объяснял ей это, будто она была старой знакомой, а ведь он никогда не видел её раньше! Мэри совсем не знала мальчика, она вдруг оробела и ответила ему сдержанно.

– Ты получил от Марты письмо? – спросила она.

Он кивнул. Волосы у него были кудрявые, тёмно-рыжие.

– Я потому и пришёл.

Он наклонился и поднял с земли какой-то свёрток.

– Я тебе садовые инструменты купил. Тут и лопатка, и тяпка, и вилка, и мотыжка. Такие крепкие! И ещё совок. Я семена купил, а хозяйка лавки ещё дала мне в придачу пакетик белых маков и другой – голубых.

– Покажешь мне семена? – спросила Мэри.

Вот бы ей так говорить, как он! Быстро, легко... Он говорил с ней так, будто относился к ней хорошо и даже мысли не допускал, что она отнесётся к нему иначе, а ведь он был простым деревенским мальчишкой в зала-танной одежде, с забавной физиономией и копной рыжих волос. Подойдя ближе, она ощутила свежий запах вереска, травы и листьев. Ей это понравилось, а посматрив на его забавную физиономию с красными щеками и круглыми голубыми глазами, она забыла о своей робости.

– Давай сядем на бревно и посмотрим, – предложила она.

Они уселись, и Дикон вытащил из кармана куртки небольшой свёрток в обёрточной бумаге. Он развязал бечёвку – в свёртке лежали маленькие аккуратные пакетики с изображением цветка на каждом.

– Тут маков много и резеды, – объяснил он. – У резеды запах приятный; она, как маки, всюду растёт, куда ни брось. Неприхотливые цветочки самые приятные! Бросишь их в землю, посвистишь – глядь, а они уж поднялись и зацвели!

Вдруг он замолчал и быстро оглянулся – его румяное лицо осветилось.

– Где эта малиновка, что нас зовёт? – спросил он.

Звуки неслись из густого куста остролиста, на котором пламенели багровые ягоды. Мэри подумала, что знает, кто там заливается.

– Она правда нас зовёт? – усомнилась она.

– Ну да, – подтвердил Дикон, словно это само собой разумелось. – Она так поёт, когда кого-нибудь из друзей призывает. Будто говорит: «Я здесь. Посмотри на меня. Хочу с тобой поболтать!» Вон она в кусте. Чья это малиновка?

– Бена Везерстафа. Мне кажется, она и меня немного знает, – отвечала Мэри.

– Да, она тебя знает, – тихо подтвердил Дикон. – И ты ей нравишься. Она тебя приняла. Сейчас она мне всё про тебя расскажет.

Медленно и осторожно, как раньше, он приблизился вплотную к кусту и издал звук, удивительно похожий на щебет малиновки. Малиновка внимательно прислушалась, а потом защебетала так, словно отвечала на вопрос.

– Да, вы с ней друзья, – усмехнулся Дикон.

– Правда? – взволнованно воскликнула Мэри. Ей так важно было это узнать. – Ты правда думаешь, что она ко мне хорошо относится?

– А иначе она бы тебя так близко не подпустила, – подтвердил Дикон. – Птицы очень разборчивы, а малиновки умеют насмехаться – ещё похуже людей. Смотри, как она с тобой заигрывает! Говорит: «Ты разве меня не видишь?»

Похоже, он был прав. Малиновка так и заливалась, так и вертелась, так и красовалась, прыгая по кусту.

– Ты всё понимаешь, что птицы говорят? – спросила Мэри.

Дикон улыбнулся до самых ушей и поскрёб свою рыжую голову.

– Вроде да, – отвечал он. – Да и они так думают. Я ведь так долго с ними вместе на пустоши жил. Я видел, как они из скорлупы вылупляются, как летать учатся, как петь начинают – и совсем с ними сроднился. Иногда мне кажется, может, я птица, или лис, или кролик, а может, белка или даже жук, только сам этого не знаю.

Он засмеялся, уселся снова на бревно и продолжал рассказывать ей о цветочных семенах. Он описал ей, как выглядят разные цветы, когда расцветают, и объяснил, как их сажать и ухаживать за ними.

– Знаешь что? – сказал он вдруг и, повернувшись, поглядел на неё. – Я сам их тебе посажу. Где твой сад?

Мэри крепко сжала опущенные на колени руки. Она растерялась и с минуту молчала. Такое ей в голову не приходило. Ей стало не по себе. Словно кровь прилила к щекам, а потом вдруг отлила.

– У тебя же есть участок земли, правда? – спрашивал Дикон.

Она сначала покраснела, а потом побледнела – Дикон это заметил. Она всё молчала, и он не знал, что подумать.

– Разве тебе не указали участка? – недоумевал он. – Неужели нет?

Мэри ещё крепче сжала свои худые руки и перевела на него взгляд.

– Я мальчиков совсем не знаю, – произнесла она медленно. – Ты можешь сохранить секрет, если я тебе его открою? Это тайна – я просто не знаю, что со мной будет, если кто-то о ней проведаёт. Должно быть, я просто умру!

Последнюю фразу она произнесла с горячностью.

Дикон смутился, почесал снова голову, но добродушно ответил:

– Да я только то и делаю, что тайны храню! Если б я от других ребят не скрывал, где на пустоши птичьи гнёзда, а где лисьи норы и другие, они бы давно их разорили. Да, я умею молчать.

Мэри вовсе не собиралась хватать Дикона за рукав, но всё-таки схватила.

– Понимаешь, я присвоила сад, – быстро-быстро сказала она. – Он не мой. Он ничей. Никому он не нужен, никто о нём не заботится, никто в него даже не заглядывает. Может, там всё погибло – не знаю... – Ей вдруг стало жарко и ужасно захотелось с кем-то поссориться. – Ну и ладно! И пусть! Его у меня не отнимут! Им всё равно, а мне нет! Он там гибнет... одинокий, а никому дела нет! – закончила она с жаром и, закрыв лицо руками, разрыдалась. Бедная «мистрис Мэри»!

У Дикона глаза ещё больше округлились.

– Ну и ну-у-у! – протянул он, и в голосе его звучало удивление и сочувствие. – А где он? – спросил Дикон, понизив голос.

Мэри вскочила с бревна. Она почувствовала себя, как раньше, упрямой и злой, но ей было всё равно. Хотелось кричать и приказывать, как бывало в Индии; впрочем, в то же время ей было жарко и как-то не по себе.

– Идём, я тебе покажу, – проговорила она.

Она провела его по дорожке с вечнозелёными кустами, а потом по другой, идущей вдоль заросшей плющом стены. Дикон шёл за ней с выражением чуть ли не жалости на лице. Ему казалось, что его ведут к гнезду какой-то лесной птицы и двигаться надо осторожно. Он вздрогнул, когда Мэри шагнула к стене и, раздвинув плющ, отперла дверку в стене. Мэри толкнула дверку – и они вошли. Тут Мэри остановилась и взмахнула рукой, словно бросая кому-то вызов.

– Вот, – проговорила она. – Вот сад, и во всём свете только я одна хочу, чтобы он ожил.

Дикон медленно обвёл сад взглядом.

– Ого! – произнёс он чуть не шёпотом. – Ишь как тут красиво! Прямо будто во сне!

ГЛАВА 11

«Неужто я бы тебя выдал?»

Журавельник луговой (*Geranium pratense*)

Минуты три Дикон стоял и молча озирался, а Мэри смотрела на него; потом, ступая ещё осторожнее, чем Мэри, когда она впервые проникла за эти стены, он медленно обошёл сад. Его глаза ничего не пропускали: ни серых деревьев, ни тусклых вьюнков, ни спутанных стеблей по стенам, ни вечнозелёных беседок, где стояли каменные скамьи и высокие цветочные вазоны.

– Я и не думал, что его увижу, – прошептал он наконец.

– А ты разве о нём знал? – удивилась Мэри.

Она говорила громко – и он сделал ей знак молчать.

– Тише, – прошептал он, – не ровён час, услышит кто и подумает: что это здесь творится?

– Ой, я забыла! – испугалась Мэри и прикрыла рот рукой.

Успокоившись, она тихо проговорила:

– А ты разве об этом саде знал?

Дикон кивнул.

– Мне Марта говорила, что есть тут где-то сад, куда вход заказан, – ответил он. – Мы ещё гадали, как-то он выглядит.

Он замолчал и обвёл взглядом дивные заросли вокруг – его круглые глаза как-то странно засветились.

– Ой, сколько здесь по весне гнёзд будет! – воскликнул он. – Лучше места для гнездовий во всей Англии не сыскать! Никто сюда не заходит, кругом заросли, вей себе гнёзда, да и всё! Как это все птицы с нашего края сюда не слетелись, не пойму!

И снова Мэри тронула его, сама того не заметив, за руку.

– А розы здесь будут? – тихо спросила она. – Ты можешь сказать? Или они все погибли?

– Да что ты! Розы? Погибли? Да не могут они все погибнуть! – ответил Дикон. – Глянь-ка!

Он шагнул к ближайшему деревцу – оно было старое-престарое, ствол весь зарос лишайником, спутанные ветви и выющиеся растения свисали с него до земли. Дикон вынул из кармана складной нож и открыл одно из лезвий.

– Тут много мёртвых веток, их надо срезать, – пояснил он. – И старых веток немало, но есть и новые. Вот, скажем, эта. – И он указал на веточку, которая была не серая, сухая и твёрдая, а зеленовато-коричневая.

Мэри благоговейно притронулась к веточке.

– Эта? – спросила она. – Ты думаешь, она живая? Совсем-совсем живая? Дикон ухмыльнулся.

– Да, она шустрая, совсем как мы с тобой, – подтвердил он, и Мэри вспомнила: Марта как-то ей объясняла, что «шустрый» значит «живой», «бойкий».

– Я рада, что она шустрая! – воскликнула она тихонько. – Вот бы все веточки здесь были шустрые! Давай обойдём сад и посчитаем, сколько их всего таких.

От волнения у неё перехватило дыхание, но и Дикон тоже был взволнован. Они стали переходить от деревца к деревцу, от куста к кусту. Дикон держал в руке нож и рассказывал ей всякие чудеса.

– Они одичали, – говорил он, – но тем, что по сильнее, это только пошло на пользу. Слабые погибли, а те, что по сильнее, росли и росли – прямо на удивление. Вот посмотри! – И он пригнул к земле толстую серую ветку, которая казалась совсем сухой. – Кажется, будто она засохла, только это не так. Я её подрежу пониже и посмотрю!

Он стал на колени и подрезал близко к корню.

– Так и есть! – воскликнул он с торжеством. – Что я тебе говорил? Внутри она зелёная. Гляди-ка!

Мэри уже стояла на коленях и во все глаза смотрела на срез.

– Если нутро у неё зеленоватое и сочное, значит, она живая, – объяснял Дикон. – А вот когда она вся сухая и ломкая, как вот, к примеру, эта, тогда уже всё, не можешь! Вон здесь какой корень громадный, из него сколько веток растёт, и если всю сушь срезать, а корень как следует окопать и удобрить, то... – он смолк и, подняв голову, оглядел вьющиеся и ниспадающие на землю побеги, – то летом здесь будет прямо фонтан из роз!

И они снова пошли от куста к кусту, от дерева к дереву. Нож у Дикона в руках так и мелькал, он умело отсекал мёртвые сучки и безошибочно определял, в каких безнадёжных на вид ветках сохранилась хоть капля жизни. Прошло всего полчаса, а уж Мэри казалось, что и она стала в этом разбираться. Дикон отсекал сухую ветку, а она, увидев хоть немного влажной зелени внутри, вскакивала от радости. Пригодились и лопатка, и тяпка, и грабельки. Дикон показал ей, как грабельками разбивать комья земли, когда окапываешь корни, чтобы открыть к ним доступ воздуха.

Они с жаром работали вокруг самого высокого деревца штамбовых роз, как вдруг Дикон вскрикнул от удивления.

– Вот те на! – воскликнул он и ткнул пальцем в траву, растущую рядом. – Это чья работа?

Он указывал на прогалину с бледно-зелёными росточками, которую расчистила Мэри.

– Моя, – призналась Мэри.

– Твоя? Ты же ничего не понимаешь в садоводстве! – изумился он.

– Конечно, не понимаю, – согласилась Мэри, – только они были такие маленькие, а трава такая густая, что совсем их забивала. Вот я и расчистила для них местечко. Я даже не знаю, как они называются.

Дикон подошёл к прогалине и опустился на колени возле ростков – на лице его заиграла широкая улыбка.

– Всё правильно, – одобрил он. – Лучшего совета тебе и садовник бы не дал. Они теперь будут расти вовсю. Это крокусы и подснежники, а здесь – белые нарциссы. – Он повернулся к другой прогалине: – А вон там – жёлтые нарциссы. Ну и красота здесь будет!

Он перебежал от одной прогалинки к другой.

– Ты славно поработала, а сама-то как пёрышко, – похвалил он, окинув её взглядом.

– Я уже окрепла, – возразила Мэри, – и вес набираю. Я раньше всегда уставала, а теперь копаю и совсем не устаю. Мне нравится, как пахнет вскопанная земля.

– Тебе это впрок, – заметил Дикон, важно кивая. – С этим запахом ничто не сравнишь – разве запах молодой зелени, когда дождик её моет. В дождь я часто на пустошь хожу – лягу под куст, слушаю, как капли по вереску шелестят, и нюхаю, нюхаю... Матушка говорит, у меня кончик носа, совсем как у кролика, дёргается!

– А ты никогда не простужаешься? – удивилась Мэри. Она в жизни не видала такого забавного – и такого приятного! – мальчика.

– Только не я, – отвечал он с усмешкой. – Я с самого рождения ни разу не простужался. Меня ведь никогда не кутали. Я по пустоши, словно кролик, во всякую погоду гонял. Матушка говорит, я свежим воздухом так за свои двенадцать лет надыхался, что меня никакая простуда не возьмёт. Я крепкий, как сук.

Всё это время он продолжал работать, а Мэри шла за ним следом, с совком и грабельками, и помогала, где могла.

– Сколько здесь работы! – с восторгом сказал он, внезапно остановившись и оглядываясь.

– А ты ещё придёшь мне помочь? – спросила Мэри. – Знаешь, я тоже работать буду. Я могу копать, и сорняки вытаскивать, и делать всё, что ты мне скажешь. Дикон, прошу тебя, приходи!

– Я буду приходить каждый день, если ты хочешь, и в дождь и в ведро, – твёрдо пообещал он. – Оживить сад, спрятанный за стенами! Такого я ещё никогда не делал – вот весело-то будет!

– Если ты будешь приходить, – начала Мэри, – если ты мне поможешь спасти этот сад, я... я просто не знаю, что я сделаю, – закончила она беспомощно.

Что можно сделать для такого паренька?

– Я тебе скажу, что ты сделаешь, – подхватил Дикон со своей весёлой улыбкой. – Ты потолстеешь, будешь есть, как молодой лисёнок, и научишься, как я, разговаривать с малиновкой. Да что там, ну и повеселимся же мы!

Он стал обходить сад, задумчиво глядя на стены и кусты.

– Я бы не хотел, чтобы здесь всё было как в настоящем саду, всё подстрижено, нигде ни соринки, ни травинки... А ты? – спросил он. – Мне так больше нравится, когда всё само по себе растёт, висит и друг за друга цепляется.

– Да, давай его не будем очень расчищать, – подхватила взволнованно Мэри. – Какой же из него таинственный сад, если он будет весь прилизанный?

Дикон остановился и озабоченно почесал свою рыжую голову.

– Таинственный-то он таинственный, – протянул Дикон, – но только сдаётся мне, что за эти десять лет здесь, кроме малиновки, ещё кое-кто побывал.

– Но дверка была заперта, а ключ зарыт в землю, – возразила Мэри. – Сюда никто не мог войти!

– Это верно, – согласился он. – Странное это место. А только, похоже, кусты кое-где подстрижены... и не так давно.

– Да как это может быть? – воскликнула Мэри.

Дикон присмотрелся к ветке штамбовой розы и покачал головой.

– Да! Как это может быть? – пробормотал он. – Дверка заперта, а ключ зарыт.

Мэри всегда знала, что, сколько бы она ни жила, ей никогда не забыть то первое утро, когда её сад стал оживать. Ей казалось, что это случилось в то самое утро. А когда Дикон стал расчищать землю, чтобы посеять семена, она вспомнила песенку, которой дразнил её Бэзил.

– А существуют цветы, похожие на бубенчики? – спросила она.

– Ландыши похожи, – отвечал Дикон, разрыхляя землю. – А ещё колокольчики, конечно.

– Давай их посадим, – попросила Мэри.

– Здесь ландыши и так растут, я знаю. Их здесь видимо-невидимо! Только они слишком тесно сидят, надо рассадить. Колокольчики, если их посеять, только через два года начнут цвести, но я могу тебе рассаду из дома принести. А зачем они тебе?

И Мэри рассказала ему о Бэзиле и его братьях и сёстрах в Индии, и как она их ненавидела, и как они её дразнили.

– Они вокрут меня плясали и пели:

*Мистрис Мэри, злючка Мэри,
Что ты растишь в своём саду?
Серебряные бубенчики,
Ноготки и лебеду.*

Я об этом вспомнила и подумала: а существуют цветы, похожие на серебряные бубенчики? – Она нахмурилась и ткнула совком в землю. – И вовсе я не такая уж злюка!

Но Дикон только рассмеялся.

– Э-э, – сказал он, разбивая комья чернозёма и жадно вдыхая его запах, – к чему сердать, когда на свете есть цветы и всё такое и вокруг столько зверюшек? Кто бегает, кто нору или гнездо себе мастерит, кто поёт, кто свистит, правда?

Мэри, которая стояла возле него на коленях с семенами в руках, перестала хмуриться.

– Дикон, – сказала она, – ты и вправду такой хороший, как Марта говорила. Ты мне нравишься! Ты уже пятый, кто мне нравится. Я никогда и не думала, что мне целых пять человек понравятся!

Дикон сел на пятки, совсем как Марта, когда она чистила камин. До чего же он был смешон – круглые голубые глаза, красные как маки щёки и задорный вздёрнутый нос! Смотреть на него было одно удовольствие!

– Только пять? – переспросил он. – А кто же остальные четверо?

– Твоя матушка и Марта, – отвечала Мэри, загибая пальцы, – а потом малиновка и Бен Везерстаф.

Дикон громко захохотал, но тут же опомнился и прикрыл рот рукой.

– Я знаю, я тебе кажусь чудным, – произнёс он, – но я тебе скажу: чуднее тебя я никого не встречал!

И тут Мэри повела себя очень странно. Она наклонилась и задала ему вопрос, который раньше никому бы не задала. К тому же она постаралась произнести его нараспев, как говорят в Йоркшире, – ведь Дикон так говорил, а она помнила, что в Индии туземцы радовались, если с ними говорили на их языке.

– А я тебе по нраву? – спросила она по-йоркширски.

– Да уж точно, – ответил он от души, – по нраву. Ты мне ужасно нравишься – и малиновке вроде тоже!

– Значит, вас двое, – откликнулась Мэри. – Уже двое, кому я нравлюсь!

И они с ещё большим пылом принялись снова за работу. Когда часы во дворе пробили час обеда, Мэри удивилась.

– Мне надо идти, – протянула она с огорчением. – И тебе тоже, да?

Дикон улыбнулся.

– У меня обед лёгкий, карман не оттянет, – сказал он. – Мне матушка всегда что-нибудь с собой даёт.

Он подобрал лежавшую на траве куртку и вынул из кармана небольшой узелок, завязанный в чистый полотняный платок в синюю клетку. В нём лежали два толстых куста хлеба, чем-то переложенных.

– Обычно она мне просто хлеба даёт, – сказал он, – а сегодня ещё хороший ломоть бекона добавила.

«Разве это обед?» – подумала Мэри, но Дикон явно с удовольствием думал о нём.

– Беги, поешь, – кивнул Дикон. – Я-то со своим обедом быстро управлюсь. Успею ещё немного поработать, прежде чем домой идти.

И он уселся на землю, прислонясь к дереву.

– Позову твою малиновку, – проговорил он, – и дам ей корочку от бекона поклевать. Они страсть как сало любят.

Уходить Мэри не хотелось. А вдруг он лесной дух – она вернётся, а его уже нет? С ним было так хорошо! Она медленно побрела к калитке, но, не дойдя до неё, повернула назад.

– А ты... ты меня не выдашь? – спросила она. – Что бы ни случилось?

У Дикона рот был битком набит хлебом с беконом, но он умудрился улыбнуться ей в ответ.

– Если бы ты была птичкой и показала мне своё гнездо в лесу, неужто я бы тебя выдал? Нет, я не из тех. Ты можешь быть спокойна – как птичка.

И она успокоилась.

ГЛАВА 12

«А можно мне немного земли?»

Калина вечнoзелёная (*Viburnum tinus*)

Мэри бежала со всех ног и влетела в свою комнату совсем запыхавшись. Волосы у неё растрепались, щёки горели. Обед уже был на столе, а возле стола стояла Марта.

– Ты что-то припозднилась, – сказала она. – Где это ты была?

– Я познакомилась с Диконом! – закричала Мэри. – Я познакомилась с Диконом!

– Я знала, что он придёт! – воскликнула Марта с радостью. – Как он тебе понравился?

– По-моему... по-моему, он такой красивый! – решительно заявила Мэри.

Марта, казалось, удивилась; впрочем, вид у неё был довольный.

– Парнишка хороший, таких поискать, только красивым мы его никогда не считали. Нос у него курносый...

– А мне такой нос нравится, – возразила Мэри.

– И глаза круглые, – с сомнением протянула Марта. – Хотя цвета неплохого...

– А мне нравится, что они круглые, – стояла на своём Мэри. – И они точь-в-точь такого же цвета, как небо над пустошью.

Марта расплылась.

– Матушка говорит: они у него потому такого цвета, что он вечно на облака да на птичек смотрит. Но рот у него большой, с этим не поспоришь, верно?

– А мне его рот нравится, – не сдавалась Мэри. – Вот бы мне такой!

Марта весело хмыкнула.

– Ну, это было бы смешно, ведь у тебя личико такое маленькое. Я знала, что он тебе понравится. А семенами и садовыми инструментами ты довольна?

– Откуда ты знаешь, что он их принёс?

– Я ни минуты не сомневалась. Если только они есть в Йоркшире, он их непременно бы принёс. На него можно положиться.

Мэри опасалась, что Марта начнёт задавать ей всякие вопросы, но этого не случилось: Марту занимали только семена и инструменты. Впрочем, был момент, когда Мэри испугалась: Марта поинтересовалась, где Мэри посадит цветы.

– Ты у кого спрашивалась? – сказала она.

– Пока ни у кого, – неуверенно ответила Мэри.

– Пожалуй, я бы не стала спрашиваться у старшего садовника. Уж очень он важный, наш мистер Роуч.

– Я его даже не видела, – сказала Мэри. – Я знаю только его помощников и Бена Везерстафа.

– Я бы на твоём месте спросила Бена Везерстафа, – посоветовала Марта. – Он совсем не такой страшный, как кажется, хотя и брюзжит всё время. Мистер Крейвен ему всё прощает – ведь он здесь работал, ещё когда миссис Крейвен была жива, и умел её рассмешить. Она его любила. Может, он найдёт тебе где-нибудь уголок.

– Если он будет не на виду и никому не нужен, никто ведь не будет возражать, правда? – с тревогой спросила Мэри.

– А чего им возражать? – отвечала Марта. – Ты никому не мешаешь.

Мэри поскорее проглотила обед и, встав из-за стола, совсем уже хотела бежать в спальню за капором, но Марта её остановила.

– Мне надо тебе что-то сказать, – объявила она. – Только я хотела, чтобы ты прежде поела. Сегодня утром мистер Крейвен вернулся домой и хочет, по-моему, тебя повидать.

Мэри побледнела.

– Ах! – вскричала она. – Но почему? Почему? Когда я приехала, он не хотел меня видеть. Я слышала, как Питчер говорил, что он не хочет меня видеть.

– Миссис Медлок говорит, что это матушка его надоумила, – продолжала Марта. – Она тут шла в деревню и повстречала его. Она с ним прежде никогда не говорила, но миссис Крейвен к нам домой раза два заходила. Он-то об этом забыл, да матушка не забыла. Вот она и осмелилась его остановить. Не знаю, что уж она ему про тебя говорила, только он решил перед отъездом тебя повидать. Он завтра уезжает.

– Правда? – спросила Мэри. – Он завтра уедет? Как хорошо!

– Он уедет надолго. Вернётся, верно, не раньше осени или зимы. Поедет по чужим странам. По весне он всегда далеко уезжает.

– Вот и хорошо! – обрадовалась Мэри.

Если он всё лето будет в отъезде, она успеет увидеть, как потаённый сад воскреснет и расцветёт! А если потом мистер Крейвен узнает и отберёт его, что ж, она, по крайней мере, успеет увидеть, как пробудился сад.

– А как ты думаешь, когда он хочет?..

Она не успела закончить – дверь отворилась, и в комнату вошла миссис Медлок. На ней было парадное чёрное платье и чепец; воротник украшала брошь, в которую был вставлен мужской портрет. Это была раскрашенная фотография мистера Медлока, скончавшегося много лет назад, – миссис Медлок всегда прикалывала её по торжественным случаям. Вид у неё был взволнованный.

– У тебя волосы растрёпаны, – быстро проговорила она. – Пойди причешись. Марта, помоги ей – пусть наденет самое нарядное платье. Мистер Крейвен послал меня за ней, велел привести её в кабинет.

Мэри побледнела. Сердце у неё забилося, и она почувствовала, как снова превращается в некрасивую, молчаливую, наспугленную девочку. Не говоря ни слова, она повернулась и пошла в спальню. Марта последовала за нею. Она не произнесла ни звука, пока Марта помогала ей переодеваться и причёсываться; покончив с туалетом, она молча пошла за миссис Медлок по бесконечным коридорам. Что она могла сказать? Надо идти к мистеру Крейвену; она ему не понравится, и он ей тоже. Она знала, что он подумает о ней.

Миссис Медлок провела Мэри на ту половину дома, где она никогда раньше не бывала, и постучала в дверь. Кто-то сказал: «Войдите!» – и они

вошли. В кресле возле камина сидел мужчина, и миссис Медлок обратилась к нему.

– Это мисс Мэри, сэр, – сказала она.

– Оставьте её здесь и можете идти. Я вам позвоню, когда нужно будет её увести.

Миссис Медлок вышла и закрыла за собой дверь, а Мэри осталась стоять – маленькая, некрасивая, она нервно сжимала и разжимала тонкие пальцы. Она заметила, что человек в кресле не был горбуном – просто он сильно сутулился и одно плечо у него было значительно выше другого; в его чёрных волосах виднелись седые пряди. Он повернул голову и заговорил с ней:

– Подойди ко мне!

Мэри подошла.

Он вовсе не был безобразен. Лицо у него было бы даже красивым, не будь оно таким мрачным. Казалось, его тревожит её присутствие, словно он не знает, что с ней делать.

– Ты здорова? – спросил он.

– Да, – отвечала Мэри.

– О тебе хорошо заботятся?

– Да.

Он недовольно потёр лоб и окинул её взглядом.

– Ты очень худа, – заметил он.

– Я уже начала поправляться, – натянуто ответила Мэри. Голос у неё, она знала, звучал до крайности скованно.

Какое у него несчастное лицо! Его чёрные глаза словно смотрели мимо неё; он её, верно, и не видел и с трудом заставлял себя сосредоточиться.

– Я про тебя забыл, – произнёс он. – Как мне было о тебе упомянуть? Я хотел прислать тебе няню или гувернантку, но – забыл.

– Пожалуйста... – начала Мэри. – Пожалуйста...

Голос у неё сжался – она не могла продолжать.

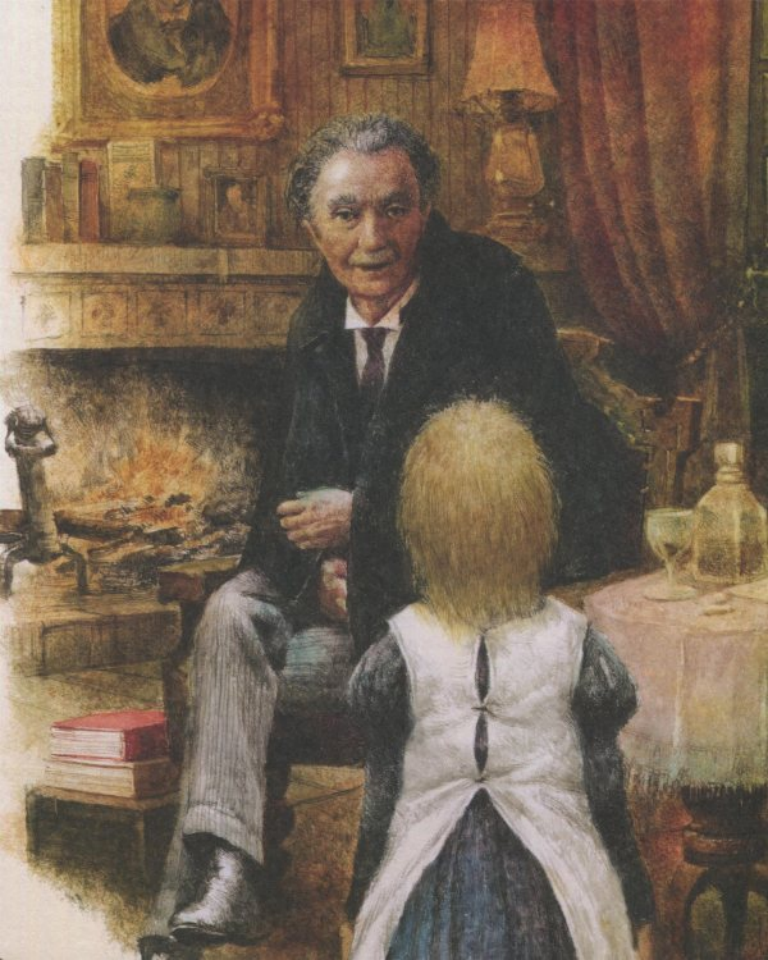
– Что ты хочешь сказать? – спросил он.

– Я... я уже слишком большая для няни, – сказала Мэри. – И пожалуйста... пожалуйста... не надо мне пока гувернантку.

– Вот и эта женщина... Сауэрби... то же говорила, – рассеянно пробормотал он.

Мэри немного осмелела.

– Это... это мать Марты? – спросила она, запинаясь.

– Кажется, да, – отвечал он.

– Она в детях понимает, – сказала Мэри. – У неё их двенадцать. Она понимает.

Он как будто немного очнулся.

– Что же ты хочешь?

– Я хочу играть на воздухе, – отвечала Мэри. Она надеялась, что голос у неё не очень дрожит. – В Индии я не любила гулять. А здесь у меня от воздуха аппетит, я уже начала поправляться.

Он внимательно смотрел на неё.

– Миссис Сауэрби говорит, это тебе полезнее всего. Возможно, так оно и есть. Она думает, надо тебе дать окрепнуть, прежде чем приглашать гувернантку.

– Когда я играю, а с пустоши дует ветер, я чувствую, что сил у меня прибавляется, – пояснила Мэри.

– А где же ты играешь? – спросил он, помолчав.

– Всюду, – выдохнула Мэри. – Мартина матушка прислала мне скалку. Я бегу и прыгаю – и смотрю, не вылезли ли цветы из земли. И никому не мешаю.

– Почему у тебя такой испуганный вид? – встревоженно спросил он. – Разве ты можешь кому-нибудь мешать? Такая маленькая девочка! Играй себе где хочешь.

Мэри прикрыла шею рукой – она боялась, как бы он не увидел, что в горле у неё стоит комок.

– Правда? – спросила она с дрожью и шагнула к нему.

Ей показалось, что он смотрит на неё с беспокойством.

– Ну что ты испугалась? – спросил он. – Конечно, я тебе разрешаю. Я твой опекун, хоть из меня и плохой опекун для ребёнка. Я не могу уделить тебе ни времени, ни внимания. Я слишком болен, слишком несчастен, слишком занят, но я хочу, чтобы ты была довольна и счастлива. Я о детях ничего не знаю, но миссис Медлок проследит, чтобы у тебя было всё, что нужно. Я послал за тобой сегодня, потому что миссис Сауэрби сказала, чтобы я тебя повидал. Ей про тебя рассказала дочь. Она полагает, что тебе нужен свежий воздух, свобода и движение.

– Она в детях понимает, – против воли повторила Мэри.

– Похоже на то, – согласился мистер Крейвен. – Сначала, когда она со мной заговорила, я счёл это дерзостью, но она сказала, что миссис

Крейвен её любила. – Было видно, что ему нелегко произнести имя покойной жены. – Миссис Сауэрби – достойная женщина. Теперь, когда я тебя повидал, я думаю, что она права. Играй себе на воздухе сколько хочешь. Здесь места вдоволь – иди куда захочешь и развлекайся как знаешь. Может быть, тебе что-нибудь нужно? – Он вдруг словно опомнился. – Игрушки, книги, куклы?

– А можно мне, – спросила с дрожью в голосе Мэри, – немного земли?

Она так волновалась, что не думала о том, какой странной может показаться её просьба, и не выбирала слов. Мистер Крейвен поразился.

– Земли? – переспросил мистер Крейвен. – Зачем тебе земля?

– Чтобы посадить семена... чтобы они росли... и чтобы смотреть, как они оживают, – сказала, запинаясь, Мэри.

Мгновенье он смотрел на неё, а потом быстро провёл по глазам рукой.

– Ты так любишь сады? – медленно произнёс он.

– Когда я жила в Индии, я про них не думала, – отвечала Мэри. – Я вечно болела и уставала – там было так жарко! Иногда делала маленькие грядки из песка и втыкала в них цветы. Но здесь всё другое.

Мистер Крейвен поднялся с кресла и медленно зашагал по комнате.

– Немного земли, – повторил он негромко.

Мэри показала, что она ему о чём-то напомнила. Когда он остановился и заговорил, глаза его смотрели на неё чуть ли не ласково.

– Бери себе земли сколько хочешь, – сказал он. – Ты мне напомнила о ком-то, кто тоже любил землю и всё, что на ней растёт. Увидишь участок, который тебе понравится, – тут он слегка улыбнулся, – бери его, дитя, и пусть он оживает.

– В любом месте, если он никому не нужен?

– В любом месте! – отвечал он. – Ну вот! А теперь иди, я устал. – Он позвонил. – До свиданья. Меня не будет всё лето.

Миссис Медлок вошла так быстро, что Мэри подумала: она, верно, ждала в коридоре.

– Миссис Медлок, – обратился к ней мистер Крейвен, – теперь я понимаю, что имела в виду миссис Сауэрби. Девочка должна окрепнуть, прежде чем приступать к урокам. Кормите её простой и здоровой пищей. Пусть побольше бегает в саду. Не стесняйте её. Ей нужна свобода, свежий воздух и игры в саду. Пусть миссис Сауэрби навещает её время от времени и иногда отпускайте её к ней.

Миссис Медлок выслушала его с облегчением. Вот и хорошо, что ей не надо особенно заниматься этим ребёнком. Мэри её утомляла, и она старалась видиться с ней как можно реже. А лишний раз с миссис Сауэрби встретиться она всегда рада!

– Спасибо, сэр, – поблагодарила она. – Мы с Сьюзен Сауэрби в школе вместе учились, другой такой доброй и разумной женщины у нас не найти. У меня-то детей никогда не было, а у неё их двенадцать, и все крепкие да славные! Мисс Мэри худому от них не научится. Я бы прислушалась к тому, что Сьюзен Сауэрби о детях говорит. Она женщина правильная – если вы меня понимаете, сэр.

– Да-да, – отвечал мистер Крейвен. – А теперь уведите мисс Мэри и пришлите мне Питчера.

Миссис Медлок вывела Мэри в коридор, и Мэри побежала к себе в комнату. Марта ждала её. Убрав со стола, она поторопилась вернуться наверх.

– Он разрешил мне разбить свой сад! – кричала Мэри. – Где я захочу! И гувернантки у меня долго-долго не будет! Твоя матушка будет ко мне приходить – а я могу вас навещать! Он говорит, такая маленькая девочка никому не помешает, и я могу делать всё что захочу – и где захочу!

– Правда? – обрадовалась Марта. – Как хорошо, да?

– Марта, – серьёзно проговорила Мэри, – ты знаешь, на самом деле он очень добрый, только лицо у него такое несчастное и брови нахмурены.

И она со всех ног побежала в сад. Она знала, что Дикону надо уйти пораньше – ведь ему до дому пять миль шагать, а она так задержалась! Она скользнула в дверку, завешенную плющом, и увидела, что на прежнем месте его нет. Лопата и прочий инструмент лежали под деревом. Она побежала к ним, оглядываясь по сторонам, но Дикона нигде не было видно. Он ушёл, и тайный сад опустел – только малиновка порхнула через стену и, усевшись на розовое деревце, поглядела на неё.

– Он ушёл, – грустно прошептала Мэри. – А может... может... это был просто лесной дух?

Тут она заметила на ветке розы что-то белое. Это был обрывок бумаги – клочок письма, которое она дала Марте для Дикона. Он был наколот на длинный шип – Мэри тотчас поняла, что это сделал Дикон. На листке было что-то нарисовано и написано корявыми печатными буквами. Она не сразу поняла, что нарисовано. Потом догадалась: это было гнездо, на котором сидела птица. Под рисунком печатными буквами было написано: «Я АПЯТЬ ПРЕДУ».

ГЛАВА 13

«Я – Колин!»

Подснежник (*Galanthus nivalis*)

Вернувшись к ужину, Мэри показала Марте записку, которую она захватила с собой.

– Ну и ну! – сказала Марта с гордостью. – Я и не знала, что наш Дикон такой умный. Это у него птичка сидит в гнезде – до чего похожа!

Тут только Мэри догадалась, что Дикон хотел ей сказать. Пусть она не волнуется – он сохранит её тайну. Этот сад был как бы её гнездом, а она – птичкой. Нет, правда, этот странный парнишка очень ей нравился!

«Завтра он снова придёт», – подумала она и заснула в предвкушении утра.

Однако погода в Йоркшире ненадёжная, особенно весной. Ночью её разбудил шум дождя – тяжёлые капли стучали по окну. Дождь лил как из ведра, а ветер выл за стеной и в трубах огромного старого дома. Рассерженная и недовольная, Мэри села в постели.

«Ветер злится, как я когда-то, – подумала она. – Он мне назло разбушевался».

И она зарылась лицом в подушку. Она не плакала, просто лежала и ненавидела дождь за окном и ветер. Ей не спалось. Вой ветра и шум дождя не давали заснуть – на душе у неё было тяжело. Будь у неё на душе спокойно, дождь бы её только убаюкал. Как выл ветер, как дождь хлестал в окно!

«Будто кто-то потерялся на пустоши, бродит там под дождём и плачет», – думала Мэри.

Целый час Мэри лежала с открытыми глазами и беспокойно ворочалась с боку на бок, как вдруг что-то заставило её сесть в постели. Она повернула голову к двери и прислушалась.

– Нет, сейчас это не ветер, – прошептала она. – Это не ветер. Это другое. Кто-то плачет, я это уже слышала раньше.

Дверь её спальни была приоткрыта – плач доносился из дальнего коридора. Далёкий приглушённый жалобный плач. Она прислушалась – с каждой минутой её уверенность возрастала. «Я должна выяснить, что это такое», – думала она. Это было ещё загадочнее, чем спрятанный сад и зарытый ключ. Её охватило забытое было раздражение – возможно, оно придало ей храбрости. Она высунула ногу из-под одеяла и стала на пол.

– Я выясню, что это такое, – сказала она. – Все в доме спят. Мне всё равно, что скажет миссис Медлок, мне всё равно!

Возле кровати горела свеча, Мэри взяла её и тихо вышла из спальни. Коридор был такой тёмный, бесконечный, но она не испугалась: она была слишком взволнованна. Кажется, она помнит, куда надо завернуть, чтобы попасть в коридор с дверью, завешенной гобеленом. В тот день, когда она заблудилась, из неё вышла миссис Медлок. Плач раздавался оттуда. Мэри продвигалась вперёд почти ощупью, освещая коридор своей тусклой свечой; сердце так громко стучало у неё в груди, что ей казалось, будто она слышит его удары. Плач звучал глухо и далеко – она шла на этот звук. Иногда он вдруг на миг смолкал, а потом снова возобновлялся. Кажется, надо свернуть направо? Она остановилась, припоминая. Да, направо. Пройти вперёд, повернуть налево, подняться по двум полугим ступенькам, а потом снова направо. Вот и конец коридора и занавешенная дверь.

Мэри тихонько отвела гобелен и прошла дальше. Здесь плач звучал яснее, хотя и не громче. Он слышался слева за стеной. В нескольких шагах

она увидела дверь. Из-под неё пробивался свет. В этой комнате кто-то плакал, и этот кто-то не был взрослым.

Она подошла к двери, распахнула её и – шагнула в комнату!

Просторная комната была обставлена красивой старинной мебелью. В камине тускло догорал огонь, возле высокой резной кровати с шелковым балдахином горел ночник, а в кровати лежал и плакал мальчик.

Мэри подумала, что она, верно, незаметно заснула и всё это ей снится. Неужто это происходит на самом деле?

Лицо у мальчика было худое, нос и подбородок – заострившиеся, кожа изжелта-бледная, глаза огромные, чуть не вполлица. И большая шапка густых встрёпанных волос, отчего лицо казалось совсем маленьким. Видно, он был нездоров, но плакал больше от тоски и раздражения, чем от боли.

Мэри застыла в дверях со свечой в руке. Потом неслышно переступила порог. Она подошла ближе, и огонёк привлёк внимание мальчика – он повернул голову и уставился на неё огромными, широко раскрытыми серыми глазами.

– Ты кто? – прошептал он испуганно. – Привидение?

– Нет, – тихо ответила Мэри, сама немного струсив. – А ты?

Он не отводил от неё взгляда. Мэри невольно заметила, какие необычные у него глаза. Серые, как агаты, они казались огромными потому, что их окаймляли густые и тёмные ресницы.

– Нет, – ответил он, помолчав. – Я – Колин!

– Какой Колин? – смешалась она.

– Колин Крейвен. А ты кто?

– Я – Мэри Леннокс. Племянница мистера Крейвена.

– А я его сын, – сказал мальчик.

– Сын! – изумилась Мэри. – Мне никто не говорил, что у него есть сын! Почему?

– Подойди ко мне, – произнёс он, не отрывая от неё тревожного взгляда. Она подошла к кровати – он протянул руку и прикоснулся к ней.

– Ты мне не снишься? – спросил он. – Мне иногда снятся такие ясные сны. Может, ты тоже сон.

Мэри протянула ему край накинутой на плечи шерстяной шали.

– Поцупай, – сказала она, – какая плотная и тёплая материя. Если хочешь, я могу тебя ущипнуть, чтобы ты убедился, что я живая. Мне тоже сначала показалось, что ты мне снишься.

– Откуда ты взялась? – спросил он.

– Из своей комнаты. Ветер так выл, что я не могла заснуть. Я услышала, что кто-то плачет, и решила узнать, кто это. Почему ты плакал?

– Мне тоже не спалось, и голова разболелась. Скажи ещё раз, как тебя зовут?

– Мэри Леннокс. Неужели тебе не сказали, что я приехала?

Он всё ещё сжимал в руке край её шали, но, видно, начинал верить, что всё это ему не снится.

– Нет, – отвечал он. – Не посмели.

– Почему?

– Я бы испугался, что ты меня увидишь. Я не хочу, чтобы меня видели и обсуждали.

– Почему? – повторила Мэри, всё больше и больше удивляясь.

– Потому что я всегда так – болею и лежу в постели. Мой отец тоже не позволяет обо мне говорить. Если я выживу, то буду, наверное, горбатым – только я не выживу. Отец боится, что я буду такой, как он.

– Ах, какой странный дом! – воскликнула Мэри. – Какой странный дом! Всюду тайны! Комнаты заперты, сады заперты – а теперь ещё и ты! Тебя тоже заперли?

– Нет. Просто я в этой комнате живу, потому что не хочу, чтобы меня отсюда переводили. Это очень утомительно.

Мэри подумала и решилась.

– А твой отец тебя навещает? – спросила она.

– Иногда. Обычно когда я сплю. Ему неприятно меня видеть.

– Почему? – снова спросила Мэри.

Лицо мальчика омрачилось.

– Моя мать умерла при моём рождении, ему тяжело на меня смотреть. Он думает, я не знаю, но я слышал, как люди говорили об этом. Он меня прямо ненавидит.

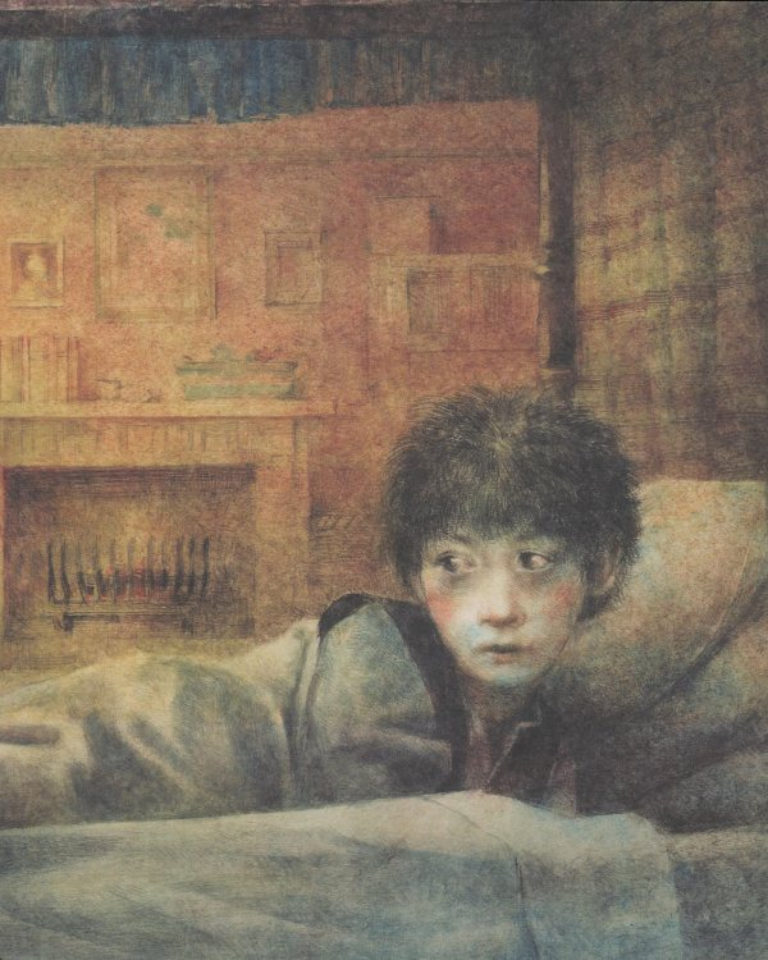
– И сад он ненавидит, потому что она умерла, – подумала Мэри вслух.

– Какой сад? – спросил мальчик.

– Гм... ну... сад... просто сад, который ей нравился, – затруднилась ответить Мэри. – Ты всё время здесь живёшь?

– Да, почти всё время. Иногда меня возили к морю, но я там жить не хотел: там все на меня смотрели. Я раньше носил такую железную штуку, чтобы спина была прямой, но потом из Лондона приехал очень важный

врач и сказал, что это глупо. Он велел эту штуку снять и держать меня на свежем воздухе. Только я свежий воздух ненавижу и не хочу выходить.

– Я тоже не хотела, когда сюда приехала, – призналась Мэри. – Что ты так на меня смотришь?

– Некоторые сны так похожи на явь, – отвечал он угрюмо. – Порой откроешь глаза и не веришь, что проснулся.

– Мы оба не спим, – сказала Мэри.

Она обвела взглядом комнату – высокие потолки, тёмные углы и тусклый огонь в камине.

– Всё это и правда похоже на сон. Ведь сейчас ночь, все в доме спят, все, кроме нас! Только мы бодрствуем.

– Я не хочу, чтобы это был сон, – забеспокоился мальчик.

Внезапно Мэри в голову пришла одна мысль.

– Ты говоришь, что не любишь, когда на тебя глядят, – начала она. – Может, ты хочешь, чтобы я ушла?

– Нет, – отвечал он и легонько потянул за край шали, зажатой в его руке. – Если ты уйдёшь, я буду думать, что ты мне приснилась. А если ты мне не снишься, то сядь на ту скамеечку и поговори со мной. Я хочу про тебя знать.

Мэри поставила свечу на столик возле кровати и села на мягкую скамеечку. Ей совсем не хотелось уходить. Ей хотелось остаться в этой таинственной, скрытой от посторонних глаз комнате и разговаривать с этим таинственным мальчиком.

– Что тебе рассказать? – спросила она.

Он всё хотел знать: когда она приехала в Мисселтвейт; какой коридор ведёт в её комнату; чем она здесь занимается и ненавидит ли, как он, вересковую пустошь; и ещё – где она жила прежде. Мэри ответила на все эти вопросы и на множество других, а он слушал, откинувшись на подушку. Он заставил её рассказать об Индии и о том, как она приплыла на пароходе через океан. Оказалось, что из-за болезни его ничему не учили, как других детей. Когда он был ещё маленьким, одна из нянек научила его читать – теперь он без конца читал и разглядывал иллюстрации в великолепных изданных книжках.

Хотя отец навещал его редко, у него было множество всяких чудесных игрушек. Только он редко в них играл. У него было всё, что он ни пожелает, и его никогда не заставляли делать ничего, к чему у него не лежало сердце.

– Меня все должны развлекать, – произнёс он спокойно. – Сердиться мне вредно. Никто не верит, что я останусь жить.

Он давно смирился с этой мыслью, и она его совсем не волнует, объяснил он Мэри. Звук её голоса был ему, видно, приятен. Она говорила, а он внимательно слушал, прикрыв глаза. Уж не засыпает ли он, подумала Мэри. Но тут он снова задал ей вопрос:

– А сколько тебе лет?

– Десять, – отвечала Мэри и, не подумав, прибавила: – Как и тебе.

– Откуда ты знаешь? – удивился он.

– Когда ты родился, дверку в сад заперли, а ключ зарыли в землю. Сад заперт десять лет.

Колин слегка приподнялся и, опершись на локоть, повернулся к ней.

– Какую дверку заперли? Кто запер? А ключ куда зарыли? – прокричал он с внезапно вспыхнувшим интересом.

– Это... это сад, который мистер Крейвен ненавидит, – отвечала Мэри с тревогой. – Дверку запер он. Никто... никто не знал, где зарыт ключ.

– А что это за сад? – не отступался Колин.

– Туда десять лет никому входить не разрешали, – осторожно ответила Мэри.

Но было поздно. Он слишком походил на неё. Думать ему было тоже не о чем, и потому мысль о спрятанном саде захватила его. Он засыпал Мэри вопросами. Где этот сад? А дверку она не нашла? А садовников не расспросила?

– Они ничего не говорят, – объяснила Мэри. – По-моему, им велено молчать и на вопросы не отвечать.

– Я бы их заставил ответить, – заявил Колин.

– Правда? – спросила Мэри неуверенно. Ей стало не по себе. Если он умеет заставлять людей отвечать на свои вопросы, чем это может кончиться?

– Меня все должны ублажать. Я же тебе говорил, – сказал Колин. – Если бы я остался жить, здесь всё когда-нибудь стало бы моим. Они это знают. Захожу – заставляю их мне всё рассказать!

Мэри не отдавала себе отчёта в том, что её в своё время избаловали, но она ясно видела, что этот странный мальчик был очень избалован. Он думал, что всё на свете принадлежит ему. Какой он странный! И как спокойно говорит о своей смерти!

– Ты думаешь, что умрёшь? – спросила она отчасти из любопытства, отчасти для того, чтобы отвлечь его от мыслей о саде.

– Должно быть, – ответил он спокойно, как и раньше. – Сколько я себя помню, все только об этом и говорят. Сначала они думали, что я маленький и не понимаю, а теперь – что я не слышу. А я всё слышу. Врач, который меня лечил, – двоюродный брат моего отца. Он бедный, и, если я умру, после смерти моего отца Мисселтвейт достанется ему. Зачем ему хотеть, чтобы я выжил?

– А ты сам этого хочешь? – спросила Мэри.

– Нет, – отвечал он хмуро. – Но умирать я тоже не хочу. Когда мне хорошо, я здесь лежу, думаю об этом – и плачу... плачу.

– Я три раза слышала, как ты плакал, – сказала Мэри, – только не знала, кто это. Ты из-за этого плакал?

Ей очень хотелось, чтобы он забыл про сад.

– Должно быть. Давай поговорим о чём-нибудь другом. Расскажи мне про этот сад. Тебе разве не хочется на него взглянуть?

– Хочется, – призналась Мэри тихо.

– И мне хочется, – не отступался он. – Мне кажется, я ничего никогда не хотел увидеть, но на этот сад я бы посмотрел. Я хочу, чтобы вырыли ключ. Я хочу, чтобы дверьку отперли. Я разрешу им отвезти меня туда в кресле-каталке. Вот и буду дышать там свежим воздухом. Я их заставлю отпереть эту дверьку.

Он возбудился, его огромные глаза засверкали и стали ещё больше, чем прежде.

– Меня все должны ублажать, – повторил он. – Я их заставлю меня туда отвезти. Тебе я тоже разрешу пойти со мной.

Мэри крепко сжала руки. Всё было испорчено – решительно всё! Дикон никогда больше не придёт. И она никогда больше не почувствует себя птахой, сидящей на хорошо спрятанном гнезде.

– Нет, нет! Пожалуйста... не надо! – закричала она.

Он посмотрел на неё, словно она рехнулась.

– Но почему? Ты же сказала, что хочешь посмотреть.

– Да, сказала, – всхлипнула она, – только если ты заставишь их отпереть дверьку и отвезти тебя туда, это уже не будет тайной.

Он ещё больше подался вперёд.

– Тайной? – переспросил он. – Как это – тайной? Объясни.

– Понимаешь, – заспешила Мэри, – понимаешь, если никто об этом не знает, кроме нас... если там есть дверка, скрытая под плющом... если она там есть... мы могли бы её найти... войти туда и закрыть её за собой, и никто бы ничего не знал, и это был бы наш сад. Мы были бы вроде как птицы, а это наше гнездо; и играли бы там хоть каждый день, копали, посадили бы семена – и он бы ожил...

– А разве он мёртвый? – прервал её Колин.

– Будет мёртвым, если никто о нём не позаботится. Луковицы выживут, а вот розы...

Он снова прервал её.

– Какие луковицы? – быстро спросил он. Он разволновался не меньше, чем она.

– Нарциссов, лилий, подснежников. Они сейчас трудятся под землёй: толкают наверх зелёные побеги, ведь скоро весна.

– Скоро весна? – повторил он. – А какая она, весна? Когда болеешь, её в комнатах не видно.

– Весна – это когда солнце сквозь дождь, а дождь сквозь солнце, а под землёй всё оживает и лезет наружу, – ответила Мэри. – Будь у нас тайный сад, мы бы туда каждый день ходили и смотрели, что там нового выросло и сколько роз ожило. Не понимаешь? Ах, неужели ты не понимаешь, насколько лучше сохранить всё в тайне?

Колин откинулся на подушку и лежал неподвижно со странным выражением на лице.

– У меня никогда не было тайны, – сказал он. – Вот только я про себя знал, что долго не проживу. Они не знают, что я это знаю, значит, это вроде как тайна. Но твоя тайна мне нравится больше.

– Если ты не велишь себя туда отвезти, – уговаривала Мэри, – я... я почти уверена, что смогу узнать, как туда проникнуть, и тогда... если твой врач хочет, чтобы тебя вывозили в кресле на воздух, и если ты можешь всегда поступать по своему желанию... мы бы нашли какого-нибудь парнишку, он бы тебя вёз, и отправились бы туда одни, а сад был бы нашей тайной.

– Это... было бы... хорошо, – медленно проговорил Колин, мечтательно глядя вдаль. – Очень хорошо. Свежий воздух, сад и тайна – я не против!

Мэри перевела дух – похоже, мысль о том, чтобы держать сад в тайне, пришлась Колину по душе. Теперь, если постараться описать ему сад таким, каким его видела она, ему там так понравится, что он и сам не захочет, чтобы туда входили все, кто только пожелает.

– Я тебе расскажу, как там, по-моему, будет, если удастся туда попасть, – сказала Мэри. – Этот сад так долго был заперт, что, должно быть, весь зарос.

Колин лежал не шевелясь и слушал, а она говорила о розах, которые, верно, обвили деревья и свисают с веток, о птицах, которые, верно, свили там гнёзда, ведь там так тихо. А потом она рассказывала ему о малиновке и о Бене Везерстафе. О них столько всего можно было рассказывать, что она совсем забыла о страхе и говорила легко и без опаски. Малиновка Колину понравилась. Он заулыбался и вдруг похорошел. А Мэри-то казалось, что он ещё неприглядней, чем она!

– Я не думал, что птицы могут быть такими, – признался он. – Конечно, если всё время лежишь, то ничего не видишь. Сколько ты всего знаешь! Мне прямо кажется, будто ты уже побывала в этом саду!

Мэри растерялась и промолчала. Впрочем, было видно, что он и не ждал ответа. Вдруг он её удивил.

– Я, пожалуй, позволю тебе взглянуть на одну вещь, – объявил он. – Видишь над камином шторку из розового шёлка?

Раньше Мэри никакой шторки не заметила, однако сейчас подняла глаза и увидела её. Шторка из мягкого шёлка закрывала что-то, висевшее на стене. Судя по очертанию, это была картина.

– Да, вижу, – сказала Мэри.

– Рядом с ней шнурок, – продолжал Колин. – Потяни за него.

Мэри встала, нашла шнурок и с любопытством потянула: шторка отдернулась, открыв картину. На ней была изображена смеющаяся девушка. Голубая лента схватывала светлые волосы, а прелестные весёлые глаза были точь-в-точь такими же, как грустные глаза мальчика, лежащего на кровати, – огромные, серые, как агаты, с длинными чёрными ресницами.

– Это моя мама, – произнёс Колин так, словно жаловался на неё. – Не понимаю, почему она умерла. Иногда я её за это просто ненавижу.

– Как странно! – воскликнула Мэри.

– Если бы она не умерла, я бы, по-моему, так не болел, – продолжал Колин хмуро. – Я бы тогда, верно, выжил. И отцу не было бы противно на меня смотреть. Может, и спина у меня была бы крепкая. Задёрни шторку.

Мэри повиновалась.

– Она гораздо красивее тебя, – сказала она, снова усевшись на скамеечку, – но глаза у неё совсем такие же, по крайней мере формой и цветом. А почему там шторка?

Колин смущённо отвернулся.

– Это я им велел, – признался он. – Мне иногда неприятно, что она на меня смотрит. Я болен, мне нехорошо, а она себе улыбается. А потом, она моя, и я не хочу, чтобы все на неё смотрели.

Наступило молчание. Мэри нарушила его вопросом:

– А что миссис Медлок сделает, если узнает, что я здесь была?

– Она сделает то, что я ей скажу, – отвечал Колин. – А я ей скажу: хочу, чтобы ты каждый день приходила и со мной разговаривала. Я рад, что ты пришла.

– И я тоже, – призналась Мэри. – Я буду приходить, как только смогу, только... – она запнулась, – я ведь должна каждый день искать дверку в тайный сад.

– Правильно, – согласился Колин. – Вот и будешь мне об этом рассказывать.

Он задумался, а потом произнёс:

– А ты будешь моей тайной. Я им ничего не скажу, пока сами не догадуются. Сиделку я всегда могу из комнаты выслать – скажу, что хочу побыть один. Ты знаешь Марту?

– Да, и очень хорошо, – сказала Мэри. – Она за мной ходит.

Он кивнул в сторону коридора:

– Сейчас она там спит. Вчера сиделка ушла к своей сестре и осталась там на ночь. Она, когда уходит, Марту вместо себя оставляет. Марта тебе скажет, когда ко мне приходить.

Теперь Мэри поняла, почему Марта так тревожилась, когда она спрашивала, кто там плачет.

– Значит, Марта всё время про тебя знала? – спросила она.

– Да, она часто за мной смотрит. Сиделка не прочь от меня отдохнуть, а Марта тогда её заменяет.

– Я давно уже у тебя сижу, – сказала Мэри. – Я пойду, ладно? У тебя глаза сонные.

– Вот бы мне заснуть, пока ты здесь, – проговорил Колин робко.

– Закрой-ка глаза, – сказала Мэри, придвинув скамеечку поближе. – Я сделаю, как моя аяя в Индии. Буду тебя по руке похлопывать и поглаживать и тихонько спою что-нибудь.

– Это, должно быть, хорошо, – пробормотал он.

Мэри стало его жалко – ведь это так грустно лежать и не спать! – и, наклоняясь над кроватью, она тихонько запела индийскую колыбельную, поглаживая его по руке.

– Как хорошо, – пробормотал он сонно.

А она всё пела и поглаживала его по руке, а потом подняла глаза и увидела: чёрные ресницы опущены, глаза закрыты. Колин крепко спал. Мэри осторожно встала, взяла свечку и неслышно выскользнула из комнаты.

ГЛАВА 14

Юный раджа

Нарцисс жёлтый (Narcissus pseudonarcissus)

Утром пустошь затянул туман; дождь всё лил и лил не переставая. Выйти из дому было невозможно. Марта так захлопоталась, что Мэри не могла с ней словечком перемолвиться. Однако днём она попросила Марту посидеть с ней в детской. Марта пришла, прихватив с собой вязание, за которое бралась, как только у неё выдавалась свободная минута.

– Ну, в чём дело? – спросила она, стоило им усесться. – Видать, ты мне что-то сказать хочешь.

– Да. Я знаю, кто там плакал, – объявила Мэри.

Марта уронила на колени чулок, который вязала, и с изумлением уставилась на Мэри.

– Не может быть! – воскликнула она. – Нет!

– Ночью я услышала плач, – продолжала Мэри. – Встала и пошла на поиск. Это плакал Колин. Я его нашла.

От испуга Марта вся покраснела.

– Ах, мисс Мэри! – вскричала она со слезами. – Не надо было этого делать, не надо! Я тебе ничего не говорила, но всё равно мне теперь достанется. Потеряю место, что тогда матушка будет делать?

– Ничего ты не потеряешь, – успокоила её Мэри. – Он обрадовался, что я пришла. Мы с ним долго разговаривали, и он сказал, что рад моему приходу.

– Правда? Ты точно помнишь? Ты не знаешь, какой он, если его что рассердит! Он плачет, как ребёнок, хотя и большой уже, но если его рассердить, такой крик подымает, нарочно, чтобы на нас страху нагнать! Знает, что мы люди подневольные.

– Он не рассердился, – повторила Мэри. – Я его прямо спросила: «Может, мне уйти?», а он говорит: «Останься!» Он меня расспрашивал, а я сидела на скамеечке и рассказывала ему про Индию, про малиновку и про парк. Никак меня не отпускал. Показал мне портрет своей мамы. Я его убаюкала, а потом ушла.

Марта ахнула от удивления.

– Ну просто не верится! Ты прямо как в львиное логово зашла. Будь он такой, как всегда, он бы так закатился, поднял бы на ноги весь дом. Он не позволяет, чтобы посторонние на него смотрели.

– А мне позволил. Я всё время на него смотрела, а он – на меня. Мы во все глаза смотрели! – заявила Мэри.

– Не знаю, как быть, – пожала плечами Марта. – Если миссис Медлок про это узнает, она решит, что я ослушалась и всё тебе рассказала. Меня в тот же час уволят.

– Миссис Медлок он пока ничего не скажет. Это будет наша тайна, – твёрдо сказала Мэри. – Он говорит: все должны исполнять его желания.

– Да, это правда. До чего же своевольный! – вздохнула Марта, утирая лоб фартуком.

– Он говорит: миссис Медлок тоже должна его убаюкать. Он хочет, чтобы я каждый день к нему приходила. А ты будешь мне передавать, когда он меня позовёт.

– Я?! – всполошилась Марта. – Да я место своё потеряю, как пить дать потеряю!

– Не потеряешь, если будешь делать, как он тебе велит, ведь его все должны слушаться, – возразила Мэри.

– Неужто он с тобой по-доброму говорил? – спросила вдруг Марта, широко раскрыв глаза.

– Мне кажется, ему было со мной приятно, – отвечала Мэри.

– Значит, ты его околдовала! – заключила Марта с глубоким вздохом.

– Околдовала? – переспросила Мэри. – Я в Индии много слышала о колдовстве, но я этого не умею. Я просто вошла к нему в комнату и до того удивилась, когда его увидела, что просто встала как столб и смотрю. Он решил, что я сон или привидение, а я про него то же самое подумала. Вот странно было! Никого нет, мы ничего друг о друге не знаем, а кругом ночь! Мы и стали друг друга расспрашивать. Я его спросила: «Мне уйти?», а он сказал: «Нет».

– Чудеса, да и только! – охнула Марта.

– А что с ним? – спросила Мэри.

– Да точно никто не знает, – ответила Марта. – Когда он родился, мистер Крейвен прямо рехнулся. Врачи уж думали: придётся сдать его в сумасшедший дом. Это потому, что миссис Крейвен умерла, – да я тебе говорила! На ребёнка даже смотреть не хотел. Только всё повторял, что он тоже будет горбуном и лучше бы он умер.

– А разве Колин горбун? – удивилась Мэри. – Он на горбуна не похож.

– Пока что нет, – сказала Марта. – Только он с самого спервоначалу рос не так, как полагается. Матушка говорит: в доме такое творилось, что любой ребёнок с панталыку бы сбился. А что у него спина слабая, так этого всегда боялись – заставляли его лежать, не разрешали ходить. Одно время велели ему носить железный корсет, только он так мучился, бедный, что совсем разболелся. А потом из Лондона приехал знаменитый доктор и заставил корсет снять. И очень сердито с нашим доктором поговорил – вежливо, но сердито. Слишком много лекарств, говорит, и по-такательства.

– Он, по-моему, очень избалован, – заметила Мэри.

– Да, уж дальше некуда! – согласилась Марта. – Конечно, он столько болел! То кашляет, то простужается, раза два чуть не умер. Один раз горячка, другой – тиф. А-а! Вот когда миссис Медлок перепугалась! Он в бреду лежал, она-то думала, он ничего не понимает, и говорит сиделке: «На этот раз уж он точно умрёт – и ему самому, и всем только лучше будет!» Глядь – а он на неё своими глазами смотрит и всё-всё понимает, не хуже её самой. Она испугалась, но он только посмотрел на неё и сказал: «Дайте воды и перестаньте болтать».

– Ты думаешь, он умрёт? – спросила Мэри.

– Матушка говорит, ни один ребёнок не сможет жить, если свежим воздухом не дышать и ничего не делать, а только лежать на спине, книжки с картинками смотреть да лекарства пить. Он слаб, а не любит, когда его вывозят на прогулку, – мёрзнет и жалуется, что ему от прогулок только хуже.

Мэри молча смотрела на огонь.

– Не знаю, – проговорила она наконец, – может, ему нужно выйти в сад и посмотреть, как там всё растёт. Мне это помогло.

– А то вывели его однажды в сад, где розы возле фонтана, так с ним такой припадок приключился, я другого такого не упомню. Он где-то прочитал, что у людей от роз «розовая лихорадка» бывает, и как начал чихать – вот, говорит, лихорадка начинается! А как раз мимо шёл новый садовник, который ничего про него не знал, он возьми да погляди на него с любопытством. Так он нам такой спектакль закатил! Говорит, он на меня так посмотрел, потому что у меня горб растёт. И до того плакал, что у него жар начался. Всю ночь метался.

– Если он на меня рассердится, я уйду и больше к нему ни за что не приду, – заявила Мэри.

– Он захочет – придёшь, – возразила Марта. – Ты так и знай!

Вскоре раздался звонок – Марта сложила вязанье.

– Верно, сиделка хочет, чтоб я с ним побыла. Надеюсь, он смирный сегодня.

Не прошло и десяти минут, как она вернулась с озадаченным видом.

– Нет, ты его и впрямь околдовала, – сказала Марта. – Сидит со своими книжками на диване, а сиделке сказал, чтобы она до шести часов не возвращалась. Только она вышла, как он меня позвал и говорит: «Пусть Мэри Леннокс придёт со мной поговорить. И помни – никому ни слова!» Беги-ка к нему! А я буду ждать в соседней комнате.

Мэри не заставила себя просить. Конечно, Колина она не так хотела видеть, как Дикона, – впрочем, ей и с Колином побыть интересно.

В камине у Колина горел яркий огонь. При свете дня Мэри увидела, что это была очень красивая комната. Ковры и портьеры, картины и книги на полках – всё было такое яркое и нарядное, что, несмотря на дождь и серое небо, нависшее над землёй, в комнате было уютно и светло. Сам Колин тоже выглядел весьма живописно. Он сидел на диване в бархатном халате, облокотясь о большую шёлковую подушку. На щеках у него рдел румянец.

– Заходи, – приветствовал он Мэри. – Я про тебя всё утро думал.

– А я про тебя, – отвечала Мэри. – Знаешь, как Марта испугалась! Миссис Медлок, говорит, подумает, что это она мне про тебя рассказала – и её прогонят.

Колин нахмурился.

– Позови её. Она в соседней комнате.

Мэри пошла за Мартой. Бедняжка задрожала от страха. Колин мрачно взглянул на неё.

– Ты мне должна угождать или нет? – спросил он сурово.

– Я все ваши желания должна исполнять, мастер*, – проговорила, запинаясь, Марта и залилась краской.

– А Медлок?

– Мы все должны, сэр, – отвечала Марта.

– Значит, если я прикажу тебе позвать мисс Мэри, как может Медлок тебя за это прогнать?

– Уж вы не допустите этого, сэр, – попросила Марта.

– Я её саму прогоню, если она хоть слово скажет, – важно произнёс Крейвен. – Она у меня узнает!

– Спасибо, сэр, – сказала Марта, присев. – Я только свой долг выполняю, сэр.

* Мастер – форма обращения к господским детям, принятая в Англии в старину.

– Твой долг – выполнять мои желания, – ещё величественнее произнёс Колин. – А об остальном не беспокойся. Теперь иди.

Когда за Мартой закрылась дверь, Колин заметил, что Мэри задумчиво смотрит на него.

– Что ты на меня так глядишь? – спросил он. – О чём ты думаешь?

– О двух вещах.

– О каких? Садись и рассказывай.

Мэри уселась на скамеечку и начала:

– Во-первых, вот о чём. Когда я ещё в Индии жила, я видела мальчика, который был раджой. Он весь был в рубинах, изумрудах, алмазах, а с людьми говорил так, как ты сейчас с Мартой. И все должны были ему повиноваться – немедленно! По-моему, он бы их казнил, если бы они промедлили.

– Ты мне потом про раджу ещё расскажешь, – сказал Колин. – А во-вторых, о чём ты думала?

– Я думала, какая разница между тобой и Диконом!

– Кто это Дикон? Какое странное имя!

«Почему бы не рассказать ему про Дикона», – подумала Мэри. Ведь о потаённом саде при этом можно не упоминать. Как она слушала Марту, когда та ей про Дикона рассказывала! Да ей и самой хотелось о нём рассказать. От этого Дикон как бы ближе станет.

– Дикон – это брат Марты. Ему двенадцать лет, – объяснила она. – Он совсем особенный. Он может лисиц заклинать, и белок, и птичек, совсем как в Индии змей заклинаят. Играет тихонечко на дудочке, а они выходят и слушают.

Рядом на столе лежали большие книги, Колин вдруг повернулся и вытащил одну из них.

– Вот здесь изображён заклинатель змей, – сказал Колин с жаром. – Посмотри!

Это был роскошный том с превосходными цветными иллюстрациями – Колин быстро нашёл то, что искал.

– И Дикон так умеет? – спросил он с любопытством.

– Он на дудочке играет, а они слушают, – повторила Мэри. – Только он говорит, что не колдует. Просто он столько времени проводит на пустоши, что изучил все звериные повадки. Иногда ему кажется, будто он сам птица или кролик, до того он их любит. По-моему, он малиновку о чём-то спрашивал. Они оба почирикали тихонько – и договорились.

Колин откинулся на подушку – глаза у него раскрывались всё шире, а щёки горели всё ярче.

– Расскажи ещё про него, – попросил он.

– Он про гнёзда и птичьи яйца всё знает, – продолжала Мэри. – И где барсуки живут, и выдры. Только он всё держит в тайне, а то другие мальчишки найдут норы и всех распугают. Он про всё, что на вересковой пустоши есть, знает.

– Ему нравится пустошь? – удивился Колин. – Как это может быть? Она такая огромная, пустая, однообразная!

– Ах нет, она красивая! – запротестовала Мэри. – И столько всего красивого на ней растёт! И столько всяких зверьков и птичек – кто гнёзда вьёт, кто ходы и норы роет... Поют, щебечут, переговариваются! Трудятся себе – и так им весело, под землёй ли, на деревьях или в вереске. Это их стихия!

– Откуда ты всё это знаешь? – спросил Колин и, облокотясь, повернулся, чтобы было удобнее на неё смотреть.

– Если честно, так я ни разу сама пустошь не видела, – опомнилась Мэри. – Однажды только проехала по ней в темноте. Мне она показалась ужасной. Но мне сначала Марта рассказывала, а потом Дикон. Когда Дикон говорит, кажется, будто всё видишь и слышишь: будто стоишь по колено в вереске, а солнце сияет, и дрок пахнет мёдом, и бабочки кругом, и пчёлы.

– Больные ничего этого не видят, – отозвался Колин с беспокойством. Он походил на человека, который, услышав вдали незнакомый звук, пытается понять, что это было.

– Конечно, если сидеть в комнате, – кивнув сказала Мэри.

– Не могу же я отправиться на пустошь, – возразил он сердито.

Мэри помолчала, а потом решила:

– Можешь попробовать... когда-нибудь...

– Я? На пустошь? Как это можно? Да я умру!

– Откуда ты знаешь? – спросила Мэри сухо.

Ей не нравилось, что он всё время говорит о смерти. Она его не жалела. Он чуть ли не хвастался своей болезнью!

– Да я постоянно об этом слышу, – ответил он с раздражением. – Все об этом шепчутся – думают, что я не замечаю. А сами только того и ждут!

Мэри рассердилась.

– Я бы в таком случае ни за что не умерла, – заявила она, упрямо сжав губы. – А кто этого хочет?

– Слуги... и, конечно, доктор Крейвен, ведь Мисселтвейт ему тогда достанется, и он разбогатеет. Конечно, он никогда в этом не признается, только он всегда радуется, когда мне хуже. Знаешь, я тифом болел, так он в это время даже потолстел. И мой отец, по-моему, этого тоже хочет.

– А вот и нет, – упрямо сказала Мэри.

Колин снова повернулся и взглянул на неё.

– Ты думаешь, нет? – спросил он.

Он улёгся обратно на подушки и погрузился в свои мысли. Наступило долгое молчание. Колин не двигался. Возможно, оба думали о том, о чём дети обычно не думают.

– А мне нравится доктор из Лондона, потому что он их заставил снять эту железную штуку, – наконец проговорила Мэри. – А он что, тоже сказал, что ты умрёшь?

– Нет.

– А что он говорил?

– Он не шептался, – ответил Колин. – Наверное, знал, что я не выношу, когда шепчутся. Он вполне громко сказал: «Парнишка выживет, если сам того захочет. Сделайте так, чтобы он захотел». И голос у него был сердитый.

– Я тебе скажу, кто, по-моему, может так сделать, чтобы ты захотел, – произнесла, подумав, Мэри. Ей хотелось навести тут ясность. – По-моему,

Дикон сможет. Он только о здоровых и живых говорит. А о мёртвых или больных никогда. На небо смотрит – не летят ли птицы, на землю – что там растёт. У него глаза такие круглые и голубые и так широко открыты! А рот до ушей – и вечно он хохочет, а щёки красные, как... как вишни.

Она пододвинула скамеечку поближе к дивану, вся преобразившись при воспоминании о Диконе.

– Знаешь что, – сказала она, – не будем говорить о смерти, мне это не нравится. Давай поговорим о жизни! Будем говорить о Диконе. А потом посмотрим твои картинки.

Лучшего она не могла придумать. Говорить о Диконе – это значило говорить о вересковой пустоши и о домике, где семья из четырнадцати человек живёт на шестнадцать шиллингов в неделю... и о детях, которые на свежем воздухе стали здоровыми, словно дикие лошадки. И о матушке... и о скакалочке... и о вереске, освещённом солнцем... и о зелёных росточках, что выглядывают из земли. И всё это так живо стояло у Мэри перед глазами, что она никак не могла наговориться, а Колин спрашивал и спрашивал, как никогда раньше. А потом они вдруг стали хохотать безо всякой причины – так бывает с детьми, когда им весело вместе. Они хохотали и шумели, будто были самыми обычными, здоровыми, простыми ребятами, а не чёрствой, никого не любящей девочкой и болезненным мальчиком, который думал о смерти.

Они так развеселились, что совсем забыли и про картинки, и про время. Особенно хохотали они над Беном Везерстафом с его малиновкой, Колин даже сел прямо, словно совсем забыл о своей спине. Внезапно в голову ему пришла какая-то мысль.

– А знаешь, – объявил он, – мы совсем упустили из виду, ведь мы с тобой двоюродные брат и сестра!

Странно, что они так долго болтали, а об этом и не подумали! Колин и Мэри залились смехом. Такое уж у них было настроение – смеяться по любому поводу! В разгар веселья дверь отворилась – и в комнату вошёл доктор Крейвен в сопровождении миссис Медлок.

Доктор Крейвен вздрогнул от неожиданности, попятился и чуть не сбил с ног миссис Медлок.

– Господи Боже мой! – вскричала миссис Медлок, выпучив глаза. – Господи Боже мой!

– Что такое? – спросил доктор Крейвен и шагнул к дивану. – Что это значит?

И тут Мэри снова вспомнила о мальчике, который был раджей. Колин отвечал так, словно и не заметил ужаса вошедших. Если бы в комнату вдруг вошли дряхлый пёс и кошка, он бы испугался ничуть не больше.

– Это моя кузина, Мэри Леннокс, – сказал он. – Я попросил её прийти и посидеть со мной. Пусть она приходит всегда, когда я буду за ней посылать.

Доктор Крейвен с упрёком взглянул на миссис Медлок.

– Ах, сэр, – взволнованно заговорила она, – ума не приложу, как это могло случиться. Из слуг никто не посмел бы проговориться – им было ясно сказано!

– Никто ей ничего не говорил, – заявил Колин. – Она услышала, как я плачу, и сама меня разыскала. Я рад, что она пришла. Не говорите глупостей, Медлок.

Мэри заметила, что вид у доктора Крейвена недовольный, но он не решается спорить с больным. Он сел рядом с Колином и стал считать его пульс.

– Боюсь, ты слишком возбудился. Тебе нельзя возбуждаться, мой мальчик, – произнёс он.

– Я буду возбуждаться, если она не будет приходить, – отвечал Колин, и глаза у него грозно засверкали. – Мне лучше! Это она так на меня подействовала! Пусть сиделка принесёт чаю и мне, и ей. Мы будем пить чай вместе.

Миссис Медлок и доктор Крейвен тревожно переглянулись. Однако делать было нечего.

– Он и вправду выглядит лучше, сэр, – решила миссис Медлок. Однако, подумав, прибавила: – Впрочем, он и утром выглядел лучше, прежде чем она сюда явилась.

– Она ночью явилась! И долго со мной сидела. Она мне спела индийскую колыбельную, и я уснул, – горячо сказал Колин. – А когда проснулся, мне было лучше. Я захотел позавтракать. А сейчас я хочу чаю. Медлок, скажите сиделке.

Доктор Крейвен пробыл у Колина недолго. Он поговорил с вошедшей сиделкой и обратился со словами предостережения к Колину. Ему нельзя много говорить; нельзя забывать, что он болен, нельзя забывать, что он легко утомляется. «Как неприятно обо всём этом помнить», – подумала Мэри.

Вид у Колина был раздражённый, и он не отрывал своего странного взгляда от доктора Крейвена.

– Но я хочу забыть! – произнёс он наконец. – И она мне в этом поможет. Поэтому она мне и нужна.

Когда доктор Крейвен уходил, лицо у него было недовольное. Он с недоумением взглянул на Мэри, сидевшую на скамеечке. Стоило ему войти, как она снова стала скованной и молчаливой, и он никак не мог понять, что в ней привлекательного. Однако мальчик и правда повеселел – и доктор Крейвен, шагая по коридору, тяжело вздохнул.

– Вечно они меня пичкают едой, – пожаловался Колин, когда сиделка внесла поднос и поставила его на стол возле дивана. – Только я есть не хочу. Но если ты будешь есть, тогда и я поем. А эти булочки выглядят заманчиво – горяченькие! Ну а теперь рассказывай про раду!

ГЛАВА 15

«Мы тоже гнездо вьём!..»

Наперстянка пурпурная (Digitalis purpurea)

Всю неделю лил дождь, а потом наконец прояснилось, и солнце жарко засияло в высоком синем небе. Всю неделю Мэри было весело, хотя ей и не удалось побывать в тайном саду и повидаться с Диконном. Неделя пролетела быстро. Каждый день она подолгу сидела у Колина, рассказывая ему о радже, о садах, о Диконе и домике на пустоши. Они смотрели чудесные книжки с картинками, иногда Мэри читала Колину, а иногда он немножко читал ей. Когда Колина что-то занимало, он, как заметила Мэри, совсем не походил на больного – разве что всегда был бледен и не вставал с дивана.

– Ай да Мэри, – сказала как-то миссис Медлок. – Ты всех нас вокруг пальца обвела. Подслушала, встала с постели да и выследила! Сказать по правде, нам всем это только на пользу пошло! С тех пор как вы с Колином подружились, он хныкать бросил да и истерики не закатывал. Сиделка уже совсем было хотела от места отказаться, до того он ей надоел!

А теперь, когда ты с ней вместе стала дежурить, говорит, что не прочь и остаться.

И она улыбнулась.

Мэри внимательно следила, чтобы, беседуя с Колином, не проговориться о таинственном саде. Ей нужно было кое-что у него узнать, но спрашивать напрямик не хотелось. Ей было приятно болтать с ним, но надо было выяснить два вопроса. Во-первых, умеет ли он хранить тайну? Он совсем не походил на Дикона, но мысль о никому не известном саде его увлекла. Пожалуй, ему можно довериться. Хотя она всё-таки слишком недавно его знает и может ошибиться. Ну а второй вопрос был такой: если можно довериться, по-настоящему довериться, нельзя ли как-то устроить так, чтобы по секрету от всех вывезти его в сад? Доктор из Лондона велел ему дышать свежим воздухом, и сам Колин говорит, что согласен дышать свежим воздухом в таинственном саду. Может, он там вовсе надышится, познакомится с Диконом и малиновкой, увидит, как всё вокруг зеленеет, и не будет больше так много думать о смерти?

В последнее время, проходя мимо зеркала, Мэри заметила, что она уже вовсе не та бледная девочка, какой была по приезде из Индии. Сейчас вид у неё стал куда лучше! Даже Марта заметила в ней перемену.

– Здешний воздух тебе на пользу, – сказала она Мэри. – Ты уже не такая жёлтая да худая. Даже волосы уже не висят как палки. Они просто ожили и окрепли.

– Совсем как я сама, – отвечала Мэри. – Я тоже ожила и окрепла! А волосы у меня стали, по-моему, гуще.

– Кажись, так оно и есть, – согласилась Марта и потрепала Мэри по голове. – Так-то оно лучше! И щёки, глянь-ка, порозовели.

«Если свежий воздух и сад пошли мне на пользу, – подумала Мэри, – может, они и Колину помогут? Но вдруг он не захочет познакомиться с Диконом? Ведь он не любит, чтобы на него глядели».

– А почему ты сердисься, когда на тебя смотрят? – спросила она как-то Колина.

– Не выношу я этого, – отвечал он. – Даже когда совсем маленьким был, не выносил! Помню, меня отвезли к морю, я там лежал в коляске, и все на меня глазели, а дамы подходили поговорить с моей нянькой. Потом начинали шептаться, а я знал: они о том, что я на этом свете не жилец. Некоторые гладили меня по щеке и говорили: «Бедное дитя!» Как-то одна дама

меня погладила, а я закричал и укусил её за палец. Она так испугалась, что поскорей убежала.

– Подумала, что ты взбесился, как собака, – заметила Мэри без тени одобрения.

– Мне всё равно, что она подумала, – нахмурилась, отозвался Колин.

– А почему ты не кричал и не кусался, когда я вошла к тебе в комнату? – спросила Мэри с улыбкой.

– Я думал, ты сон или привидение, – признался Колин. – А их ведь не укусишь, да и криком не спугнёшь!

– А тебе будет очень неприятно... если на тебя посмотрит один мальчик? – спросила Мэри неуверенно.

Колин откинулся на подушку и с минуту помолчал.

– Есть один мальчик, – медленно, словно обдумывая каждое слово, проговорил он, – против которого я бы не возражал. Тот, который знает, где лисы живут... Дикон.

– Он бы тебе понравился, – подтвердила убеждённо Мэри. – Я уверена.

– Птички ведь не против, – произнёс он задумчиво, – и другие животные тоже. Значит, и я не против. Он вроде как заклинатель животных, а я – животный мальчик!

И он рассмеялся, и Мэри вместе с ним. Кончилось тем, что они долго хохотали – так им понравилась мысль о «животном мальчике», который прячется в свою норку.

А Мэри поняла, что может не беспокоиться из-за Дикона.

В то первое утро, когда небо опять засияло, Мэри проснулась очень рано. Косые лучи солнца проникали сквозь шторы, и это было так славно, что Мэри выпрыгнула из постели и подбежала к окну. Она подняла шторы и распахнула окно – на неё пахло свежестью и благоуханием. Вдали голубела вересковая пустошь – весь мир был словно заколдован. Откуда-то неслись нежные звуки, будто птицы настраивали голоса перед концертом. Мэри высунула руку – солнце упало на неё.

– Как тепло! – воскликнула она. – Просто теплынь! Вот уж будет корням и луковичкам работа! А зелень полезет из земли изо всех сил!

Встав на колени, Мэри высунулась подальше в окно, вдохнула полной грудью воздух и рассмеялась, вспомнив, как миссис Сауэрби сказала, что у Дикона нос дёргается, как у кролика.

«Должно быть, ещё очень рано, – подумала она. – Облачка розовые-перезовые, а такого неба я в жизни не видала! Нигде ни души... Даже конюхов не слышно».

Вдруг она спрыгнула с подоконника.

– Не могу ждать! Хочу посмотреть на сад!

Мэри уже умела сама одеваться, и не прошло и пяти минут, как она была готова. Она знала, что в доме есть небольшая боковая дверь, которую она сумеет сама отпереть, и, не надевая ботинок, поспешила вниз. В холле она обулась, сняла с двери цепочку, отодвинула засов, повернула ключ и, распахнув дверь, выбежала за порог. И вот она стоит на траве, которая вдруг стала мягкой и зелёной, тёплый воздух овевает её, солнышко греет, а со всех деревьев и со всех кустов несутся песни, трели, щебетанье. В восторге Мэри сжала руки и подняла глаза к небу: розовато-голубое, жемчужно-белое, оно ярко, по-весеннему сияло, и она поняла, что ей тоже хочется петь и заливаться трелями и что жаворонки, дрозды и малиновки просто не могут иначе. Мэри побежала прямо по дорожкам меж живых изгородей к своему саду.

«Как всё изменилось, – думала она. – Трава зазеленела, из земли лезут ростки, всё раскрывается, на деревьях почки набухли. Дикон сегодня наверняка придёт».

От долгого тёплого дождя цветы вдоль дорожки у дальней стены тоже изменились. У корней появились новые ростки, и тут и там среди стеблей крокусов проблескивало то лиловым, то жёлтым. Полгода назад Мэри и не заметила бы, что всё вокруг пробуждается; теперь же ничто не ускользало от её взгляда.

Подойдя к дверке, скрытой за плющом, она вздрогнула от странного раскатистого звука. Это каркнул ворон, сидевший на стене её сада, – Мэри подняла глаза и увидела большую птицу в иссиня-чёрном блестящем оперении, внимательно смотревшую на неё. Никогда раньше Мэри не видела ворона так близко – ей стало не по себе, но он в ту же минуту взмахнул крыльями и медленно полетел через сад. «Хоть бы он там не задержался», – подумала Мэри и, распахнув дверку, поискала ворона глазами. Пройдя подальше, она увидела, что ворон в саду и улетать не собирается, уселся на карликовую яблоньку, а под яблонькой лежит какой-то рыжий зверёк с пушистым хвостом, и оба смотрят на склонённую спину и рыжую голову Дикона, который стоит на коленях и что-то копает.

Мэри бросилась к нему.

– Ой, Дикон, Дикон! – закричала она. – Как это ты сюда так рано добрался? Нет, правда, как? Солнышко только-только встало!

Дикон со смехом поднялся с колен. Волосы у него растрепались, лицо сияло, а глаза синели, словно два кусочка неба.

– А-а! – протянул он. – Я ещё до рассвета поднялся. Разве в такой день можно спать? Утро сегодня как в первый день творенья, право слово! И всё гудит, спешит, корябается, свистит, вьёт гнёзда и пахнет так, что понимаешь: нечего валяться, вставай! Когда солнышко на небо выскочило, природа как с ума сошла от радости! Кругом вереск, я бегу со всех ног, кричу и пою. Прямым ходом сюда! Разве я мог не прийти? Ведь сад-то меня ждал!

Мэри прижала руки к груди, задышав, словно тоже бежала через пустошь.

– Ах, Дикон, Дикон! – проговорила она. – Я так рада, так рада, что просто дух захватывает!

Видя, что Дикон разговаривает, рыженький зверёк с пушистым хвостом покинул своё место под деревом и приблизился к нему, а ворон каркнул и, слетев с ветки, уверенно уселся к нему на плечо.

– Это лисёнок, – сообщил Дикон и почесал зверьку голову. – Его зовут Капитан. А это Уголёк. Уголёк со мной прилетел, а Капитан всю дорогу нёсся, словно за ним собаки гнались. Им весело было, как мне.

Ворон и лисёнок не обращали внимания на Мэри – они совсем её не боялись. Дикон сделал несколько шагов – Уголёк не двинулся с его плеча, а Капитан спокойно потрусил за ним следом.

– Взгляни-ка! – говорил Дикон. – Нет, ты только посмотри! Как здесь всё поднялось! И вот здесь!

Он бросился на колени, и Мэри тоже присела рядом. У их ног распустились золотые, жёлтые, лиловые крокусы. Мэри склонила голову и стала целовать раскрывшиеся цветы.

– Человека так никогда не будешь целовать, – сказала она, подняв голову. – Цветы – это другое дело.

Дикон удивлённо улыбнулся.

– Я матушку всегда так целую, когда домой возвращаюсь. Бродишь-бродишь целый день в вересках, а тут она встречает тебя на пороге, солнышко светит, она улыбается, и всё так славно!

Они бежали то в один конец сада, то в другой и всюду находили столько чудесного, что едва сдерживались, чтобы не кричать от радости. Дикон

показал Мэри, как набухли почки на розовых ветках, которые ещё совсем недавно казались сухими, и как тысячи изумрудных ростков пробивались из-под земли. Ребята прижимались носами к земле, припнувшись к её пахам, копали, пололи и тихо, блаженно смеялись, так что волосы у Мэри в конце концов растрепались, как у Дикона, да и щёки покраснелись почти так же, как у него.

В таинственном саду в то утро царила радость, и вдруг среди этой радости произошло нечто совсем чудесное. Кто-то порхнул со стены и пронёсся мимо деревьев к заросшему уголку. Это была проворная птичка с красной грудкой, что-то державшая в клюве. Дикон замер и сделал Мэри знак, словно вдруг обнаружил, что они смеются в церкви.

– Не двигайся, – шепнул он. – Прямо не дыши! В прошлый раз я как её увидел, так понял, что она себе друга ищет. Это малиновка Бена Везерстафа. Она гнездо вьёт. Если мы её не вспугнём, она здесь останется.

Они осторожно опустили на траву и сидели тихо, не двигаясь.

– Главное, чтоб она не заметила, что мы за ней следим, – шептал Дикон. – А то улетит и не вернётся. Она сейчас сама не своя. Дом себе строит, семьёй обзаводится. В это время они всего боятся. Сейчас ей не до разговоров и не до гостей. Нам надо пританяться! Сделаем вид, будто мы – это не мы, притворимся травой, деревьями, кустами! А когда она привыкнет, я почирикаю, и она поймёт, что мы ей мешать не будем.

Мэри плохо себе представляла, как это можно притвориться травой, деревьями, кустами. Но Дикон сказал это так просто и естественно, что Мэри поняла: ему это совершенно не трудно. Несколько минут она внимательно следила, не позеленеет ли он вдруг, не раскинет ли ветки и листья. Но нет, он просто сидел, не шевелясь, и шептал так тихо, что она только поражалась, почему это ей слышно каждое слово.

– Это всё весна, – шептал Дикон, – весной они всегда вьют гнёзда. Так уж у них от самого сотворения мира повелось. Правда-правда! У них свои привычки, и лучше не вмешиваться. Будешь вмешиваться – тотчас и расоришься. Весной это легче лёгкого!

– Если мы о ней говорим, – тихонечко отвечала Мэри, – очень трудно на неё не смотреть. Давай о чём-нибудь другом говорить. Я тебе должна что-то сказать.

– Да, ей будет приятно, если мы переменим разговор, – согласился Дикон. – Так что ты мне хочешь сказать?

– Ты про Колина слышал?

Дикон повернул голову и поглядел на неё. На его круглом лице отразилось удивление.

– А ты про него знаешь?

– Я его видела. Я всю неделю к нему хожу разговаривать. Он хочет, чтоб я приходила. Говорит, он тогда забывает, что болен и должен умереть, – отвечала Мэри.

Дикон вздохнул с облегчением.

– Вот хорошо! – воскликнул он. – Я ужасно рад. У меня просто груз с души свалился. А то я знал, что о нём говорить нельзя, а я не люблю ничего скрывать.

– А сад скрывать разве тебе не нравится? – спросила Мэри.

– Сад – это другое. Но я матушке сказал: «Матушка, говорю, у меня есть одна тайна, которую я не могу тебе сказать. Ничего плохого, ты же понимаешь. Это как хранить в тайне, где у птички гнездо. Ты ведь не сердись-ся, правда?»

О матушке Мэри готова была слушать часами.

– А она что? – спросила Мэри без тени страха.

Дикон расплылся в улыбке.

– Ты же её знаешь, – отвечал он. – Потрепала меня по голове, засмеялась да и говорит: «Можешь, паренёк, какие угодно тайны при себе держать. Я тебя вот уже двенадцать лет знаю».

– А про Колина как ты узнал? – допрашивала Мэри.

– Да все, кто про мистера Крейвена слышали, знают, что у него сынок калекой растёт и что хозяин не любит, когда про него говорят. Мистера Крейвена люди жалеют: миссис Крейвен до того красивая была, до того молодая, и они так любили друг друга! Миссис Медлок, когда в Твейте бывает, всегда к нам заходит и при нас не боится обо всём с матушкой говорить – знает, у нас дети так воспитаны, что болтать не будут. А ты как про него прознала? Марта, когда прошлый раз домой приходила, очень беспокоилась. Ты, говорит, услышала, как он плакал, и всё к ней приставала, а она не знала, что тебе сказать.

Тогда Мэри поведала Дикону о том, как среди ночи её разбудил вой ветра, как она услышала далёкий жалобный стон, как побрела по коридорам со свечой в руке и как отворила дверь в тускло освещённую комнату, в углу которой стояла резная кровать под балдахином. Когда она

описала маленькое лицо, бледное, словно слоновая кость, и необычные глаза с длинными ресницами, Дикон кивнул.

– Глаза точь-в-точь как у матери, только у неё, говорят, они всегда смеялись, – заметил он. – Мистер Крейвен, говорят, иначе как на спящего на него смотреть не может: глаза у него совсем как у матери, да только лицо с кулачок и такое несчастное!

– Как ты думаешь, он хочет, чтобы Колин умер?

– Нет, просто он жалеет, что тот на свет появился. Матушка говорит, это для ребёнка самое худое. Нежеланные дети всегда болеют. Мистер Крейвен всё ему, бедняжке, купит, что за деньги купить можно, только он хотел бы про него вовсе забыть. И потом, он боится: вдруг посмотрит – а он горбатый!

– Колин сам этого так боится, что даже сесть в постели не решается, – посетовала Мэри. – Говорит, если почувствует горб у себя на спине, то прямо с ума сойдёт и будет кричать, пока не умрёт. И всё думает об этом не переставая!

– Э-э, вредно ему там лежать да всякие думы думать, – протянул Дикон. – Так он не поправится!

Лисёнок расположился рядом с Диконом и время от времени поглядывал на него, прося ласки. Дикон наклонился и задумчиво почесал ему за ушком. Несколько минут прошло в молчании. Наконец Дикон поднял голову и огляделся.

– Знаешь, когда мы в первый раз сюда пришли, тут всё было серо. А теперь оглянись-ка. Видишь, как всё изменилось?

Мэри оглянулась и удивлённо ойкнула.

– Ой, правда, посмотри, серая стена уже какая-то другая. По ней словно зелёный туман ползёт. Или зелёная сетка заброшена...

– Ага, – подтвердил Дикон. – Зелёного будет всё больше, пока серое совсем не исчезнет. Отгадай, о чём я сейчас подумал?

– О чём-то хорошем, я знаю, – отвечала с готовностью Мэри. – По-моему, это как-то связано с Колином.

– Я подумал: будь он здесь, он бы не ждал, пока у него горб вырастет, а следил бы, когда на розовых кустах почки распустятся, и, может, это бы ему пошло на пользу, – сказал Дикон. – И ещё я подумал: вот бы убедить его прийти сюда да полежать под деревьями в коляске.

– Мне это тоже приходило в голову. Каждый раз, когда с ним говорю, я об этом думаю, – призналась Мэри. – Вот только может ли он хранить тайну? И потом – как его сюда незаметно доставить? Как ты думаешь, хватит у тебя сил везти его коляску? Доктор сказал, что ему надо дышать свежим воздухом и, если он сам захочет, чтобы мы его вывозили, никто возражать не посмеет. С другими он ни за что из дома не пойдёт, – может, они обрадуются, если он с нами побудет? Он мог бы приказать садовникам на это время уходить, чтобы они ничего не узнали.

Дикон задумался, почёсывая спинку Капитана.

– Ему это только на пользу пойдёт, – произнёс он наконец. – Мы же не будем думать, что уж лучше бы он на свет не родился! Мы просто будем

заниматься садом, и он вместе с нами. Два паренька и девочка, и больше никого, а вокруг весна. Право слово, это гораздо лучше, чем всякие лекарства!

– Он так долго лежал в комнате и так боялся, как бы у него горб не вырос, что стал немного странным, – сказала Мэри. – В книжках он много о чём читал, но в жизни ничего не знает. Говорит, он так сильно болел, что ничегошеньки не видел, а выходить из дому не любит, и сады и садовников тоже. Про этот-то сад он готов слушать, потому что он тайный. Много рассказывать я ему побоялась, но он сказал, что хотел бы взглянуть на этот сад.

– Уж мы его сюда как-нибудь выманим, не сомневайся, – пообещал Дикон. – Я его коляску повезу. А ты заметила – пока мы тут сидим, наша малиновка со своим дружком над гнездом трудится? Смотри-ка, села на ветку и думает, куда ей лучше щепочку положить.

Он тихо посвистал – малиновка повернула головку и, не выпуская щепочки из клюва, вопросительно взглянула на него. Так же как и Бен Везерстаф, Дикон заговорил с нею, только тон у него был другим.

– Куда ты её ни положишь, всё будет к месту, – произнёс он с дружеским участием. – Ты ещё из яйца не вылупилась, а уже знала, как гнёзда строить. Так что не сомневайся, не теряй время!

– Ой, до чего мне нравится, как ты с ней разговариваешь! – радостно засмеялась Мэри. – Бен Везерстаф её вечно бранит и высмеивает, а она себе прыгает и смотрит так, будто каждое его слово понимает. По-моему, ей даже нравится, когда её ругают. Бен Везерстаф говорит, она до того о себе понимает, что согласилась бы, чтоб в неё камни кидали, только бы не оставили без внимания.

Дикон рассмеялся вслед за нею.

– Ты-то знаешь, мы тебе ничего плохого не сделаем, – продолжал он, обращаясь к малиновке. – Мы и сами что твои птахи. Мы ведь тоже вроде как гнездо вьём. Помогай тебе Господь! Смотри только, никому не проговорись!

И хотя малиновка промолчала, потому что клюв у неё был занят, и полетела в свой угол сада, Мэри не сомневалась, что она никому не проговорится об их тайне.

«Ни за что!» — сказала Мэри

Колокольчик (*Endymion non-scriptus*)

В то утро дел у них было так много, что Мэри опоздала к обеду, а потом так торопилась назад в сад, что только в последнюю минуту вспомнила о Колине.

– Передай Колину, что я к нему не успела, – попросила она Марту. – Мне надо в сад.

Марта перепугалась.

– Ой, мисс Мэри! – воскликнула она. – Он рассердится, если я ему так скажу.

Но Мэри, в отличие от остальных, Колина не боялась, к тому же она не привыкла жертвовать собой.

– Не могу я остаться, – отвечала она. – Дикон меня ждёт.

И она убежала.

Вторая половина дня прошла ещё приятнее. Мэри и Дикон пропололи большую часть сада, окопали и подрезали чуть не все розы и деревья. Дикон принёс с собой лопату и показал Мэри, как пользоваться садовыми

инструментами. К вечеру стало ясно, что, хотя эти восхитительные заросли никогда не превратятся в образцовый сад, о котором мечтают садовники, цветов в нём весной будет на диво.

– Над головой у нас зацветут яблони и вишни, – говорил Дикон, работая изо всех сил, – по стенам – сливы и персики, а трава вся будет покрыта цветами.

Ворон и лисёнок тоже не дремали, а малиновка мелькала по саду, словно крошечная молния. Уголёк иногда взмахивал своими чёрными крыльями и взмывал над вершинами деревьев, растущих в парке. Но потом возвращался, приземлялся неподалёку от Дикона и хрипло каркал, словно повествуя о своих приключениях. Дикон разговаривал с ним так же приветливо, как с малиновкой. Раз, когда Дикон был слишком поглощён делом и ответил не сразу, Уголёк взлетел ему на плечо и дёрнул за ухо своим огромным клювом.

Когда Мэри устала, Дикон присаживался с ней вместе под дерево. Однажды он вынул из кармана свирель и тихонько заиграл на ней какой-то странный простой мотив. На стене тотчас появились две белочки – они глядели на него и слушали.

– А ты окрепла, – сказал Дикон, глядя, как Мэри копает. – И вид у тебя, право слово, совсем другой.

От работы и хорошего настроения Мэри вся раскраснелась.

– Я с каждым днём всё полнею, – сказала она с гордостью. – Миссис Медлок мне уже новую одежду приглядывает, побольше размером. А Марта говорит, что у меня и волосы стали лучше расти. Они уже не такие прямые и тусклые.

Солнце клонилось к закату, его золотые лучи ложились косо под деревья, когда Мэри и Дикон собрались по домам.

– Завтра будет ясно, – сказал Дикон. – С восходом я уже буду тут.

– И я тоже, – откликнулась Мэри.

Домой она бежала со всех ног. Ей хотелось рассказать Колину о лисёнке и вороне и о том, что творила вокруг весна. Ему это будет интересно, она не сомневалась. Вот почему настроение у неё упало, когда, распахнув дверь своей комнаты, она увидела, что Марта поджидает её с мрачным лицом.

– В чём дело? – спросила она. – Что Колин сказал, когда ты ему передала, что я не могу прийти?

– Ох, уж лучше бы ты к нему зашла, – вздохнула Марта. – Он опять чуть не зашёлся. Чего мы только не делали, чтобы его успокоить! Он целый день прямо глаз с часов не сводил.

Мэри плотно сжала губы. Она не привыкла думать о других и этим очень походила на Колина. Как, подумала она, этот вредный мальчишка хочет лишить её любимого занятия?! Она не знала, что можно только жалеть тех, кто болен и не владеет собой, кто не умеет взять себя в руки, чтобы не причинять другим боли. Когда, бывало, в Индии у неё самой болела голова, она вела себя так, что доводила до головной боли и всех окружающих. И при этом считала, что имеет на это право. Ну а сейчас она считала, что Колин не прав.

Войдя в комнату, она не увидела Колина на диване. Он лежал в постели и не повернул головы, когда она переступила порог. Начало было малообещающим. Мэри напряглась и шагнула к его кровати.

– Ты почему не встал? – спросила она.

– Я утром встал, когда думал, что ты придёшь, – отвечал Колин, не глядя на неё. – Но днём велел снова уложить меня в постель. У меня спина разболелась и голова, я устал. Ты почему не пришла?

– В саду работала, с Диконом, – сказала Мэри.

Колин нахмурился и снизошёл до того, чтобы взглянуть на неё.

– Я не позволю ему приходить, если ты будешь к нему убегать, вместо того чтобы играть со мной, – заявил он.

Мэри пришла в ярость. В таких случаях она не поднимала крика. А просто сжимала зубы и упрямо стояла на своём, не считаясь ни с кем и ни с чем.

– Если ты Дикона отошлешь, я больше никогда в эту комнату не приду, – заявила она.

– Придёшь, если я захочу.

– Ни за что! – сказала Мэри.

– Я тебя заставляю! Тебя сюда силой приволокут!

– Ах вот как, господин раджа? – с ненавистью отвечала Мэри. – Может, и приволокут, но заставить говорить не смогут. Буду сидеть и молчать, ни слова тебе не скажу. Даже смотреть на тебя не стану. Буду глядеть себе под ноги!

Оба с ненавистью смотрели друг на друга. Милая это была парочка! Будь они уличными мальчишками, они бы подрались. Но драка была исключена, и они дали волю словам.

– Только о себе и думаешь! – выкрикнул Колин.

– А ты? Эгоисты всегда так говорят. Если кто-то не делает, как они хотят, они того называют эгоистом. Вот ты действительно только о себе и думаешь! Другого такого эгоиста я в жизни не видывала!

– Ну нет! Твой Дикон ещё больше эгоист! Заставляет тебя копаться в грязи, а ведь знает, что я тут лежу совсем один! Вот кто эгоист, если хочешь знать!

Глаза у Мэри вспыхнули.

– Он лучше всех! – закричала она. – Я такого другого не знаю. Он настоящий... ангел!

Может, глупо было так говорить, но ей уже было всё равно.

– Ничего себе ангел! – фыркнул Колин с издёвкой. – Обычная деревенщина!

– Он лучше, чем всякие там раджи! В тысячу раз лучше!

Так как Мэри была сильнее, чем Колин, победа стала склоняться в её сторону. Ведь Колин до сих пор имел дело только со слугами; пожалуй, ему было даже полезно, что Мэри ему не уступала, хотя ни он сам, ни Мэри об этом не догадывались. Он отвернулся, не поднимая головы с подушки, и зажмурил глаза, из-под его ресниц показалась крупная слеза и поползла по щеке. Ему стало жалко себя – но только себя одного!

– Я не такой эгоист, как ты, ведь я всегда болею. У меня уже горб растёт, я знаю! – сказал он. – И потом, я скоро умру.

– Не умрёшь! – возразила Мэри без всякого сочувствия.

От негодования он широко открыл глаза. Так с ним ещё никто не говорил. Он рассердился, но и обрадовался немножко, как ни трудно себе это представить.

– Не умру?! – повторил он. – Нет, умру! Ты же знаешь, что умру! Все так говорят.

– А я не верю! – стояла на своём Мэри. – Ты просто так говоришь, чтобы тебя пожалели. Ты же этим гордишься! Не верю я тебе! Будь ты хорошим, может, и поверила бы, но ты слишком противный!

Колин так и подскочил на кровати – он совсем забыл о своей спине.

– Убейся! – завопил он и, схватив подушку, швырнул в Мэри. Сил у него было немного – подушка не долетела и шлёпнулась у её ног. Мэри рассвирепела.

– Я ухожу, – заявила она. – И больше не приду!

Она пересекла комнату, но, подойдя к двери, обернулась.

– Я тебе столько всего интересного хотела рассказать. Дикон привёл с собой ворона и лисёнка – я хотела тебе про них всё-всё рассказать. А теперь ни слова не скажу!

Она шагнула через порог и захлопнула за собой дверь, и тут, к немалому своему удивлению, увидела сиделку, которая, судя по всему, подслушивала. Но ещё больше поразило Мэри то, что сиделка при этом смеялась. Это была статная молодая особа, которой вовсе не следовало идти в сиделки: больных она не жаловала и вечно выдумывала какой-нибудь предлог, чтобы оставить Колина на Марту или ещё на кого-нибудь, кто соглашался посидеть с ним вместо неё. Мэри её недолюбливала. Она остановилась и устремила взор на сиделку, которая хихикала, прикрыв рот носовым платком.

– Над чем это вы смеётесь? – спросила Мэри.

– Да над вами обоими, – отвечала сиделка. – Надо же, всё ж таки нашла и на него управа! Ты, правда, избалована не меньше, чем он, но лучшего для этого барчука не придумаешь! – И она снова засмеялась, уткнувшись в платок. – Будь у него сестра с таким же норовом, как у него, это его бы спасло!

– Скажите, а он умрёт?

– Не знаю и знать не желаю, – отвечала сиделка. – Дурной нрав и истерия – вот чем он болен!

– А что такое истерия? – спросила Мэри.

– Сама увидишь, если с ним случится сейчас припадок. Только на этот раз хоть будет из-за чего!

Мэри вернулась к себе. Настроение у неё было уже совсем другое, чем когда она вернулась из сада. Она досадовала и сердилась, но жалости к Колину не испытывала. Ей так хотелось ему обо всём рассказать! Она-то гадала, можно ли ему доверить тайну. И уже было решила, что можно. Но теперь передумала. Ничего-то она ему не скажет, пусть себе лежит в своей душевной комнате и умирает, если ему нравится! Так ему и надо! Она была до того не в духе, что на время совсем позабыла и о Диконе, и о зелёном тумане, гуляющем по всему миру, и о тёплом ветре с вересковой пустоши.

Марта её поджидала. Озабоченность на её лице уступила место любопытству. На столе стоял деревянный ящик со снятой крышкой, в котором виднелись аккуратно завернутые пакеты.

– Это тебе мистер Крейвен прислал, – сообщила Марта. – Там будто книжки с картинками.

Мэри вспомнила, что в тот день, когда мистер Крейвен вызвал её, он спросил: «Может быть, тебе что-нибудь нужно? Игрушки... куклы... книги?»

Она стала разворачивать бумагу. А вдруг там кукла? Что она будет с ней делать? Но там была не кукла. В ящике лежало несколько великолепных, как у Колина, книг со множеством иллюстраций. Две из них были о садах. Ещё мистер Крейвен прислал ей несколько игр и маленький изящный бювар с золотой монограммой, золотым пером и чернильницей.

Подарки были такие чудесные, что понемногу гнев её начал проходить. Она не ожидала, что мистер Крейвен вспомнит о ней, и на сердце у неё стало теплее.

– Я уже неплохо пишу, – сказала она. – Прежде всего я напишу этим пером письмо мистеру Крейвену и поблагодарю его.

Если б она не поссорилась с Колином, она тут же побежала бы к нему показать подарки. Они бы стали разглядывать иллюстрации и почитали бы про сады, а потом, вероятно, стали бы играть в присланные игры, и он бы так увлёкся, что и думать бы забыл о смерти или о том, растёт у него горб или нет. Он вечно трогал спину, чтобы проверить, чем очень сердил

Мэри. Ей тоже становилось страшно – видно, передавалось от него. Он говорил, что если нащупает хоть малейшую выпуклость, то сразу поймёт: это горб начал расти. Однажды он услышал, как миссис Медлок шептала что-то сиделке, и с тех пор не мог избавиться от этой мысли. Миссис Медлок говорила, что у его отца позвоночник искривлён ещё с детства. Он никому, кроме Мэри, не признавался, что его «припадки» (так их все называли) вызваны скрытым паническим страхом. Когда он сказал об этом Мэри, ей стало его жаль.

«Когда он устаёт или расстроен, он всегда вспоминает про горб, – думала она. – А сегодня он был очень расстроен. Он, верно, целый день думал про горб».

Она застыла на месте, глядя в раздумье на ковёр.

– Я ему сказала, что никогда не вернусь. – Она заколебалась и нахмурила брови. – Но, может быть... может быть, всё же утром зайду узнать... не хочет ли он поговорить со мной... утром. Возможно, он снова швырнёт в меня подушкой, но... всё же я... пожалуй... пойду.

ГЛАВА 17

Истерика

Маргаритка многолетняя (Bellis perennis)

Мэри так рано поднялась и так долго работала в саду, что очень устала и хотела спать; съев принесённый Мартой ужин, она с радостью отправилась в постель. Когда голова её коснулась подушки, она прошептала: «До завтрака поработаю с Диконом в саду, а потом... может быть... пойду к нему».

Среди ночи её разбудили такие ужасные звуки, что она тотчас спрыгнула с кровати. Что это? Что стряслось? Впрочем, она знала, что это. В коридорах хлопали двери, слышались торопливые шаги – кто-то страшно вопил и рыдал и никак не мог остановиться.

«Это Колин, – сказала она про себя. – У него припадок. Сиделка говорит: истерика. Какие жуткие звуки!»

Услышав эти вопли и рыдания, Мэри поняла, почему все так пугаются и во всём уступают Колину. Она закрыла уши ладонями – её трясло и мутило.

– Что же делать, не знаю! Не пойму, как поступить! – твердила она. – Я этого не вынесу!

«Не пойти ли к Колину?» – подумала Мэри, но тут же вспомнила, как он её выгнал, и решила, что, пожалуй, увидев её, он ещё больше зайдётся. Как ни прижимала она руки к ушам, ей не удавалось заглушить ужасные звуки. Они так её встревожили и напугали, что она вдруг рассердилась: ей захотелось самой закатить истерику, чтобы он испугался. Она не привыкла к тому, чтобы кто-то, кроме неё самой, так кричал. Она отняла ладони от ушей, вскочила и топнула ногой.

– Надо заставить его замолчать! Пусть его заставят замолчать! Пусть его накажут хорошенько! – крикнула она.

Тут раздались торопливые шаги по коридору, дверь распахнулась, и в комнату вбежала сиделка. Сейчас ей было не до смеха. Она даже побледнела.

– Это может плохо кончиться, – торопливо проговорила она. – Это очень опасно. Будь умницей, походи попробуй что-то сделать. Он тебя слушает.

– Он меня сегодня утром выгнал! – воскликнула Мэри и в сердцах топнула ногой.

Увидев, что Мэри сердится, сиделка, как ни странно, только обрадовалась. Она опасалась, что найдёт Мэри в слезах с головой под одеялом.

– Прекрасно, – сказала она. – Ты как раз в подходящем настроении! Пойди выругай его как следует. Он к этому не привык – пусть задумается. Поторопись, милая, нельзя терять ни минуты!

Лишь много позже Мэри поняла, что всё это было не только страшно, но и смешно. Смешно: взрослые перепугались и ждут помощи от маленькой девочки, потому что знают, что нравом она не уступит Колину.

Мэри понеслась по коридору. Чем ближе крики, тем больше она сердилась. Добежав до комнаты Колина, она уже была в бешенстве. С ходу толкнув рукой дверь, она подбежала к кровати.

– Прекрати! – закричала она. – Немедленно прекрати! Ненавижу тебя! И все здесь тебя ненавидят! Хорошо бы все убежали из дому – вопи тогда в своё удовольствие, пока не умрёшь! Ты и так сейчас доорёшься до смерти! Ну и ладно! Так тебе и надо!

Конечно, хороший, добрый ребёнок никогда бы такого не сказал. Однако случилось так, что шок, вызванный этими словами, хорошо подействовал на мальчика, который никогда не знал ни удержу, ни возражений.

Колин лежал, уткнувшись лицом в подушку, и бил по ней кулаками. Услышав яростный голос Мэри, он чуть не подскочил – так быстро он обернулся. Лицо его было ужасно: бледное, всё в красных пятнах, распухшее;

он с трудом дышал и ловил воздух раскрытым ртом. Но Мэри сама была в ярости и не обратила на это никакого внимания.

– Если ты хоть раз ещё крикнешь, – пригрозила она, – я тоже закричу! И погромче твоего! Я тебя так напугаю, будешь знать!

Колин до того изумился, что смолк. Он было собрался опять испустить вопль, но так и остался с раскрытым ртом и закашлялся. Его била дрожь, слёзы ручьём текли по лицу.

– Я не могу замолчать, – бормотал он, рыдая. – Не могу! Не могу!

– Нет, можешь! – крикнула Мэри. – Всё это злость и истерика! Слышишь? Истерика! Истерика! Истерика! – При каждом слове она топала ногой.

– Я нащупал: у меня на спине уже шишка растёт. Я так и знал! – давясь и всхлипывая, произнёс Колин. – Я так и знал. Вырастет горб – и я умру!

И он снова задёргался и забился, спрятав лицо в подушку. Рыдания сотрясали его. Но он больше не вопил.

– Ничего ты не нащупал! – возразила с яростью Мэри. – А если там что-то и есть, то только от истерики! От истерики всё что угодно бывает. Нет там ничего у тебя на спине, всё это одна истерика – и только! Повернись – я посмотрю.

Ей нравилось слово «истерика» – казалось, оно на него хорошо действует. Возможно, Колин, как и сама Мэри, никогда раньше его не слышал.

– Подойдите сюда, – позвала она сиделку, – и покажите мне, что там у него на спине!

Сиделка, миссис Медлок и Марта жались за порогом. Разинув рты, они смотрели на Мэри и только испуганно охали. Сиделка неуверенно приблизилась к постели. Колин задыхался от рыданий.

– Может, он... он не позволит, – прошептала со страхом сиделка.

Однако Колин услышал и, отчаянно всхлипывая, произнёс:

– По-покажи ей! Пусть увидит!

Сиделка сняла рубашку. Спина у Колина оказалась такая худенькая, что можно было пересчитать все рёбра и позвонки, но, разумеется, «мистрис Мэри» ничего считать и не подумала, а просто наклонилась и стала внимательно и строго разглядывать, что там у него на спине.

Вид у Мэри был такой суровый и чопорный, что сиделка отвернулась, чтобы скрыть усмешку. На мгновение в комнате воцарилась тишина – даже Колин затаил дыхание, а Мэри молча мерила взглядом его спину, словно она-то и была знаменитым врачом из Лондона.

– Ничего здесь нет! – провозгласила она. – Ровнёшенько ничего! Если не считать позвонков, да и они только потому видны, что ты такой тощий. У меня они тоже есть. Раньше торчали, как у тебя, пока я не стала толстеть. Но всё равно ещё видны. Никакой шишки у тебя нет! Если ты хоть раз ещё о ней скажешь, я просто захохочу!

Только Колин мог бы поведать о том, как на него подействовали эти сердитые ребяческие слова. Будь у него кто-то, кому он мог бы поверить свои тайные страхи, решился он задавать вопросы, будь у него друзья и не лежи он целыми днями один в огромном пустом доме, вдыхая воздух, пропитанный опасениями необразованных, по большей части, людей, которым он надоел, он бы знал, что весь его испуг и болезни были порождением его собственной фантазии. Но он лежал в одиночестве и думал о себе и своих недугах часами... днями... месяцами... годами. А теперь, когда эта несимпатичная сердитая девочка без доли сострадания объявила, что все его недуги – плод его же собственного воображения, он подумал, что, может, она права.

– Я и не знала, – наконец проговорила сиделка, – что он думает, будто у него на спине шишка. Спина у него слабая, это правда, но всё потому, что он даже не пытается сесть. Я и сама могла бы ему сказать, что у него там ничего нет!

Колин судорожно сглотнул и покосился на сиделку.

– Правда? – спросил он жалобно.

– Да, сэр.

– Вот видишь! – воскликнула Мэри и тоже сглотнула.

Колин снова уткнулся в подушку и с минуту лежал неподвижно – лишь изредка тело его сотрясали последние редкие всхлипы, а слёзы градом катились по лицу и увлажняли подушку. Он чувствовал невероятное облегчение. Потом он повернулся, опять взглянул на сиделку и чуть ли не с робостью спросил:

– Как вы думаете... я буду жить?

Сиделка не отличалась ни умом, ни добротой, но она помнила, что говорил знаменитый врач из Лондона.

– Отчего же, – ответила она, – если станете выполнять, что вам велят, перестанете закатывать скандалы и будете больше времени проводить на воздухе.

Приступ кончился – Колин чувствовал себя измученным и ослабевшим от слёз; возможно, поэтому он смягчился. Он неуверенно протянул Мэри руку. К счастью, её приступ ярости тоже прошёл, она подобрела и поспешила пожать ему руку. Мир был заключён.

– Я буду... буду выходить на воздух вместе с тобой, Мэри, – сказал Колин. – Я согласен, если только мы найдём... – Он вовремя опомнился и не произнёс слова «таинственный сад», а только сказал: – Я с удовольствием буду с тобой выходить, если только Дикон придёт и будет катить моё кресло. Я так хочу посмотреть на Дикона и на его лисёнка и ворона.

Сиделка перестелила сбитые простыни, встряхнула и взбила подушки. Потом она приготовила Колину бульон и предложила чашку и Мэри, которая после пережитых волнений приняла её с благодарностью. Миссис Медлок и Марта потихоньку удалились, и, когда всё улеглось и успокоилось, сиделка уже была готова последовать их примеру. Это была здоровая молодая особа, которая не скрывала желания вернуться к прерванному сну, – она не таясь зевала и поглядывала на Мэри, которая, пододвинув скамеечку поближе, сидела возле кровати и держала Колина за руку.

– Тебе надо вернуться к себе и поспать, – сказала сиделка Мэри. – Он скоро заснёт, если только не очень разволновался. Тогда и я улягусь в соседней комнате.

– Хочешь, я спою тебе песенку, которой научилась от своей айи? – шепнула Мэри Колину.

Он тихонько потянул её за руку и с мольбой посмотрел на неё.

– Ах да! – отвечал он. – Она такая нежная. Я через минуту засну.

– Я его убаюкаю, – сказала Мэри зевающей сиделке. – Вы можете идти, если хотите.

– Что ж, – словно нехотя согласилась сиделка. – Если через полчаса он не заснёт, позови меня.

– Хорошо, – обещала Мэри.

В тот же миг сиделка была уже за дверью. Как только она ушла, Колин снова тронул Мэри за руку.

– Я чуть не проговорился, – шепнул он, – но вовремя сдержался. Я больше не буду ничего говорить и засну, но ты сказала, что у тебя есть приятные для меня новости. Неужели ты... неужели ты придумала, как проникнуть в тайный сад?

Мэри взгляделась в его усталое лицо и заплаканные глаза – сердце у неё смягчилось.

– Д-да, – протянула она. – По-моему, да. Если ты сейчас заснёшь, я тебе завтра расскажу.

Рука его задрожала.

– Ах, Мэри! – выдохнул он. – Ах, Мэри! Если б я его увидел, мне кажется, я бы не умер! А может... может, ты не будешь петь мне колыбельную, а... расскажешь, как тогда, про сад? Какой он теперь, по-твоему? Я уверен, это меня усыпит.

– Хорошо, – согласилась Мэри. – Закрой глаза.

Колин смежил веки и замер, и Мэри заговорила медленно, тихо, не выпуская его руки:

– Мне кажется, туда так долго никто не заходил, что сад весь чудесно зарос. Мне кажется, розы разрослись, обвили там всё и теперь свисают отовсюду – с ветвей, со стен, и выются по земле, и ползут, словно серый туман. Некоторые розы засохли, но другие – а их много – выжили, и когда наступит лето, там будут ну просто гирлянды из роз! По-моему, трава в этом саду усыпана подснежниками и нарциссами, ирисами

и лилиями, они так и лезут из земли. Теперь, когда весна уже началась... может быть...

Её тихий монотонный голос всё больше и больше его успокаивал; Мэри это заметила и продолжала:

– Может, они уже пробиваются сквозь траву... Может, там уже распустились целые полянки лиловых и жёлтых крокусов... Может, на кустах и деревьях уже показались листочки... может, они потихоньку развёртываются... может... всё уже не так серо... зелёная воздушная сетка заволакивает всё вокруг. Птички прилетают взглянуть на этот сад... потому что там тихо и спокойно. И может быть... может быть, – совсем тихо и с расстановкой произнесла она, – малиновка нашла себе друга... и вьёт гнездо.

Но Колин уже спал.

ГЛАВА 18

«Больше ждать нельзя!»

Крокус (Crocus sativus)

Конечно, на следующее утро Мэри проспала. Она никак не могла проснуться – уж очень устала за ночь. Марта принесла ей завтрак и сообщила, что Колин хоть и успокоился, но нездоров – его лихорадит, как всегда после таких приступов. Мэри слушала и не торопилась кончать свой завтрак.

– Он просит, чтобы ты, как сможешь, пришла, – говорила Марта. – Подумать только, до чего он к тебе прикипел! Вчера ты ему как следует всыпала, что правда, то правда: у нас на это никто бы не решился. Э-э, бедный паренёк! До чего его набаловали, так это даже сказать страшно! Матушка говорит: «Хуже нет, когда ребёнку ничего не разрешают – или, наоборот, разрешают всё. Ещё неизвестно, которое из этих двух зол злее». А уж ты до чего вчера распалилась! Я только к нему вошла, как он мне и говорит: «Пожалуйста, говорит, спроси мисс Мэри, не придёт ли она ко мне?» Так и сказал: «пожалуйста», подумать только! А вы пойдёте, мисс?

– Я сперва сбегаю к Дикону, – отвечала Мэри. – Или нет, я пойду к Колину и скажу ему... – Тут глаза её засверкали. – Я знаю, что я ему скажу.

Колин огорчился, когда она вошла к нему в капоре. Он лежал в постели, бледный и жалкий, с тёмными кругами вокруг глаз.

– Я рад, что ты пришла, – сказал он. – У меня голова ноет и всё тело, до того я устал. Ты уходишь?

Мэри подошла и остановилась, прислонясь к кровати.

– Я скоро вернусь, – пообещала она. – Я к Дикону, а потом вернусь. Колин, это... это насчёт тайного сада.

Лицо его осветилось и порозовело.

– Да? Правда? – вскричал он. – Знаешь, он мне всю ночь снился. Я слышал, ты что-то говорила, как там всё зелёно заволакивает, вот мне и пришло, что я стою, а вокруг – зелёные листочки так и трепещут, так и трепещут, и птички сидят на гнёздах, такие тихие, мягонькие. Я буду лежать и думать об этом сне, пока ты не вернёшься.

Через пять минут Мэри уже была в саду. Там она нашла Дикона с вороним и лисёнком. На этот раз с ним были ещё две ручные белки.

– Я сегодня верхом на своём лошадёнке приехал, – сказал он. – До чего он хороший! Прыжок – молодец! А эту парочку я в карманах привёз. Эту зовут Скорлупка, а вон ту – Орешек.

Стоило ему произнести их имена, как одна белочка вспрыгнула ему на правое плечо, а другая – на левое.

Мэри и Дикон уселись на траву, Капитан свернулся клубком у их ног, ворон устроился на ветке над ними, а белочки резвились поблизости. Мэри так не хотелось уходить от этой славной компании, но, когда она начала рассказывать Дикону о вчерашних событиях, он слушал её с таким выражением, что все её колебания отпали. Было ясно, что Дикон жалел Колина гораздо больше, чем она. Он посмотрел на небо, а потом обвёл взглядом весь сад.

– Ты только послушай, как птицы поют, – произнёс он задумчиво. – Так и заливаются – будто во всём мире только и есть, что одни птицы. Посмотри, как они порхают! Послушай, как кличут друг друга! По весне только и слышно вокруг, что призывные клики. Листики распустились – взгляни-ка на них! А какой запах! – И он потянул воздух своим забавным носом. – А этот бедняжка лежит закупоренный в комнате и ничего не видит, и всякие глупости лезут и лезут ему в голову, пока он не расстроится до слёз!

Нет, надо его вызволять – привести сюда, и пусть себе смотрит, слушает, нюхает, пока весь не пропитается солнцем. Больше ждать нельзя!

Стоило ему заговорить о чём-нибудь, что его волновало, как его йоркширский выговор становился особенно заметным, хотя в другое время он старательно выговаривал слова, чтобы Мэри было понятнее. Но ей так нравился его йоркширский говор, что она и сама старалась ему подражать. Вот и сейчас она сделала такую попытку.

– Это уж то-очно, – согласилась она нарспев. – И вот с чего мы начнём...

Дикон заулыбался: когда эта девчушка пыталась произнести слова по-йоркширски, это выходило у неё так забавно!

– Ты ему ужасно нравишься, – продолжала Мэри всё так же нарспев. – Он хочет на тебя посмотреть и на Уголька с Капитаном. Я сейчас к нему пойду и спрошу, можно ли тебе завтра утречком к нему зайти – вместе с ними, конечно, – а там... немного погодя... когда листьев будет побольше и бутоны кое-где начнут набухать, мы его уговорим выйти на воздух, привезём сюда в кресле-каталке и всё ему покажем.

И она смолкла, довольная собой. Никогда прежде она не произносила такой длинной речи по-Йоркширски.

– Ты бы с Колином вот так же по-Йоркширски поговорила, – хмыкнул Дикон. – Вот бы он посмеялся! А для больных ничего нет лучше, как посмеяться. Матушка говорит: «Полчаса смеха по утрам хоть от чего вылечат!»

– Сегодня же попробую, – пообещала Мэри и тоже хмыкнула.

А в саду наступила та дивная пора, когда казалось, будто каждый день там появлялись волшебники и, прикасаясь к кустам и клумбам своими волшебными палочками, делали их всё пригожей. Как трудно было уйти из сада! А тут ещё Орешек полез по её платью, а Скорлупка сбежала вниз по стволу яблоньки, возле которой они сидели, и устоялась на неё любопытными глазами. Но Мэри всё же вернулась в дом.

Стоило ей усесться возле кровати Колины, как он так же потянул воздух носом, как Дикон в саду, хоть с непривычки у него вышло очень смешно.

– Ты пахнешь, как цветы, и даже свежее! – радостно закричал он. – Что это за запах? Такой прохладный и в то же время тёплый – и очень приятный!

– Это ветер с вересковой пустоши, – отвечала Мэри. – Ведь я сидела на траве под деревом вместе с Диконом, Капитаном, Угольком, Скорлупкой и Орешком. Это весна, и солнышко, и свежий воздух так дивно пахнут!

Она старалась выговаривать слова нараспев, так, как произносят их в Йоркшире. Тем, кто в Йоркшире не бывал, трудно себе это представить. Колин расхохотался.

– Что это тебе в голову пришло? – спросил он. – Ты раньше так никогда не говорила. До чего смешно!

– Я тебе показываю, как в Йоркшире говорят, – отвечала Мэри с торжеством. – Конечно, у меня не получается так хорошо, как у Дикона или Марты, но всё же и я кое-что могу, видишь? Ты что, йоркширского говора не узнаёшь? А ещё родился и вырос в Йоркшире! Стыдился бы мне в глаза смотреть, право слово!

Тут она тоже покатила со смеху, и оба они принялись так хохотать, что уже не могли остановиться. Комната прямо зазвенела от смеха. Миссис Медлок, открывшая было дверь, чтобы войти, отступила назад в коридор и с удивлением прислушалась.

– Ну и ну! – проговорила она тоже с сильным йоркширским выговором. Она была поражена, да к тому же её никто не мог услышать. – Подумать только! Нет, вы только послушайте!

Им столько всего надо было друг другу рассказать! Колин готов был без конца слушать про Дикона, Капитана, Уголька, белочек и лошадёнка по имени Прыжок. Мэри, оказывается, сбегала вместе с Диконом в лес, чтобы взглянуть на Прыжка. Он был небольшой, лохматый, таких много паслось на пустоши. Густая чёлка свисала ему прямо на глаза, а морда была до того милая – и мягкий бархатный нос! Он был худой, ведь пищей ему служила трава на пустоши, но сильный и крепкий, словно мускулы на ногах ему заменяли стальные пружины. Увидев Дикона, он поднял голову и тихонько заржал, а потом подскакал и положил голову ему на плечо. Дикон что-то говорил ему прямо в ухо, а Прыжок отвечал – тихонько ржал, дышал и пофыркивал. Дикон заставил его подать Мэри переднюю ногу с маленьким копытцем и потереться о её щёку бархатной щекой.

– Неужели он и вправду всё понимает, что Дикон ему ни скажет? – удивился Колин.

– Похоже, что да, – отвечала Мэри. – Дикон говорит, животные понимают, если точно знают, что ты им друг. Только надо, чтобы они это точно знали.

Колин полулежал молча, глядя в стену своими необычными серыми глазами, – Мэри видела, что он задумался.

– Мне бы хотелось с животными дружить, – сказал он наконец, – только я не умею. Я никогда ни с кем из животных не дружил, а людей я не переносю.

– И меня? – спросила Мэри.

– Нет, – возразил Колин. – Это очень смешно, но ты мне даже нравишься.

– Бен Везерстаф мне сказал, что я похожа на него, – заметила Мэри. – Он говорит: «Готов поручиться, что нрав у нас обоих нелёгкий». По-моему, ты тоже на него похож. Мы все трое похожи – ты, я и Бен Везерстаф. Он говорит: «Вид у нас неважный, а нрав и того хуже». Только я теперь, по-моему, не такая плохая, как до знакомства с малиновкой и Диконом.

– А у тебя бывало, что ты человека ненавидишь?

– Да, бывало, – отвечала Мэри просто. – Я бы и тебя возненавидела, если бы познакомилась с тобой раньше, чем с малиновкой и Диконом.

Колин протянул свою тонкую руку и коснулся её.

– Мэри, – сказал он, – мне жаль, что я говорил, что Дикона надо отправить домой. Я так разозлился, когда ты сказала, что он просто ангел! Я над тобой смеялся, но может... может, ты права.

– Конечно, смешно так говорить, – призналась Мэри смело, – потому что он такой курносый, и рот до ушей, и вся одежда в заплатках, и говорит он по-йоркширски, только... только если бы ангел залетел вдруг в Йоркшир и поселился бы в вересках... если бы он был йоркширский ангел... он бы, по-моему, понимал всё, что растёт и зеленеет, и знал бы, как с птицами и зверьём разговаривать... совсем как Дикон, а они бы понимали, что он им точно друг.

– Я бы согласился, чтобы Дикон на меня посмотрел, – сказал Колин, – я и сам хочу на него поглядеть.

– Хорошо, что ты мне сказал, – отвечала Мэри, – потому что... потому что...

Внезапно её осенило: вот сейчас ему всё и сказать! Колин заметил, что голос её зазвучал как-то иначе.

– Потому что – что? – воскликнул он с жаром.

Мэри так разволновалась, что вскочила со скамеечки, на которой сидела, и, подбежав к Колину, схватила его за обе руки.

– Колин, тебе можно доверять? Я Дикону верю – ведь ему даже птицы верят. А тебе я могу довериться? Совсем-совсем – могу?

Лицо у неё было до того серьёзное, что Колин прошептал в ответ:

– Да, да!

– Слушай, завтра утром Дикон придёт к тебе со своими зверюшками.

– Ой! – вскрикнул радостно Колин.

– Но это ещё не всё, – торжественно продолжала Мэри, побледнев от волнения. – Дальше ещё лучше! В нашем саду есть дверка. Я её нашла! Она закрыта плетнем, который стену затянул.

Будь Колин здоров и крепок, он бы, наверное, закричал: «Ура! Ура! Ура!», но он был слабый и нервный – и только шире открыл глаза и задохнулся от волнения.

– Ой! Мэри! – воскликнул он со слезами в голосе. – И я этот сад увижу? И войду в него? Неужели я до этого доживу?

Он крепко сжал ей руки и притянул её ближе.

– Конечно, увидишь! – ответила Мэри с негодованием. – Конечно, доживёшь! Не говори глупостей!

Она сказала это так просто, спокойно, по-детски, что он опомнился и засмеялся над собой. Через несколько минут она уже сидела на скамеечке и рассказывала ему не о том, каким ей виделся тайный сад в воображении, а каким он был на самом деле, и Колин, забыв о болезни и усталости, слушал её с горящими глазами.

– Он совсем такой, как ты воображала, – сказал он наконец. – Можно подумать, что ты его видела. Помнишь, я тебе так и сказал, когда ты впервые мне о нём рассказала.

С минуту Мэри колебалась, но потом решилась.

– Да, я его видела, – призналась она. – Я там была. Ещё несколько недель назад я нашла ключ и вошла внутрь. Но я не решалась тебе признаться... Потому не решалась, что не знала, можно ли тебе довериться... совсем-совсем довериться.

ГЛАВА 19

«Она пришла!»

Душистый горошек (Lathyrus odoratus)

Конечно, на следующее утро после приступа вызвали доктора Крейвена. Его всегда вызывали в таких случаях, и он всегда находил Колина обессиленным, бледным, угрюмо лежащим в постели и до того взвинченным, что, казалось, при малейшем слове он готов был разрыдаться. Доктор Крейвен не любил этих визитов и боялся их. На этот раз он явился лишь днём.

– Как он? – невольно спросил он миссис Медлок по приезде. – Он себя как-нибудь доведёт до кровоизлияния! А всё истерия и полная безнаказанность!

– Ах, сэр, – отвечала миссис Медлок, – вы собственным глазам не поверите, когда его увидите. Эта девочка, сама такая же невоспитанная, глядит исподлобья и собой дурнушка, а совсем его околдовала. Как это ей удалось, ума не приложу! Видит Бог, такая неказистая и молчунья, а сделала то, на что никто из нас не решался. Прошлой ночью она на него налетела,

словно кошка, топнула ногой и велела ему замолчать, и так его поразила, что он и вправду замолчал, а сегодня... Нет, вы сами посмотрите, сэр. Это просто уму непостижимо!

Войдя в комнату Колина, доктор Крейвен поразился. Стоило миссис Медлок открыть дверь, как он услышал смех и весёлые голоса. Колин, держась совсем прямо, сидел в халате на диване и разглядывал иллюстрации в книжке о садоводстве, разговаривая при этом с некрасивой девочкой, которая сейчас совсем не казалась некрасивой, потому что лицо у неё разгорелось от удовольствия.

– Эти высокие, голубые... У нас их будет множество, – говорил Колин. – Они называются дель-фини-умы.

– Дикон говорит, их из дикого шпорника вывели, – воскликнула Мэри. – Там их теперь целые заросли!

Увидев доктора Крейвена, оба смолкли. Мэри замерла, а Колин принял недовольный вид.

– Мне сказали, что тебе было вчера плохо, мой мальчик, – проговорил доктор Крейвен нервно. Он вообще был нервный человек. – Весьма сожалею.

– Мне уже лучше... Гораздо лучше, – отвечал Колин тоном раджи. – А через день или два, если будет ясно, я отправлюсь в своём кресле на прогулку. Мне нужен свежий воздух.

Доктор Крейвен уселся рядом с Колином, пощупал ему пульс и с любопытством взглянул на него.

– День должен быть совершенно ясным, – сказал он, – и надо проследить, чтобы ты не утомился.

– Свежий воздух меня не утомит, – отвечал юный раджа.

Доктор Крейвен с удивлением вздёрнул брови – и немудрено, ибо в прошлом случалось не раз, что сей юный джентльмен с яростью кричал, что от свежего воздуха он обязательно простудится и умрёт.

– Я думал, ты не любишь дышать свежим воздухом, – заметил доктор.

– В одиночку не люблю, – возразил Колин, – но со мной пойдёт моя кузина.

– И конечно, сиделка, – предложил доктор Крейвен.

– Нет, сиделка мне не нужна, – отвечал Колин так величественно, что Мэри вспомнился молодой индийский раджа в изукрашенных алмазами, жемчугом и изумрудами одеждах, к которому по мановению тёмной

маленькой руки с огромными рубинами на пальцах с поклонами приближались слуги, дабы выслушать его распоряжения. – Моя кузина обо мне позаботится. Когда она со мной, я всегда чувствую себя лучше. Вчера ночью она мне помогла. А кресло толкать будет один сильный парнишка, которого я знаю.

Доктор Крейвен забеспокоился. Если этот истеричный мальчишка вдруг поправится, сам он потеряет всякую надежду получить Мисселтвейт в наследство; впрочем, он не был бессовестным негодяем, а всего лишь слабым человеком и никогда бы не разрешил Колину рисковать жизнью.

– Парнишка должен быть сильным и надёжным, – заявил он. – И я должен его знать. Кто это? Как его зовут?

– Это Дикон, – вдруг сказала Мэри.

Почему-то она была уверена в том, что все, кто знает эти места, знают и Дикона.

И она не ошиблась. Серьёзное лицо доктора Крейвена осветилось улыбкой.

– Ах, Дикон! – воскликнул он. – Ну, если Дикон, тогда можно не волноваться. Он сильный, как лошадки, что пасутся в вересках!

– И на него можно положиться, – добавила Мэри. – Он самый надёжный парнишка во всём Йоркшире!

Забывшись, она произнесла эти слова с йоркширским выговором – ведь перед тем она говорила с Колином по-йоркширски.

– Это Дикон научил тебя так говорить? – рассмеялся доктор Крейвен.

– Я учу йоркширский, как если бы это был французский, – отвечала Мэри холодно. – Это как туземные диалекты в Индии. Их даже очень умные люди изучают. Мне йоркширский нравится, и Колину – тоже.

– Что же, если тебя это развлекает, особого вреда, верно, не будет. Колин, а бром вчера вечером ты принял?

– Нет, – отвечал Колин. – Я сначала не хотел его принимать, а потом Мэри меня успокоила, стала рассказывать, как весна крадётсЯ в сад, да так тихо говорила, что я заснул.

– Тема успокоительная, – сказал Крейвен и посмотрел искоса на Мэри, которая сидела на скамеечке и молча разглядывала ковёр. – Тебе явно лучше, но ты должен помнить...

– Не хочу я ничего помнить, – прервал его юный раджа. – Когда я лежу один и помню, у меня по всему телу начинаются боли, и я думаю, думаю,

пока не заплачу, до того мне противно помнить. Если бы нашёлся врач, который заставил бы меня забыть о болезни, а не помнить, я бы распорядился его сюда немедленно пригласить.

И он махнул исхудавшей рукой, которую должны бы украшать царские перстни с рубинами.

– Вот моя кузина заставляет меня забыть о болезни, и мне становится лучше.

Обычно доктору Крейвену приходилось долго сидеть у Колина после «приступа», однако на этот раз его визит был очень коротким. Он не оставил никаких лекарств и не дал новых предписаний, обошлось и без неприятных сцен. Когда он спустился вниз, вид у него был задумчивый, а миссис Медлок во время беседы в библиотеке заметила, что он как-то растерян.

– Ну, можно в это поверить, сэр? – спросила она.

– Да, положение изменилось, – отвечал доктор. – К лучшему, надо признать.

– Верно, Сьюзен Сауэрби правду сказала, – заметила миссис Медлок. – Вчера я забежала к ней по дороге в Твейт перекинуться словечком. А она мне и говорит: «Знаешь, Сара Энн, может, она и не очень красивая и не очень добрая, только она ребёнок, а дети к детям тянутся». Мы ведь ещё в школу вместе ходили, Сьюзен и я.

– Лучшей сиделки, чем она, я не знаю, – сказал доктор Крейвен. – Если уж она берётся выхаживать кого-то из соседей, я знаю, что больной выздоровеет.

Миссис Медлок улыбнулась. Она любила миссис Сауэрби.

– Да уж, этого у неё не отнимешь, – согласилась она благодушно. – Я вот всё утро думала о том, что она мне вчера сказала: «Как-то, говорит, я детей после драки пробирала и говорю: «Нас в школе на уроках географии учили, что земля круглая, как апельсин. Мне ещё и десяти не стукнуло, а я уже знала, что апельсин-то целиком никому не даётся. Каждому своя долька дадена, и никак не больше. Бывает, что на всех-то и долек не хватит. Так что не думайте, говорю, что апельсин весь вам принадлежит, а не то увидите, что ошиблись, и достанется вам это знание дорогой ценой». Дети друг от друга узнают, говорит, что забрать себе апельсин целиком никому не удаётся. Попробуют – так и зёрнышек не получают, а если и получают, так они всё равно для еды слишком горькие».

– Умная женщина, – проговорил доктор Крейвен, надевая пальто.

– Да, и за словом в карман не полезет, – заключила миссис Медлок с довольным видом. – Я ей, бывало, говорю: «Ах, Сьюзен, была бы ты иной да не говорила с таким сильным йоркширским выговором, я бы, пожалуй, и сказала, что ты у нас умница».

В ту ночь Колин спал спокойно и ни разу не проснулся. Открыв глаза поутру, он полулежал, не двигаясь, с безотчётной улыбкой на губах – ему было на удивление хорошо. Проснуться было так приятно – он перевернулся на другой бок и с удовольствием потянулся. Словно сковывавшие его узы ослабли, и он почувствовал свободу. Доктор Крейвен объяснил бы это тем, что нервы его пришли в порядок. Вместо того чтобы лежать, глядя в потолок, и жалеть о том, что проснулся, Колин начал размышлять о том, что они задумали с Мэри, о саде и о Диконе с его зверюшками. Как хорошо, что ему было о чём подумать! Прошло минут десять – он услышал шаги в коридоре, и на пороге появилась Мэри. Миг – она уже была в комнате и подбежала к кровати, а вместе с ней в комнату влетел свежий ветерок, напоённый утренними запахами.

– Ты была в саду! Ты была в саду! От тебя листьями так дивно пахнет! – воскликнул Колин.

Мэри раскраснелась от бега, глаза её блеснули, а волосы распушились и спутались, хотя он этого и не заметил.

– Там так красиво! – воскликнула Мэри, переводя дыхание. – Ты в жизни такой красоты не видал! Она пришла! Весна пришла! И Дикон так говорит!

– Правда?! – переспросил Колин.

Он плохо понимал, о чём идёт речь, однако почувствовал, что сердце забилось у него в груди. Он сел.

– Открой окно! – попросил он, смеясь от радости и от смущения. – Может, мы услышим золотые трубы!

Мэри подбежала и распахнула окно – свежий, бодрящий воздух, запахи весны и птичьи голоса полились в комнату.

– Это свежий воздух, – объявила Мэри. – Ложись на спину и глубоко дыши. Дикон всегда так делает, когда лежит на земле в вереске. Он говорит: «Я чувствую, как у меня каждая жилка наливается силой. И ещё я чувствую, что буду жить, и жить вечно!» Дыши же, дыши!

Она просто повторила слова Дикона, но Колину они понравились.

Первоцвет обыкновенный
(*Primula vulgaris*)

– «Жить, и жить вечно!» – повторил он. –
Такое у него бывает чувство?

Он последовал её совету и принялся
глубоко дышать, пока не почувствовал, что
его охватило какое-то непонятное, но вос-
хитительное ощущение.

А Мэри уже вернулась к его постели.

– Стебельки из земли всё лезут и ле-
зут, – зачастила она. – Цветочки раскрыва-
ются, на всех ветках – почки, всё серое уже
подёрнула зелень, а птички спешат гнёзда

вить и до того боятся опоздать, что некоторые даже дерутся из-за местеч-
ка в тайном саду. Розовые кусты ожили, в лесу и в аллеях появились пер-
воцветы, а семена, что мы посадили, взошли. И знаешь, Дикон принёс с со-
бой лисёнка, ворона, белочек и новорождённого ягнёнка.

Тут она остановилась, чтобы перевести дыхание. Новорождённого
ягнёнка Дикон нашёл в зарослях дрока на пустоши – он лежал рядом со
своей погибшей матерью. Такие находки Дикону были не впервой – он знал,
как в таких случаях поступать. Он завернул ягнёнка в куртку и отнёс домой,
а там положил поближе к огню и напоил тёплым молочком из соски. Ягнё-
нок был такой мягонький, с глупой младенческой мордочкой и непомер-
но длинными ножками. Всю дорогу из дому Дикон нёс его на руках, засу-
нув бутылочку с молоком в карман, где сидела белочка. Когда Мэри села на
землю под деревом и он положил ей на колени тёплое тяжёленькое тельце,
её охватила невыразимая радость. Ягнёнок, ягнёнок! Настоящий, живой
ягнёнок, и он лежит у неё на коленях, словно младенец!

Она с восторгом описывала Колину ягнёнка, а тот слушал и глубоко ды-
шал. Тут в комнату вошла сиделка. Увидев открытое окно, она вздрогнула.
Много жарких дней провела она в этой комнате, мучаясь от духоты, и всё по-
тому, что её подопечный утверждал: от открытого окна люди простужаются.

– А вам из открытого окна не дует, мистер Колин? – спросила сиделка.

– Нет, – отвечал Колин. – Я дышу свежим воздухом. Он меня укрепляет.
А завтракать я перейду на диван, и моя кузина позавтракает вместе со мной.

Пряча улыбку, сиделка вышла распорядиться относительно завтрака.
В людской ей всегда было веселее, чем в комнате больного, а сегодня все
хотели услышать, что творится наверху. Послышались шутки о молодом

отшельнике, который, по словам кухарки, «нашёл на себя управу – давно пора!». Слугам надоели истерики Колина; дворецкий, у которого самого росли дети, не раз уже выражал мнение, что больного нужно просто «хорошенько выпороть».

Устроившись на диване, Колин важно объявил сиделке, поставившей на столик завтрак на двоих:

– Сегодня утром меня посетят мальчик, лисёнок, ворон, две белки и новорождённый ягнёнок. Я хочу, чтобы их провели наверх, как только они придут. Не вздумайте играть с ними в людской и не задерживайте их там. Я хочу, чтобы они были здесь.

Сиделка чуть не ойкнула от удивления и тут же закашлялась, чтобы скрыть его.

– Слушаю, сэр, – отвечала она.

– Вот как надо поступить, – продолжал Колин и царственно махнул рукой. – Скажите Марте, чтобы она сама их сюда проводила. Этот мальчик – её брат. Его зовут Дикон, он заклинатель зверей.

– Надеюсь, эти звери вас не кусают, мастер Колин, – сказала сиделка.

– Я же вам говорю: он заклинатель, – сурово возразил Колин. – А у заклинателей звери никогда не кусаются!

– В Индии много заклинателей змей, – сообщила Мэри. – Они даже берут в рот змеиную голову.

– Господи, спаси и помилуй! – содрогнулась сиделка.

Они завтракали, дыша утренней прохладой. Колин ел с удовольствием, а Мэри внимательно следила за ним.

– Ты скоро начнёшь толстеть, как я, – заметила она. – Когда я жила в Индии, мне никогда не хотелось есть, а теперь я вечно голодна.

– Мне сегодня хотелось позавтракать, – признался Колин. – Может, это от свежего воздуха. Как ты думаешь, когда Дикон придёт?

Дикон не заставил себя ждать. Минут через десять Мэри предостерегающе подняла руку.

– Тише! – сказала она. – Ты слышал карканье?

Колин прислушался и правда уловил хриплое карканье. Странно оно прозвучало в доме.

– Да, слышу, – отвечал он.

– Это Уголёк, – пояснила Мэри. – Послушай ещё. Слышишь бляенье, такое тихое-тихое?

– Ах да! – вскричал Колин, раскрасневшись от волнения.

– Это новорождённый ягнёнок, – сказала Мэри. – Они сейчас будут здесь.

На Диконе были крепкие, грубые башмаки, в которых он всегда бродил среди вересков; как ни старался он ступать тихо, пока шагал длинными переходами, они громко стучали по полу. Мэри и Колин слышали, как он приближался – пока не распахнул завешенную гобеленом дверь и не ступил на мягкий ковёр коридора, ведущего в комнату Колина.

– Если позволите, сэр, – объявила Марта, открывая дверь, – если позволите, вот Дикон со своими зверюшками.

И в комнату, улыбаясь во весь рот, вошёл Дикон. В руках он нёс крошечного ягнёнка, а рядом трусил маленький рыжий лис. На левом плече у Дикона сидела Скорлупка, на правом – ворон, а голова и лапки Орешка выглядывали из кармана его куртки.

Колин медленно сел и широко раскрытыми глазами уставился на Дикона. Он смотрел и смотрел и всё не мог насмотреться – как в тот раз, когда к нему вошла Мэри. Сказать по правде, хоть он и много слышал о Диконе, он совсем не представлял себе, какой он, и не ожидал, что лисёнок, ворон, белочки и ягнёнок окажутся до того спаяны с ним, как если бы составляли одно целое. Колин в жизни не разговаривал с другим мальчиком – от радости и любопытства он совсем растерялся и даже не пытался заговорить.

Но Дикон совсем не оробел и не смутился. Ведь он не растерялся, когда впервые увидел своего ворона, который не понимал его языка, а только молча глядел на него. Птицы и звери всегда так себя ведут, пока не поймут, кто ты. Дикон подошёл к Колину, сидевшему на диване, и тихонько положил ему на колени ягнёнка – малыш тут же прижался к тёплому бархату халата и принялся тыкаться в его складки, нетерпеливо ударяя своей кудрявой головкой Колина в бок. Разве тут можно было молчать?

– Что это он делает? – воскликнул Колин. – Что ему надо?

– Мать ищет, – отвечал, всё шире улыбаясь, Дикон. – Я его немного недокормил – я знал, что тебе захочется посмотреть, как он ест.

Он опустился на колени возле дивана и вынул из кармана бутылочку с молоком.

– Иди сюда, малыш, – сказал он и загорелой рукой осторожно повернул к себе белую шерстяную головку. – Вот что ты ищешь. Твоя еда здесь, а не в бархатном халате. На вот!

Он сунул резиновую соску, надетую на бутылочку, в жадно ищущий рот – ягнёнок блаженно и жадно засосал.

Тут уж никто не раздумывал о том, что сказать. Насосавшись, ягнёнок заснул, а Колин и Мэри засыпали Дикона вопросами. Дикон рассказал им, что нашёл ягнёнка на рассвете ровно три дня назад. Он стоял среди вереска, слушал жаворонка и смотрел, как весёлый певец поднимается всё выше и выше в небо, пока не превратился в чёрную точку в небесной синеве.

– Если б не его песенка, я бы его совсем потерял. Я стоял и думал, как это я его слышу, когда он вроде как из этого мира совсем исчез. Вдруг слышу где-то в кустах мохожевелика совсем другой звук. Слабенькое такое бление... Я понял, что это новорождённый ягнёнок и что он голоден, а только с чего это ему быть голодным? Значит, он мать потерял. Стал я его искать. Ну и пришлось мне побегать! Я и в мохожевелике искал, и вокруг ходил, ходил, а найти никак не мог. Наконец приметил белое пятнышко у большого валуна на горке, залез туда и вижу: лежит малыш, полумёртвый от холода и голода.

Меж тем ворон то вылетал важно в парк, то возвращался и о чём-то докладывал карканьем, а белочки резвились в ветвях огромных деревьев, стоявших под окном, бегали вверх и вниз по стволам и ползали по веткам. Лисёнок же устроился рядом с Диконом, который уселся на коврик возле камина.

Потом все трое смотрели книги о садоводстве – Дикон знал, как в народе называют разные цветы, и мог точно сказать, какие из них уже появились в саду.

– Этого названия я не знаю, – сказал он, указывая на цветок, под которым стояла подпись «аквилегия», – только у нас его зовут водосбор. А вот это львиный зев, и оба дикорастущие, у нас в живых изгородях их тьма! Ну а это садовые, у них цветы и покрупнее и поярче. В нашем саду водосборов видимо-невидимо. А когда распустятся, кажется, словно на клумбе бабочки голубые и белые сидят и крылышками трепыхают.

– Я должен на них посмотреть! – вскричал Колин. – Нет, я должен на них посмотреть.

– Да уж конечно, – согласилась Мэри серьёзно. – Что время зря терять!

ГЛАВА 20

«Я буду жить, и жить вечно!»

Мак-самосейка (*Papaver rhoeas*)

Однако прошло больше недели, прежде чем они смогли выйти из дому – сначала было ветрено, а потом Колин чуть не подхватил простуду. Раньше он бы пришёл в ярость от такого стечения обстоятельств, но сейчас его слишком увлекали планы, которые надо было держать в тайне. К тому же чуть не каждый день к нему хоть на несколько минут заходил Дикон, чтобы рассказать, что происходит на пустоши, в аллеях парка, живых изгородях и на берегах ручейков. Он так увлечённо говорил о норах барсуков, выдр, мышей-полёвок и водяных крыс, а особенно о птичьих гнёздах, что Колин с Мэри просто дрожали от волнения. Немудрено – ведь «заклинатель зверей» повествовал обо всём этом с такими подробностями, что они прямо видели, какие удивительные, потрясающие дела творятся в подземном мире.

– Да, они живут совсем так же, как и мы, – говорил Дикон, – только им приходится дом себе строить каждый год заново. Вот они и спешат изо всех сил.

Но больше всего нашу троицу занимало, как, не привлекая внимания, переправить Колина в сад. Никто не должен был видеть, куда направятся Мэри и Дикон, когда дойдут до конца клумб и свернут на дорожку, идущую вдоль заросших плющом стен. С каждым днём Колин всё больше и больше укреплялся в мысли о том, что самое главное во всей их затее была окружающая её тайна. Её надо было сберечь во что бы то ни стало. Никому даже в голову не должно было прийти, что они что-то скрывают. Пусть все думают, будто Дикон и Мэри просто вывезли Колина погулять – они ему нравятся и он не возражает, чтобы они на него глядели. С восторгом, во всех деталях они обсуждали будущий маршрут. Сначала они проедут по этой дорожке, потом свернут на другую, пересекут третью, проедут меж клумбами, разбитыми вокруг фонтана, словно любуясь работой мистера Роуча, главного садовника. Это будет настолько естественно, что никому и в голову не придёт их заподозрить. Там они свернут в кусты и запутают след, пока не выйдут к стенам спрятанного сада. Всё было тщательно продумано – так во время войны полководцы продумывают план перехода.

Как и следовало ожидать, слухи о любопытных новшествах на половине больного проникли в людскую и достигли ушей конюхов и садовников. Всё же мистер Роуч изумился, когда ему передали распоряжение явиться в комнату к мастеру Колину – из работников там никто никогда не бывал, – так как с ним желал говорить сам больной.

– Ну и дела, – бормотал он про себя, торопливо меняя куртку. – Что же теперь будет? То на его королевское высочество и глянуть не смей, то вдруг он вызывает к себе совершенно незнакомого человека!

Мистер Роуч не был вовсе лишён любопытства. Колина он ни разу даже мельком не видел, зато слышал множество всяких разговоров о его мертвенной бледности, дурных манерах и истериках. Но чаще всего он слышал о том, что Колин на этом свете не жилец. Много ещё всякого болтали о его горбе и неподвижных членах люди, которые и в глаза его не видели.

– Да, мистер Роуч, у нас перемены, – говорила миссис Медлок, поднимаясь вместе с главным садовником по задней лестнице в коридор, где находилась комната Колина.

– Будем надеяться, что к лучшему, миссис Медлок, – отвечал тот.

– Да уж к худшему вроде бы и некуда, – вздохнула миссис Медлок. – И как всё это ни странно, некоторые теперь могут хоть немного вздохнуть.

Не удивляйтесь, мистер Роуч, если увидите там целый зверинец, да ещё и Дикона, сына Сьюзен Сауэрби. Он себя там чувствует вольготнее, чем мы с вами.

– Да он-то всюду будет чувствовать себя как дома, – отвечал мистер Роуч, – что в Букингемском дворце, что на дне угольной шахты. Только это не от наглости. Просто он такой славный парнишка!

Хорошо, что миссис Медлок его подготовила, а то бы он, верно, изумился. Стоило ему открыть дверь в комнату Колина, как большой ворон, восседавший на высокой спинке резного кресла, громким карканьем возвестил о приходе гостя. Мистер Роуч чуть не прыгнул за порог, забыв о своём достоинстве.

Ни на кровати, ни на диване юного раджи не было. Он сидел в кресле, а рядом стоял ягнёнок, которого он кормил из бутылочки, и весело помахивал хвостиком. Так делают все ягнята, когда их кормят. На спине у Дикона сидела белочка и сосредоточенно грызла орешек. Девочка из Индии сидела на скамеечке и смотрела на них.

– К вам мистер Роуч пришёл, мастер Колин, – объявила миссис Медлок.

Юный раджа обернулся и окинул взглядом своего верного подданного – так, во всяком случае, подумалось главному садовнику.

– Значит, это вы Роуч? – произнёс он. – Я послал за вами, чтобы отдать крайне важные распоряжения.

– Слушаю, сэр, – отвечал Роуч.

Уж не велит ли он срубить все дубы в парке или превратить фруктовые сады в заливные дуга, мелькнуло у него в голове.

– Я сегодня после обеда выеду в своём кресле на прогулку, – молвил Колин. – Если свежий воздух мне не повредит, я, возможно, буду выезжать каждый день. В эти часы никто из садовников не должен приближаться к Длинной дорожке, что идёт вдоль садовых стен. Никто! Я выеду около двух часов, и все должны оттуда уйти, пока я не пришлю сказать, что они могут вернуться к работе.

– Слушаю, сэр, – отвечал мистер Роуч, радуясь, что дубы уцелели и что фруктовым садам ничто не грозит.

– Мэри, – спросил Колин, повернувшись к ней, – что говорят в Индии, когда хотят сказать, что разговор окончен?

– «А теперь я разрешаю вам удалиться», – отвечала Мэри.

Раджа махнул рукой.

– А теперь я разрешаю вам удалиться, – проговорил он. – Но помните – это очень важно!

Карр-карр! – хрипло закаркал ворон. Впрочем, в его карканье не было ничего обидного.

– Слушаю, сэр. Благодарю вас, сэр, – отвечал мистер Роуч и вышел вслед за миссис Медлок из комнаты.

Оказавшись за дверью, он широко улыбнулся, с трудом сдерживая смех, – он был добрым человеком.

– Ну и ну! – воскликнул он. – Манеры величественные – дальше некуда! Будто не мальчик, а всё королевское семейство, включая принца-консорта*, и все в одном лице!

– Да уж, – вздохнула миссис Медлок. – Посмотрели бы вы, как он нами помыкает с тех пор, как встал на ноги! Он уверен, что так оно и должно быть.

– Может, с возрастом пройдёт, – предположил мистер Роуч, – если он выживет, конечно.

* В это время в Англии правила королева Виктория; её муж Альберт был принцем-консортом, то есть супругом царствующей королевы.

– Что ж, одно я знаю наверняка, – сказала миссис Медлок. – Если он выживет, а эта индуска здесь останется, ручаюсь, она его научит, что весь апельсин, как говорит Сьюзен Сауэрби, одному заполнить никогда не удастся. Глядишь, и он узнает, какова его доля!

Колин меж тем с облегчением откинулся на подушки.

– Теперь всё в порядке! – воскликнул он. – Сегодня я его увижу! Сегодня я в него войду!

Дикон со своими зверюшками вернулся в сад, а Мэри осталась с Колином. Он не выглядел усталым, но был задумчив. Обедали молча. Мэри недоумевала и в конце концов решила спросить его, в чём дело.

– Какие у тебя глаза огромные, Колин, – сказала она. – Ты когда задумываешься, они прямо как плоски! О чём ты сейчас думаешь?

– Мне интересно, какой она окажется, – отвечал Колин.

– Кто? Малиновка?

– Весна. Ведь я весну никогда не видел. Из дому почти не выходил, а когда выходил, то её не замечал. Я о ней даже и не думал.

– В Индии я тоже её не замечала, потому что там её и не было, – вспомнила Мэри.

У Колина, несмотря на его болезнь и замкнутый образ жизни, воображение было куда живее, чем у Мэри, к тому же он столько часов провёл, рассматривая дивные иллюстрированные книжки.

– В то утро, когда ты прибежала со словами: «Она пришла! Она пришла!» – мне всё вдруг так странно показалось. Будто ты говорила о великолепном шествии под звуки громкой музыки! У меня в книжке есть такая картинка – толпы красивых людей с детьми, с гирляндами цветов и цветущими ветками, все смеются, ликуют, пляшут и дуют в трубы. Я потому и сказал: «Может, мы услышим, как трубят в золотые трубы!» – и попросил тебя распахнуть окно.

– А знаешь, это и вправду так! – воскликнула Мэри. – Представь, если бы все деревья, цветы и другие растения, все птицы и звери собрались

вместе и прошли торжественным шествием! Они бы, конечно, плясали, пели и свистели – вот тебе и музыка!

И оба рассмеялись – но не потому, что мысль показалась им глупой, а потому, что она им ужасно понравилась.

Вскоре пришла сиделка, чтобы одеть Колина. Она заметила, что если раньше он лежал не двигаясь, пока она натягивала на него одежду, то теперь он сел и стал ей помогать, продолжая болтать и смеяться с Мэри.

– Сегодня один из его хороших дней, сэр, – сказала сиделка доктору Крейвену, который зашёл взглянуть на Колина. – У него такое хорошее настроение, что и сил словно стало побольше.

– Я зайду ещё днём, когда он вернётся с прогулки, – обещал доктор Крейвен. – Я должен проверить, как она на него подействует. Мне бы только хотелось, – прибавил он тихо, – чтобы он позволил вам его сопровождать.

– Я скорее откажусь от места, чем соглашусь с таким предложением, – заявила сиделка с неожиданной твёрдостью.

– Я пока ничего не предлагаю, – отвечал врач нервно. – Посмотрим, посмотрим... Дикону я бы и новорождённого доверил.

Самый дюжий лакей снёс Колина вниз и уложил его в кресло-каталку, возле которого уже стоял Дикон. Камердинер подложил Колину под голову подушки и закутал его пледами – раджа махнул рукой ему и сиделке.

– Я разрешаю вам удалиться, – произнёс он.

Те тут же удалились, хотя надо признать, что, закрыв за собой двери дома, оба рассмеялись.

Дикон осторожно покати́л кресло. Мэри шла рядом, а Колин откинулся на подушки и поднял лицо к небу. Голубой купол уходил высоко вверх, а в хрустальной вышине, словно птицы с распростёртыми крыльями, плыли белоснежные облачка. Тёплый ветерок веял с вересковой равнины, донося незнакомые терпкие ароматы. Грудь у Колина высоко вздымалась, огромные глаза жадно вбирали всё вокруг.

– Сколько разных звуков! – воскликнул он. – И поют, и свистят, и перекликаются! А чем это ветер пахнет?

– Это дрок начинает цвести, – отвечал Дикон. – А-а, вот и пчёлки на него налетели!

Дрок
(*Ulex europaeus*)

На дорожках, по которым они двигались, не было ни души. Всем садовникам с их помощниками было велено уйти подальше. И всё же наша троица углубилась в кустарник и прошла меж клумб у фонтана, следуя тщательно разработанному маршруту, – эта таинственность доставляла им такое удовольствие! Наконец они свернули на Длинную дорожку, идущую вдоль стен, и в предвкушении того, что сейчас увидят, перешли почему-то на шёпот.

– Вот это место, – прошептала Мэри. – Здесь я ходила и думала, думала...

– Правда? – переспросил Колин, жадно оглядывая ровную завесу из плюща. – Но я ничего не вижу. Тут нет никакой двери.

– И я так думала, – сказала Мэри.

Наступило чудесное молчание – все трое затаили дыхание. А кресло всё катилось.

– Вот сад, где работает Бен Везерстаф, – заметила Мэри.

– Да? – снова откликнулся Колин.

Ещё несколько шагов – и Мэри снова зашептала:

– Вот здесь малиновка перелетела через стену.

– Да? – воскликнул Колин. – Ах, вот бы она снова прилетела!

– А тут, – продолжала торжественно Мэри, ткнув пальцем в большой куст сирени, – она уселась на кучку земли и указала мне, где ключ.

Колин приподнялся и сел.

– Где? Где? Там? – вскричал он, и глаза у него стали огромными, как у волка в сказке про Красную Шапочку.

Дикон остановился – встало и кресло.

– А вот сюда, – сказала Мэри, подходя вплотную к стене, – сюда я подошла, чтобы с ней потолковать, когда она прощобетала мне что-то со стены. А вот плющ, который отнесло тогда в сторону ветром.

И она раздвинула зелёную завесу.

– Неужели это... – От волнения у Колина перехватило дыхание.

– Вот ручка – и дверка! Дикон, вкати-ка его... Вкати его побыстрее!

Дикон изо всех сил толкнул кресло – оно весело и ровно вкатилось в сад.

Но Колин, хоть он и вскрикнул от восторга, снова откинулся на подушки, прикрыл глаза ладонями и не открывал их, пока не оказался внутри. Он словно боялся взглянуть. Тут кресло словно по мановению волшебной палочки остановилось, дверка захлопнулась. Колин отнял от глаз

ладони и с жадностью огляделся. Ярко-зелёная пелена из нежных маленьких листочков затянула стены, землю, деревья и свисающие плети вьющихся роз; на траве под деревьями и в серых вазонах, поставленных в нишах, всюду сверкали золотые, багряные, белые пятна; над его головой розовели и снежно белели ветви деревьев, шелестели крылья, кто-то свистел и гудел, и плыли, плыли дивные запахи. Солнце нежно ласкало ему щёки. Мэри и Дикон с изумлением взглянули на Колина. Внезапно он разительно изменился – на его белое, без кровинки, лицо, на шею, на руки упали яркие розовые блики света.

– Я выздоравлию! Выздоровлю! – закричал Колин. – Мэри! Дикон! Я буду здоров! Я буду жить, и жить вечно!

ГЛАВА 21

Бен Везерстаф

Лук репчатый (Allium cepa)

Странно, что в этой жизни мы лишь изредка испытываем уверенность в том, что будем жить вечно. Порой это чувство посещает нас на рассвете, если он тих и задумчив. Бывало, выйдешь из дому, станешь поодаль, откинешь голову и смотришь, смотришь ввышину, наблюдая, как неспешно разгорается бледное небо и наступают чудные перемены, а потом взглянешь на восток и чуть не вскрикнешь от восторга, и сердце замрёт от всегда удивительного, величественного восхода солнца – а ведь это повторяется каждое утро в течение многих, многих тысяч лет. Тут-то и почувствуешь – на миг или два – уверенность, что будешь жить вечно. А не то бывает, что стоишь один в лесу на закате – таинственный золотой свет тихо сквозит меж ветвей и, кажется, снова и снова медленно говорит тебе что-то, чего ты, как ни старайся, не умеешь расслышать. Или ещё, когда глядишь в тихую бескрайнюю синеву ночного неба, усеянного миллионами звёзд, которые смотрят на землю, словно ждут чего-то, проникаешься верой, а порой в этом убеждает далёкий звук музыки или взгляд чьих-то глаз.

Так произошло с Колином, когда он впервые услышал поступь весны в высоких стенах потаённого сада. Казалось, в тот день весь мир посвятил себя тому, чтобы явить одному мальчику своё совершенство, сердечность и дивную красоту. Из одной лишь небесной своей доброты весна явилась, чтобы на этом небольшом пространстве показать ему всё, что только было в её силах. Не раз Дикон изумлённо замирал на месте и тихо тряс головой.

– Ну и ну! – повторял он. – Я двенадцать лет прожил, мне уж тринадцатый пошёл, а такого денька я за все годы не видал!

– Да, день великолепный, – соглашалась Мэри, вдыхая весенний воздух. – Такого, клянусь, с сотворения мира не было!

– А как по-твоему, – проговорил мечтательно Колин, тщательно выговаривая слова на йоркширский манер, – это всё специально для меня так сделано?

– Нет, вы только послушайте! – обрадовалась Мэри. – Ты уж и по-йоркширски заговорил! И как хорошо – просто трудно поверить!

Всё в этот день было чудесно.

Они подкатили кресло под сливу, снежно-белую сливу в цвету, которая так и звенела от чёла. Ветви сливы раскинулись над креслом, словно балдахин над тронем сказочного короля. А рядом стояли вишни и яблони, готовые вот-вот зацвести; ветки их розовели и белели на солнце, а один или два цветка уже раскрылись. Небо глядело синими дивными глазами меж цветущими ветками сливы.

Мэри и Дикон немного поработали, а Колин смотрел на них. Они несли ему на показ всякую всячину: раскрывающиеся или плотно закрытые почки, веточку с чуть распустившимися листочками, упавшее на землю перо дятла, скорлупу, из которой недавно вылупился птенец. Дикон не спеша катил кресло, то и дело останавливаясь, чтобы Колин мог взглянуть на творящиеся кругом чудеса. Медленной процессией двигались они по саду, словно по владениям сказочного короля, глядя на скрытые повсюду таинственные сокровища.

– Интересно, а малиновку я увижу? – спросил Колин.

– Не беспокойся, скоро ты её часто будешь видеть! – отвечал Дикон. – Как птенцы вылупятся, она так и будет здесь мелькать! Взад-вперёд, взад-вперёд, просто голова закружится! Так и будет носиться с червяками в клюве, а червяки-то больше её самой! А птенцы, как её завидят, так будут кричать, что она вконец растеряется, какой из ртов прежде кормить. Все-то рты разевают, все пищат! Матушка говорит: «Когда я вижу, как бедной малиновке приходится трудиться, чтобы все эти рты накормить, так

я рядом с ней ну просто барыня-бездельница, право слово!» А птахи трудятся в поте лица своего – только никто этот пот не видит!

Все трое рассмеялись, но тут же зажали рты руками, вспомнив, что их могут услышать. Колину ещё несколько дней тому назад объяснили, что говорить в саду надо потише, а ещё лучше шёпотом. Такая таинственность пришлась ему по душе, и он изо всех сил старался соблюдать это правило, да только трудно сдерживать смех в разгар веселья.

С каждой минутой они находили что-нибудь новое, и с каждым часом солнце сияло всё ярче. Кресло снова поставили под сливу, Дикон уселся на траву и уже вынул было свирель, как вдруг Колин увидел нечто, чего раньше не замечал.

– Какое старое дерево... вон там, правда? – спросил он.

Дикон посмотрел на дерево, стоявшее вдали. Мэри тоже на него посмотрела – оба замолчали.

– Да, – мягко произнёс наконец Дикон.

Мэри задумчиво глядела на дерево.

– Ветки такие серые, и нигде ни листочка, – продолжал Колин. – Они совсем мёртвые, правда?

– Это уж точно, – согласился Дикон. – Только оно всё увито стеблями роз, а когда они зацветут, то закроют мёртвые ветки листьями и цветами. Тогда оно не будет таким мёртвым, а станет здесь самым красивым!

Мэри всё не сводила глаз с дерева.

– Большая ветка у него как будто обломилась, – заметил Колин. – Интересно, как это случилось.

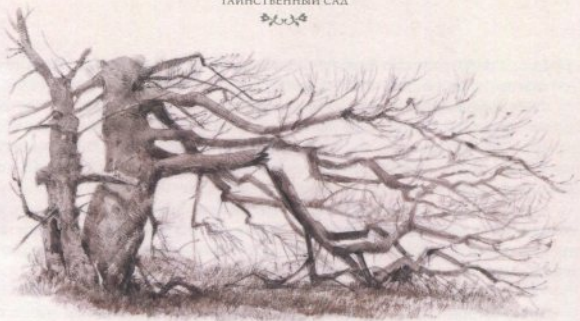
– Давно это было, – отвечал Дикон. – А-а! – с облегчением воскликнул он и тронул Колина за плечо. – Гляди-ка! Малиновка! Несёт что-то в клюве!

Колин едва-едва успел краем глаза увидеть, как в воздухе мелькнула красногрудая птичка: она пронеслась сквозь ветви и исчезла в заросшем уголке сада. Колин радостно засмеялся и откинулся на подушки.

– Несёт им что-то к чаю! Видно, уже пять. Я бы и сам от чая не отказался. Опасность миновала.

– Нет, это просто чудо, что малиновка как раз в ту минуту пролетела! – доверительно сказала потом Дикону Мэри. – Я знаю, это чудо!

Оба боялись, что Колин начнёт расспрашивать про старое дерево, ветка которого обломилась десять лет назад. Такая возможность была – Дикон озадаченно почесал в затылке.

– Сделаем вид, что оно ничем от других не отличается, – предложил он. – Мы же не можем ему сказать, что произошло на самом деле. Бедняжка! Если он заговорит о нём, надо... надо его отвлечь.

– Да-да, конечно, – согласилась Мэри. – Развеселить как-нибудь...

Только ей самой, когда она смотрела на старое дерево, было не очень-то весело. В эти минуты она думала о том, правда ли то, что рассказал ей Дикон. Он озабоченно взлохматил свои рыжие кудри, его голубые глаза вдруг как-то мягко засветились.

– Миссис Крейвен была такая красивая... и такая милая, – произнёс он с расстановкой. – Матушка говорит: «Может, она в Мисселтвейт прилетает, чтобы за мастером Колином присмотреть – как все матери, если их на тот свет забирают». Понимаешь, они просто не могут не возвращаться! Может, это она и была в саду, может, она и надоумила нас взяться за работу и привезти его в сад.

Сказать по правде, Мэри думала, что Дикон имеет в виду колдовство. Она верила в колдовство. В глубине души она полагала, что Дикон и сам немного колдун, добрый, конечно, потому и люди его любят, а звери и птицы знают, что он им друг. Может, потому и малиновка прилетела в тот самый миг, когда Колин задал опасный вопрос? Дикон над Колином весь день колдовал – и вон как Колин изменился! Трудно было поверить, что он когда-то вопил, и бился, и кусал подушку, как сумасшедший. Он уже не был таким мертвенно-бледным. Розовый отблеск, лёгший в саду на его

лицо, шею и руки, не вовсе исчез. Лицо его уже не казалось сделанным из воска или слоновой кости.

Они видели, как малиновка несколько раз пролетела в гнездо, держа в клюве корм, и это навело их на мысль о том, что неплохо бы и им подкрепиться. Колин решил, что пора выпить чаю.

– Пойди и скажи кому-нибудь из слуг, чтоб принесли нам корзину и оставили её у дорожки с рододендронами, – попросил он Мэри. – А потом вы с Диконом принесёте её сюда.

Это была хорошая мысль – осуществить её было нетрудно. Когда же на траве расстелили белую скатерть, а на ней появились поджаренный хлеб с маслом, булочки и горячий чай, все трое так и накинулись на еду. Две-три птицы, спешившие по своим семейным делам, задержались, чтобы узнать, что здесь происходит, и отведать крошки со стола. Орешек и Скорлупка схватил по кусочку булки и прыгнули на деревья, а ворон цапнул целую половинку и, отлетев в сторонку, стал клевать её, рассматривать и вертеть, хрипло выражая своё мнение, пока наконец не решил заглотнуть её всю разом.

День медленно катился к закату. Солнце уже не сияло так ярко, пчёлы разлетались по домам, а птицы мелькали всё реже. Мэри и Дикон сидели на траве, корзинка из-под еды была упакована. Колин лежал, откинувшись на подушки, – его густые волосы были убраны со лба, а лицо приобрело вполне естественный цвет.

– Не хочу, чтобы этот день кончался, – сказал он. – Но завтра я опять сюда приеду, и послезавтра, и послепослезавтра, и послепослепослезавтра тоже.

– Вот уж надышишься свежим воздухом вволю, правда? – подхватила Мэри.

– Ни на что другое я теперь не соглашусь, – отвечал Колин. – Я видел весну; теперь я должен увидеть лето. Я должен увидеть, как всё тут будет расти. Я сам здесь буду расти.

– Это уж точно, – подтвердил Дикон. – Ты у нас ещё будешь здесь скоро ходить... и копать, как все остальные... Вот увидишь!

Щёки у Колина вспыхнули.

– Я?! – вскричал он. – Ходить?! И копать?!

Дикон осторожно взглянул на него. Ни он, ни Мэри никогда не спрашивали, что у него с ногами.

– Конечно, будешь, – отвечал Дикон уверенно. – У тебя... у тебя ведь есть ноги, как у всех.

Мэри готова была уже испугаться, но Колин ответил:

– Да, ноги у меня не болят. Только они до того худые и слабые и так дрожат, что я просто боюсь на них вставать.

Мэри и Дикон с облегчением вздохнули.

– Перестанешь бояться – и встанешь, – бодро ответил Дикон. – А бояться ты скоро перестанешь!

– Да? – откликнулся Колин и смолк, словно погрузясь в глубокую думу.

Все трое молчали. Солнце спускалось всё ниже. Настал тот час, когда всё вокруг замирает, – долгий день, полный волнений, подходил к концу. Колин, судя по всему, с удовольствием отдыхал. Даже зверюшки притихли и, собравшись все вместе, устроились возле детей. Ворон уселся на нижнюю ветку сливы, подобрал одну ногу и сонно прикрыл глаза серой плёнкой. Мэри подумала: уж не захрапит ли он сейчас?

Вот почему все вздрогнули, когда Колин вдруг приподнял голову и в тревоге громко зашептал:

– Кто этот человек?

Дикон и Мэри с трудом поднялись.

– Где? – тихо спросили они.

Колин указал на высокую стену у них за спиной.

– Глядите! – взволнованно прошептал он. – Нет, вы только посмотрите!

Мэри и Дикон повернулись. Над стеной торчала голова Бена Везерстафа – он гневно взирал на них со своей стремянки. Увидев, что Мэри смотрит на него, он погрозил ей кулаком.

– Будь я женат, а ты моя дочка, – крикнул он, – я бы тебя выпорол!

И он поднялся ещё на одну перекладину стремянки, словно собираясь прыгнуть в сад и схватить Мэри. Однако, увидев, что она подошла к стене, он, похоже, передумал и так и остался стоять на верхней перекладине, грозя кулаком.

– Я тебя сразу заподозрил! – кричал он. – Глаза бы мои на тебя не смотрели! Ещё когда тебя впервой увидел. Тоща, как щепка, бледна, как снятое молоко, и всё расспрашивает-расспрашивает и всюду нос суёт. Сам не знаю, как это ты меня обошла! Если бы не малиновка... тьфу!..

– Бен Везерстаф! – крикнула Мэри, как только к ней вернулся голос. Она стояла как раз под ним и тяжело дышала от волнения. – Бен Везерстаф, это малиновка меня сюда привела!

Бен Везерстаф пришёл в такую ярость, что, казалось, так и прыгнет сейчас в сад.

– Врунья ты, вот что! – возопил он. – На малиновку свою вину сваливаешь! Хотя с неё станет – дерзкая птаха! Она тебя привела?! Как бы не так! – Он запнулся. Его мучило любопытство, и он не сумел сдержать себя. – Только как ты сюда всё же попала?

– Меня малиновка привела, – упрямо повторила Мэри. – Она, конечно, не знала, что мне дорогу показывает, только так оно и было! Но я не могу тебе всего отсюда рассказать, когда ты так кулаком размахиваешь!

В эту минуту Бен разжал кулак, а челюсть у него отвисла: он увидел, как за спиной у Мэри кто-то движется по траве.

Колин до того поразился, услышав вопли Бена Везерстафа, что поначалу просто сидел и слушал как зачарованный. Однако спустя немного он пришёл в себя и махнул Дикону рукой.

– Ну-ка подкати меня к стене! – приказал он. – Подкати поближе и останись прямо перед ним!

Вот почему Бен Везерстаф открыл от удивления рот: он увидел, как к нему, словно роскошная карета, катится кресло с подушками и пледами, а в нём лежит молодой раджа с высокомерным и не терпящим возражений взглядом и грозит ему исхудавшей белой рукой. Кресло остановилось под самым носом у Бена Везерстафа. Немудрено, что у него отвисла челюсть.

– Ты знаешь, кто я такой? – спросил раджа.

Бен Везерстаф уставился на него. Его старые красноватые глаза взирали на Колина с ужасом, словно он вдруг увидел призрак. Он глядел, не в силах отвести от него глаза, глядел и молчал, и только сглатывал комок, стоявший в горле.

– Ты знаешь, кто я? – ещё высокомернее повторил Колин. – Отвечай же!

Бен Везерстаф поднял свою заскорузлую руку и медленно провёл ею по глазам и по лбу – а потом ответил неожиданно дрогнувшим голосом.

– Кто ты? – повторил он. – Ещё бы не знать – глаза-то материнские, точно-точно! Бог знает, как ты здесь оказался. Но это ты и есть, бедный калека.

Колин совсем забыл про свою спину. Он всхлипнул, резко выпрямился и сел.

– Никакой я не калека! – закричал он с яростью. – Ещё чего!

– Он не калека! – задрал голову, подхватила с возмущением Мэри. – У него даже самой маленькой шишечки на спине нет! Я знаю... я смотрела... ничего у него нет!

Бен Везерстаф снова провёл рукой по лицу, он смотрел и смотрел, словно не веря своим глазам. Рука у него тряслась, рот подёргивался, а голос дрожал. Невежественный и бестактный старик, он помнил лишь то, что слышал от кого-то.

– У тебя что ж... спина не скрючена? – спросил он хрипло.

– Нет! – крикнул Колин.

– И... ноги не кривые? – снова спросил Бен дрожащим и вконец осипшим голосом.

Нет, это уж было слишком! Колин не закатил, как раньше, истерику: его нервная энергия устремилась в другое русло. Что ноги у него кривые, ещё никто никогда не говорил, даже шёпотом. И теперь слова старого Бена Везерстафа возмутили его до глубины души. Гнев и оскорблённая гордость заставили его забыть обо всём, придав ему неожиданную, почти сверхъестественную силу.

– Иди сюда! – крикнул он Дикону, срывая укрывавшие его пледы. – Иди сюда! Сию же минуту!

Миг – и Дикон подбежал к креслу. Мэри ахнула и побледнела.

– Он сможет! Сможет! У него получится! – быстро-быстро бормотала она.

Два-три яростных усилия – и пледы полетели на землю: Дикон поддерживал Колина, тот выпростал худые ноги, ступил на землю – и выпрямился. Он стоял прямой, как стрела, и очень высокий; голова его была откинута назад, глаза метали молнии.

– Посмотри на меня! – бросил он Бену Везерстафу. – Нет, ты только взгляни на меня! Ты! Смотри же!

– Он такой же прямой, как и я! – вскричал Дикон. – Как любой парень в Йоркшире!

И тут Бен Везерстаф совершенно сразил Мэри. Он поперхнулся, сглотнул, слёзы внезапно побежали по его обветренному лицу, и он всплеснул руками.

– До чего же люди лгут! – вырвалось из его груди. – Как лгут! Ты бледен, как привидение, и худ, как палка, но на тебе ни сучка ни задоринки нет. Ты ещё станешь мужчиной. Благослови тебя Господь!

Дикон крепко держал руку Колина, но тот и не думал шататься. Он ещё больше выпрямился и поглядел Бену Везерстафу в лицо.

– В отсутствие моего отца, – сказал он, – я здесь хозяин. Ты должен мне повиноваться. Это мой сад. Не смей никому о нём заикнуться! Спускайся со стремянки и иди к Длинной дорожке – мисс Мэри тебя встретит и приведёт сюда. Я хочу с тобой поговорить. Мы думали без тебя обойтись, но теперь придётся посвятить тебя в нашу тайну. Поторапливайся!

Сморщенное лицо Бена Везерстафа было всё ещё мокрым от слёз, вдруг хлынувших из его глаз. Казалось, он не может наглядеться на стройную фигурку Колина, стоявшего прямо, с откинутой головой.

– Ах, парень, – шептал он. – Голубчик ты мой! – Внезапно опомнившись, он притронулся к своей соломенной шляпе рукой и сказал: – Да, сэръ! Слушаю, сэръ! – И исчез за стеной.

ГЛАВА 22

Когда солнце зашло

Роза «Маркиза Солсбери» (Rosa)

Как только голова Бена Везерстафа скрылась за стеной, Колин повернулся к Мэри.

– Поди встретить его, – сказал он.

Мэри побежала по траве к дверке, скрытой плющом.

Дикон не отводил от Колина глаз. На щеках у Колина горел яркий румянец; он выглядел странно, но стоял твердо, не шатаясь.

– Я могу стоять, – произнёс он торжественно, всё так же высоко держа голову.

– Я тебе говорил, что ты сможешь, если перестанешь бояться, – отвечал Дикон. – Так оно и вышло!

– Да, я больше не боюсь, – подтвердил Колин.

Внезапно он вспомнил слова Мэри.

– Скажи, а ты колдуешь? – спросил он отрывисто.

Широкий рот Дикона раздвинулся ещё шире в весёлой ухмылке.

– Это ты сам колдуешь, – возразил он. – Это то самое колдовство, что заставляет вот их, – и он легонько тронул своим грубым башмаком семейство крокусов в траве, – лезть из земли.

Колин посмотрел на крокусы.

– Да, – медленно проговорил он, – это великое колдовство, с ним ничто не сравнится! – И он ещё больше выпрямился. – Я хочу пройти вон к тому дереву, – сказал он, указав на дерево в нескольких шагах. – Когда Везерстаф явится, я буду там стоять. А захочу, так сяду, но только когда захочу. Если захочу, могу к дереву прислониться. Принеси-ка мне с кресла плед.

И ещё больше выпрямился. Он сделал несколько шагов, отделявших его от дерева. Дикон его поддерживал, но Колин шагал твёрдо. Подойдя к дереву, он прислонился к нему, но это было не очень заметно: держался он всё так же прямо – и казался очень высоким.

Когда Бен Везерстаф вошёл в сад, он увидел, что Колин стоит под деревом, а Мэри что-то тихонько бормочет.

– Что ты там говоришь? – спросил он невольно; он не мог отвести глаз от высокого стройного мальчика, гордо стоящего перед ним.

Мэри не отвечала и продолжала бормотать:

– Ты можешь! Можешь! Я же говорила, что ты сможешь! Ты можешь! Можешь!

Это было её колдовство – ей так хотелось, чтобы Колин остался стоять! Ей больно было думать о том, что он может проявить слабость при Бене Везерстафе. И Колин не сдался. Как ни был он худ, выглядел он просто красавцем – и Мэри радостно вздохнула.

Колин с комичной властью смотрел на Везерстафа.

– Погляди на меня! – приказал он. – Всего меня осмотри! Разве я горбун? Разве ноги у меня кривые?

Нет, это было просто забавно! Но Бен Везерстаф ещё не пришёл в себя; впрочем, он постарался взять себя в руки. Голос его звучал почти совсем как обычно, когда он ответил:

– Ну нет! Ничего подобного! Только что это ты над собой выделял? Прятался от глаз людских, чтобы все думали, будто ты калека и полоумный?

– Полоумный?! – гневно вскричал Колин. – Кто это так думал?

– А-а, всякие дураки, – отвечал Бен. – На свете полным-полно болванов, которые болтают всякую чушь! Но ты-то зачем прятался?

– Все думали, что я умру, – отвечал Колин кратко. – А я буду жить!

Он произнёс это так решительно, что Бен Везерстаф только смерил его медленно взглядом.

– Ты-то умрёшь? – проговорил он со сдержанной силой. – Ну нет! Ты слишком упрям для этого. Когда я увидел, как ты скинул ноги на землю, я понял, что с тобой всё в порядке. Присядь-ка на коврик, молодой хозяин, и скажи, какие у тебя будут ко мне распоряжения.

В его голосе странно мешались угрюмая нежность и понимание. По пути от Длинной дорожки до заветной двери Мэри наскоро ввела его в курс дела. «Запомни, – говорила она Бену, – главное, что Колин выздоравливает, выздоравливает! Это всё сад! Нельзя, чтобы он думал о горбе и смерти!»

Раджа позволил усадить себя на коврик под деревом.

– Чем ты в садах занимаешься, Везерстаф? – спросил он.

– Всем, чем велют, – отвечал старый Бен. – Меня из милости оставили – потому что она меня любила.

– Она? – переспросил Колин.

– Твоя мать, – пояснил Бен Везерстаф.

– Моя мать? – повторил Колин и медленно обвёл сад взглядом. – Так это был её сад, да?

– Да, её сад! – Бен Везерстаф также медленно осмотрелся. – А уж как она его любила!

– Теперь это мой сад. Я его люблю! И буду приходить сюда каждый день, – объявил Колин. – Только это надо держать в тайне. А потому я тебе приказываю: никто не должен знать о том, что мы сюда приходим. Дикон и моя кузина здесь потрудились и сад возродили. Я буду иногда посылать за тобой, чтобы ты им помог. Только ты должен приходить, когда никто тебя не увидит.

Бен Везерстаф усмехнулся.

– Я уж сюда приходил, когда никто меня не видел.

– Как?! – вскричал Колин. – Когда?

Бен почесал подбородок и огляделся.

– В последний раз – года два назад...

– Но здесь десять лет никого не было! – воскликнул Колин. – Дверка-то от всех была скрыта.

– Только не от меня, – сухо возразил Бен. – И дверка мне ни к чему. Я через стену перелезал. Только вот эти два года ревматизм меня замучил.

– Так это ты тут розы подрезал? – догадался Дикон. – А я-то никак не мог понять, почему это розы подрезаны.

– Она так его любила, так любила! – медленно проговорил Бен Везерстаф. – И сама была такая красивая и молодая! Как-то она возьми да скажи мне: «Бен, говорит, если я заболею или меня не станет, ты должен приглядеть за моими розами!» А когда её и вправду не стало, нам велели и близко к этому саду не подходить. Но я прихожу. – И он упрямо повторил: – Я прихожу. Лезу себе через стену и раз в год кое-что делаю. Только вот ревматизм мне помешал. Она мне раньше приказывала.

– Если бы не ты, сад бы не сохранился, – сказал Дикон. – А я-то никак не мог понять...

– Я рад, что ты так поступил, Везерстаф, – произнёс Колин. – Значит, ты умеешь хранить тайну и нас не выдашь.

– Не выдам, сэр, – отвечал Бен. – Да и через дверку ходить мне будет легче.

На траве под деревом лежал брошенный Мэри совок. Колин протянул руку и взял его. Странное выражение появилось на его лице – он стал царапать им землю. Они молча следили за ним; Мэри смотрела затаив дыхание. Руки у Колина были слабые, но вот он вонзил совок в землю и копнул.

«Ты можешь! Можешь! – про себя твердила Мэри. – Я тебе говорю: ты можешь!»

Круглые глаза Дикона следили за Колином с жадным любопытством, но он не произнёс ни слова. Бен Везерстаф тоже с интересом наблюдал за Колином.

Колин не сдавался. Копнув несколько раз, он радостно сказал Дикону, стараясь выговаривать слова по-йоркширски:

– Ты говорил, что я ещё буду здесь ходить, как все, и землю копать. Я думал: ты просто выдумываешь, чтобы меня утешить. Сегодня – мой первый день, а я уже и ходил и копаю!

Бен Везерстаф снова открыл рот от удивления, а потом тихонько хмыкнул.

– Э-э! – произнёс он. – Похоже, что ты не дурак. Настоящий йоркширец, это уж точно! И копаешь неплохо. Хочешь что-нибудь посадить? Я могу принести тебе розу в горшке.

– Принеси! – распорядился Колин взволнованно и продолжал копать. – Да поторопись! Поторопись!

Всё произошло очень быстро. Забыв про ревматизм, Бен Везерстаф быстро зашагал прочь, а Дикон взялся за лопату, чтобы углубить и расширить ямку, которую начал неумело копать Колин. Мэри выскользнула из сада и принесла лейку с водой. Когда Дикон расширил ямку, Колин принялся рыхлить землю. Он взглянул на небо – от непривычного, хотя и не обременительного труда лицо у него покраснелось и блестело.

– Я хочу всё кончить, пока солнце не село, – сказал он.

Мэри показалось, что солнце специально задержалось на несколько минут над горизонтом. Бен Везерстаф принёс из теплицы розу в горшке. Прихрамывая, он спешил по траве; его также охватило волнение. Он опустился на колени возле вырытой ямки и разбил горшок, чтобы вынуть растение с корнем.

– Держи, парень, – сказал он, подавая розу Колину. – Посади её в землю сам, как король, когда он приезжает на новое место.

Румянец на щеках у Колина зардел ещё ярче, а худые белые руки задрожали. Он опустил розу в землю и подождал, пока Бен засыплет ямку землёй. Ямку заполнили, землю утрамбовали. Мэри склонилась над ней, стоя на коленях. Ворон слетел с дерева и расхаживал по земле, следя за тем, что здесь происходит. Орешек и Скорлупка на вишне обсуждали происходящее.

– Ну вот и всё! – сказал наконец Колин. – Солнце только-только уходит за горизонт. Помогите мне подняться, Дикон. Я хочу проводить его стоя. Это часть колдовства!

Дикон подал ему руку. Колдовство – или это было что-то иное? – настолько вдохновило Колина, что, когда солнце скрылось за горизонтом и этот удивительный день кончился, он твёрдо стоял на ногах – и смеялся!

ГЛАВА 23

Магия

Ревень (*Rheum rhubarbarum*)

Дома их поджидал доктор Крейвен. Он уже подумывал, не послать ли кого на поиски. Когда Колин вернулся в свою комнату, доктор Крейвен окинул его озабоченным взглядом.

– Ты слишком задержался, – сказал он. – Тебе нельзя переутомляться.

– Я совсем не устал, – возразил Колин. – Мне эта прогулка пошла на пользу. Я завтра утром опять пойду – и днём тоже.

– Не знаю, могу ли я тебе это позволить, – заявил доктор Крейвен. – Это было бы неразумно.

– Было бы неразумно мне препятствовать, – серьёзно отвечал Колин. – Я всё равно пойду!

Даже Мэри давно уже стало ясно, что Колин совершенно не понимает, до чего он груб с людьми. Он словно жил на необитаемом острове и, будучи его полновластным хозяином, вёл себя как хотел, ибо равняться ему было не на кого. Мэри и сама была когда-то такой же, но, приехав в Мисселтвейт, постепенно уразумела, что её поведение странно и никому не

нравится. Сделав это открытие, она поделилась им с Колином. Когда доктор Крейвен ушёл, она какое-то время молчала и только с любопытством поглядывала на Колина. Ей хотелось, чтобы он спросил, в чём дело, – что он, конечно, и сделал.

– Что это ты так смотришь? – спросил он.

– Я думаю: жалко мне доктора Крейвена!

– И мне тоже, – не без удовольствия согласился Колин. – Не видать ему Мисселтвейта как своих ушей: я умирать не собираюсь!

– Да, и поэтому тоже, – согласилась Мэри, – но я-то думала о другом. Как, должно быть, ужасно, когда столько лет приходится вежливо разговаривать с мальчиком, который вечно грубит! Я бы этого не смогла.

– Разве я грублю? – спокойно поинтересовался Колин.

– Будь ты его сыном и будь он другим, он бы тебя ударил!

– Не посмеет, – заявил Колин.

– Да, не посмеет, – согласилась, подумав, Мэри. – Здесь никто никогда не смел сделать ничего, что бы тебе не понравилось, – ведь ты должен был умереть, бедняжка!

– Но теперь я больше не бедняжка, – упрямо возразил Колин. – Я больше не позволю так о себе думать. Я же сегодня встал на ноги.

– Просто тебе все всегда уступали – вот ты и стал таким странным, – продолжала свою мысль Мэри.

Колин нахмурился и отвернулся.

– Разве я странный? – спросил он.

– Да, очень, – бесстрастно отвечала Мэри. – Ты только не обижайся – я тоже странная, и Бен Везерстаф тоже. Правда, я теперь не такая странная, как раньше. Теперь я к людям стала лучше относиться – и у меня есть сад!

– Я не хочу быть странным, – заявил Колин решительно. – И не буду! – И снова нахмурился.

Он был гордый мальчик. Какое-то время он лежал, задумавшись, а потом улыбка заиграла у него на губах. Лицо его осветилось.

– Я не буду странным, если каждый день буду ходить в сад. Там есть что-то волшебное – и доброе. Знаешь, Мэри, я просто уверен, что это так!

– И я тоже, – отвечала Мэри.

– Даже если и нет, – продолжал Колин, – можно притвориться, что это так. Но что-то там есть, что-то есть!

– Это Магия, – сказала Мэри, – только не чёрная, а белая. Белая, как снег!

Между собой они беспрестанно говорили о магии и волшебстве – возможно, и правда было что-то волшебное в наступивших днях, дивных, сияющих, поразительных днях. А что творилось в саду! Если у вас никогда не было сада, вам всё равно этого не понять, а если был, тогда вы знаете: понадобилась бы целая книга, чтобы описать всё, что там происходило. Поначалу казалось, что из земли так и будут один за другим лезть зелёные ростки – они пробивались на лужайке, на клумбах, даже в трещинах стен. Потом на них появились бутоны, постепенно они распустились и засверкали всеми оттенками голубого, алого и лилового. Когда-то сад весь был засажен цветами. Бен Везерстаф своими глазами видел, как это делалось в те счастливые дни, и, бывало, сам выскребал известь меж кирпичами стен и сыпал туда землю для выюнков. Стройные ряды ирисов и белых лилий подымались из травы, а в зелёных нишах стояли остроконечные, как колья, белые и голубые дельфиниумы, водосборы, колокольчики.

– А как она их, бывало, любила, – сказал Бен Везерстаф. – Мне, говорит, по душе всё, что к синему небу тянется. Не то чтобы она землю не жаловала, только синее небо ей больше всего было в радость.

Посеянные Диконом и Мэри цветы поднялись, словно над ними колдовали феи. Море шелковистых маков всех цветов колыхалось на ветру – это были весёлые и отважные цветы, не один год прожили они в саду и, по правде говоря, только диву давались, откуда здесь вся эта публика. А розы, розы! Они вставали из травы, обвивали солнечные часы, заплетали стволы деревьев, свисали с ветвей, льнули к стенам и, поднявшись наверх, низвергались гирляндами вниз. День ото дня, час от часу их становилось всё больше. Нежные свежие листочки... и бутоны... Сначала крошечные, они росли и набухали словно по волшебству и, раскрывшись, превращались в благоухающие цветы, льющие по всему саду дивный аромат.

Колин внимательно следил за всеми переменами в саду. Каждое утро его привозили в сад, и, если не было дождя, он оставался там весь день. Даже пасмурные дни его радовали. Лёжа на траве, он следил за тем, как растёт всё кругом. Если набраться терпения, утверждал он, то можно заметить, как разворачиваются бутоны. Ещё можно увидеть разных насекомых, спешащих по своим непонятным, но, должно быть, очень важным делам: то они несли соломинку, пёрышко или крошку чего-то съестного,

а то карабкались по травинкам, словно по деревьям, с вершины которых можно обозревать окрестности. Как-то раз целое утро Колин следил за тем, как вспучивался дёрн: это крот рыл свой подземный ход, а под конец набросал горку земли и высунул наружу лапки с длинными когтями, похожие на ручки малюток-гномов. Привычки и повадки муравьёв, жуков, пчёл, лягушек, птиц и растений – перед Колином открылся целый новый мир. Дикон всё ему показывал, да добавок ещё и рассказал про выдр и лисиц, хорьков и белок, водяных крыс и барсуков. Словом, было о чём поразмыслить и потолковать!

Впрочем, это было не самое главное. После того как Колину удалось единожды встать на ноги, он стал часто об этом задумываться; когда же Мэри рассказала ему про своё колдовство, он пришёл в волнение и очень одобрил её. Теперь он то и дело возвращался к этой теме.

– Конечно, на свете много всякого колдовства, – многозначительно заявил он однажды. – Только люди не знают, что это такое и как надо колдовать. Я думаю, сначала надо выбрать что-то хорошее и просто повторять: «Сейчас это случится!» И тогда так и будет. Попробую!

На следующее утро, едва войдя в сад, Колин послал за Беном Везерстафом. Бен поспешил, как мог, и увидел, что юный раджа стоит на собственных ногах под деревом, а на губах его играет ясная улыбка.

– Доброе утро, Бен Везерстаф, – приветствовал он старика. – Я хочу, чтобы ты с Диконном и мисс Мэри стали рядом и послушали меня, потому что я должен сообщить вам нечто очень важное.

– Есть, капитан! – отвечал Бен Везерстаф, беря под козырёк.

Оказывается, в юности Бен Везерстаф убежал из дома, стал матросом, плавал по разным морям и умел отвечать, как матрос. Когда дети об этом узнали, они пришли в восторг.

– Я хочу поставить опыт, – объяснил раджа. – Когда я вырасту, я совершу великие научные открытия, но сейчас я начну с этого опыта.

– Есть, капитан! – отозвался Бен Везерстаф, хотя он впервые услышал о том, что существуют великие научные открытия.

Мэри тоже впервые услышала о них; впрочем, она понимала, что Колин при всех его странностях очень начитан и умеет убеждать. Стоило ему поднять голову и поглядеть на тебя своими странными глазами, как ты ему веришь, хочешь того или нет. А ведь ему было всего десять лет! Сейчас его слова прозвучали особенно убедительно, потому что он говорил с упоением – ему очень нравилось произносить настоящую речь, как принято у взрослых.

– Я посвящу свои великие научные открытия Магии. Магия – это великая вещь, но о ней мало кто знает, только некоторые авторы старых книг, да ещё немножко – Мэри, потому что она родилась в Индии, где живут факеры. По-моему, Дикону о Магии тоже кое-что известно, только, пожалуй, он об этом и сам не догадывается. Он и людей, и животных умеет заклинать. Я бы ему ни за что не разрешил прийти ко мне, если бы он не умел заклинать всех зверят, а значит, и мальчиков, потому что мальчики тоже зверята. Я уверен, что во всём есть Магия, только мы не знаем, как ею овладеть и заставить на нас работать, как электричество, пар или лошадей.

Это звучало так внушительно, что Бен Везерстаф заволновался и переступил с ноги на ногу.

– Есть, капитан! – отчеканил он и стал по стойке «смирно».

– Когда Мэри нашла этот сад, он казался совсем мёртвым, – продолжал оратор. – Но потом почему-то цветы полезли из земли и из ничего возникло что-то. Сначала ничего не было – а потом вдруг появилось! Я раньше

за природой не наблюдал, и это меня очень заинтересовало. Учёные всегда хотят до всего додуматься, а я собираюсь стать учёным. Я себя спрашиваю: «Что это такое? Что?» Тут что-то есть! Не может быть, чтобы не было! Я не знаю, что это такое, и я называю это Магией! Я никогда не видел, как солнце встаёт, но Мэри и Дикон видели, и, судя по тому, что они говорят, это тоже Магия. Что-то будто тянет его и тянет, заставляя то садиться, то вставать. Когда я в саду, я иногда смотрю сквозь ветки на небо, и так мне бывает на душе хорошо, словно в меня что-то входит и заставляет сердце биться чаще! Это Магия, она всегда создаёт что-то из ничего. Всё вокруг живёт благодаря ей: и деревья, и цветы, и листья, и птицы, и барсуки, и лисы, и белки, и люди. Видно, она разлита кругом. В этом саду... Всюду... Это благодаря ей я встал здесь на ноги и понял, что буду жить. Я хочу поставить опыт: попробую впитать частицу этой Магии – пусть она меня поддержит и вдохновит, пусть сделает меня сильным и здоровым. Я не знаю, как этого добиться, но думаю, что, если думать об этом и вызывать к ней, она не заставит себя ждать. Может, с этого надо начать. Когда я в тот день попытался стать на ноги, Мэри про себя быстро-быстро повторяла: «Ты сможешь! Сможешь!» И я и вправду смог! Конечно, нужно было, чтобы я сам постарался, но она своей Магией мне помогла. И Дикон помог. Я буду каждое утро и каждый вечер, а когда вспомню, и днём повторять: «Магия во мне! Магия меня лечит! Я буду сильным, как Дикон, сильным, как Дикон!» И вы тоже повторяйте! Это будет мой опыт. Ты мне поможешь, Бен Везерстаф?

– Конечно, капитан! – отвечал Бен Везерстаф.

– Если вы будете это повторять так же исправно, как солдаты повторяют свои упражнения во время учений, тогда мы увидим, удался ли мой опыт. Ведь если что-то всё время повторять, и вслух, и мысленно, оно останется в тебе навсегда. То же будет и с Магией, уверен! Если её звать на помощь, она войдёт в тебя и сделает всё, что надо!

– Я однажды в Индии слышала, как какой-то офицер рассказывал моей маме про факиров, которые повторяют одно слово тысячи раз, – вспомнила Мэри.

– Я слышал, как жена Джема Феттлворта повторяла два слова тысячи раз, – усмехнулся Бен Везерстаф. – «Пьяный болван!» – говорила она. Можете не сомневаться, из этого кое-что вышло! Он её поколотил, ушёл в трактир – тут недалеко, «Синий лев» называется, – и напился.

Колин нахмурил брови и задумался, но потом просветлел.

– Вот видишь, – сказал он, – всё-таки что-то и вправду вышло. Только она, возможно, призвала не ту Магию, вот он её и побил. Если бы она всё сделала как надо и сказала бы ему при этом что-нибудь ласковое, он бы не напился, а может... может, купил бы ей новый чепец.

В проницательных глазах Бена Везерстафа мелькнуло восхищение.

– У тебя не только ноги прямые, но и голова неплохо работает, мастер Колин, – хмыкнул он. – Как увижу Бесс Феттлворт, намекну ей, что для неё Магия может сделать. А уж как она обрадуется, если твой научный опыт удастся! Да и Джем тоже!

Дикон слушал с горящими глазами. На плечах у него сидели Орешек и Скорлупка, а в руках он держал белого кролика с длинными ушами и тихонько поглаживал его – кролик от удовольствия только уши прижимал.

– Ты думаешь, мой опыт удастся? – спросил его Колин.

Ему так хотелось знать, что думает Дикон. Колину часто хотелось спросить, что думает Дикон, когда тот смотрел со своей улыбкой на него или на кого-то из зверюшек.

Дикон широко улыбнулся.

– Ещё бы! – отвечал он. – Когда солнышко землю нагревает, семена всходят – это уж обязательно. Так и твой опыт. Он обязательно получится. Хочешь, начнём сейчас же?

Колин обрадовался – и Мэри тоже. Вспомнив о факирах и бродячих монахах, которых он видел на картинках, Колин предложил всем сесть под развесистое дерево.

– Это будет как в храме, – сказал Колин. – Я немного устал и с удовольствием присяду.

– Э-э, нет, так не пойдёт! – протянул Дикон. – Никогда не говори, что устал. Это может помешать Магии.

Колин обернулся и внимательно посмотрел в его круглые серьёзные глаза.

– Ты прав, – медленно проговорил он. – Я должен думать только о Магии.

Они уселись в круг. Всё было так торжественно, что Бену Везерстафу показалось, будто его каким-то хитрым способом заманили на молитвенное собрание. Обычно он ни на какие молитвенные собрания не ходил. «Вот ещё!» – отвечал он на все приглашения. Однако сейчас он не стал возражать – ведь это делалось для юного раджи. К тому же ему льстило, что Колин попросил его помощи. Мэри слушала затаив дыхание. Дикон не выпускал из рук кролика. Возможно, он незаметно подал магический знак своим «зверюшкам» – стоило ему опуститься на траву, как ворон, лисёнок, белки и ягнёнок приблизились и стали в круг вместе с детьми.

– И зверюшки с нами, – проговорил Колин серьёзно. – Они хотят нам помочь.

«Какой Колин сейчас красивый!» – подумала Мэри. Он держал голову высоко, словно жрец, глаза его сияли. Яркое пятно солнечного света падало на него сквозь ветки.

– Начнём, – сказал он. – Как ты думаешь, Мэри, может, нам надо раскачиваться взад и вперёд, как дервиши*?

– Я раскачиваться не могу, – заявил Бен Везерстаф. – У меня ревматизм.

– Магия тебя вылечит, – произнёс Колин тоном Верховного жреца. – Всему своё время. Ладно, тогда будем напевать.

– Напевать я тоже не могу, – утрировано возразил Бен Везерстаф. – Я раз в церкви пробовал петь, но меня тут же из хора выгнали.

Никто не улыбнулся. Сейчас было не до смеха. Ни тени не мелькнуло в глазах Колина. Он думал только о Магии.

* Дервиш – нищенствующий мусульманский монах.

– Тогда петь буду я, – решил он, и на лицо его лёг ответ вдохновения. И затянул: – Солнце сияет... сияет... Это Магия. Цветы тянутся ввысь... Корни их напрягают. Это Магия. Быть живым – это Магия, быть здоровым – это Магия. Магия во мне... Магия во мне... Она во мне... она во мне... Она во всех нас... Она у Бена Везерстафа в спине. Магия! Магия! Приди и помоги нам!

Он повторил эти слова множество раз – не тысячу, но достаточно много. Мэри слушала его как зачарованная. Всё было так странно и в то же время прекрасно; ей хотелось, чтобы он не смолкал. Бен Везерстаф чувствовал, как его начинает клонить в сон – это было так приятно! Жужжание пчёл в цветах сливалось с протяжным голосом Колина и убаюкивало. Дикон сидел, скрестив ноги и положив руку на спину ягнёнка; кролик спал у него на руках. Ворон столкнул белочку с плеча Дикона и сам устроился на её месте; глаза его прикрыла плёнка. Наконец Колин смолк.

– А теперь я пройду по саду, – сказал он.

Бен Везерстаф уронил голову на грудь, вздрогнул и проснулся.

– Ты спал! – воскликнул Колин.

– Ничего подобного, – пробормотал Бен. – Хорошая была проповедь, только на сбор пожертвований я не останусь.

Он ещё не совсем проснулся.

– Ты не в церкви, – сказал Колин.

– Конечно нет, – произнёс Бен, выпрямившись. – Кто говорит, что я спал? Я каждое слова слышал. Ты объяснил, что у меня в спине Магия. А доктор зовёт её ревматизмом!

Раджа повёл рукой.

– Это не та Магия, – заметил он. – Скоро тебе полегчает. А теперь я решаю тебе вернуться к работе. Только приходи завтра!

– Я бы хотел посмотреть, как ты ходишь по саду, – ворчливо сказал Бен.

В голосе его звучало не раздражение, а скорее упорство. Бен не очень-то верил в Магию и, будучи человеком упрямым, решил про себя, что, если его отошлют, он влезет на стремянку и будет следить поверх стены, чтобы в случае чего броситься на помощь. Однако раджа не возражал. Все приготовились. Образовалась целая процессия. Впереди Колин, Мэри с одной стороны, Дикон с другой. Бен Везерстаф за ними, а замыкали шествие зверюшки. Маленький лис и ягнёнок не отставали от Дикона, а белый кролик скакал за ними, время от времени останавливаясь пощипать травку,

а ворон замыкал шествие, важно поглядывая по сторонам, словно чувствовал себя ответственным за происходящее.

Медленно, торжественно шествие продвигалось вперёд. Пройдя несколько шагов, останавливались отдохнуть. Колин опирался на руку Дикона, а Бен Везерстаф был готов подхватить Колина сзади. Время от времени Колин отнимал руку и делал несколько шагов самостоятельно. Голову он держал высоко и вид имел величественный.

– Магия во мне! – повторял Колин. – Магия меня укрепляет! Я чувствую её! Я её чувствую!

Как бы то ни было, но что-то его несомненно воодушевляло и поддерживало. По пути он присаживался на скамьи в нишах, а раз или два опустился на траву; а то просто останавливался, опираясь на Дикона. Но он не сдавался, пока не обошёл весь сад. Наконец он вернулся под дерево. Щёки у него разругались, а глаза сияли торжеством.

– Получилось! Магия сработала! – воскликнул он. – Это моё первое научное открытие!

– А что скажет доктор Крейвен? – хмыкнула Мэри.

– Ничего не скажет, – отвечал Колин, – потому что ничего не узнает. Мы будем всё держать в тайне. Никто ничего не должен знать, пока я не

окрепну и не научусь ходить и бегать, как все. Каждый день вы будете меня сюда привозить, а потом увозить. Я не хочу, чтобы пошли пересуды, не хочу, чтобы мой отец об этом прослышал, пока мой опыт не удастся полностью. А потом он вернётся в Мисселтвейт, как-нибудь я войду к нему в кабинет и скажу: «Погляди на меня! Я такой же, как все мальчики, и не собираюсь умирать! Я этого достиг с помощью научного эксперимента».

– Он подумает, что ему это снится! – вскричала Мэри. – Он собственным глазам не поверит!

Колин вспыхнул от радости. Он убедил себя, что обязательно поправится, а ведь это уже половина успеха, хотя он этого и не знал. Его вдохновляла мысль о том, как удивится отец, увидев, что сын крепок и строен, как все. В прежние тяжёлые времена Колина особенно угнетало сознание, что он хилый и слабый, даже родной отец боится на него смотреть.

– Не поверит? – подхватил он. – Придётся поверить! А знаешь, что я сделаю, когда выздоровлею? Прежде чем заняться экспериментами, я займусь спортом.

– Недельки через две ты уже будешь драться, – сказал Бен Везерстаф. – Ты у нас ещё станешь чемпионом Англии по боксу!

Колин строго посмотрел на него.

– Везерстаф, ты слишком много себе позволяешь. Мы тебя в нашу тайну посвятили, но ты не забывайся! Магия, конечно, могущественна, но боксёром я не стану. Я буду Учёным Экспериментатором, – отчеканил он.

– Виноват, сэр, – проговорил Бен, прикладывая руку ко лбу. – Должен был понимать, что это дело нешуточное.

Глаза у него поблескивали – в глубине души он торжествовал. Он не обижался на то, что его отчитали, – значит, паренёк крепнет и телом и духом.

ГЛАВА 24

«Пусть себе смеются...»

Горох (*Pisum sativum*)

Дикон трудился не только в тайном саду. При домике на вересковой пустоши был участок, обнесённый низкой оградой из неотёсанных камней. В те дни, когда Дикон не ходил в усадьбу, а также рано утром и в долгие летние сумерки он работал на участке – сажал картошку, капусту, репу, морковь и всякую зелень и ухаживал за ними. Здесь в окружении своих зверюшек он без усталости творил чудеса. Он копал, полон, навистывая или напевая отрывки йоркширских песенок, болтал с Угольком или Капитаном и, конечно, с братьями и сестрёнками, которые ему помогали.

– Этот огород для нашей семьи большое подспорье, – говаривала миссис Сауэрби. – У Дикона всё так хорошо растёт! У него и картошка и капуста раза в два крупнее, чем у всех. А до чего вкусные! Разве с кем сравнишь!

Как только у миссис Сауэрби выдавалась свободная минутка, она выходила из дому потолковать с Диконом. После ужина у неё наступало затишье: летние сумерки были светлыми, и Дикон ещё работал. Она присаживалась

на низкую каменную ограду, смотрела, как он трудится, и слушала его рассказы. Она любила эти часы. У Дикона росли не только овощи. Весной он купил пакетики семян и посеял яркие пахучие цветы меж кустами крыжовника и даже в капустных рядах. Окаймляли участок резеда, гвоздика, анютины глазки и другие цветы. Семена он собирал, а клубни по весне цвели снова и с каждым годом крепили и разрастались. Новая каменная ограда была очень красива – в щели меж камнями Дикон посадил наперстянку, папоротники и другие дикие цветы, которые закрывали её чуть ли не целиком. Во всём Йоркшире не было другой такой ограды!

– Чтобы цветы росли хорошо, – объяснял он матери, – надо просто с ними дружить. Они совсем как зверюшки! Хотят пить – напои, а голодны – покорми. Ведь они жить хотят, совсем как мы! Если б они погибли, я бы знал, что это я виноват: значит, плохо с ними обращался.

Во время этих вечерних бесед Дикон и рассказывал матери обо всём, что происходило в Мисселтвейте. Сначала миссис Сауэрби узнала только, что «мастер Колин» стал совершать с «мисс Мэри» прогулки по парку и что это пошло ему на пользу. Однако вскоре Мэри и Колин решили, что миссис Сауэрби можно довериться. Они не сомневались, что она не проболтается.

Как-то чудесным тихим вечером Дикон поведал матери всю историю со всеми волнующими подробностями: он рассказал и про зарытый в землю ключ, и про малиновку, и про сухие, мёртвые ветки, и про тайну, которую «мисс Мэри» никому не собиралась открывать. Слушая рассказ о том, как Дикон узнал о тайном саде, как «мастера Колина» одолевали сомнения и как он вступил во владение этим садом, как гневался Бен Везерстаф, возникнув над стеной, и как «мастер Колин» принял внезапное решение, миссис Сауэрби то и дело менялась в лице от волнения.

– Вот и смотри ж ты! – вскричала она. – Значит, хорошо, что эта девушка в усадьбу приехала. Она и сама лучше стала, и его спасла. На ноги встал! А мы-то всё думали: бедный калека, да ещё и полоумный в придачу!

Она засыпала Дикона вопросами, но её голубые глаза глядели задумчиво.

– А что же об этом в Мисселтвейте говорят? – спросила она. – Ну о том, что он поправился, весел и ни на что не жалуется?

– Никто ничего не понимает, – отвечал Дикон. – Мастеру Колину день ото дня всё лучше. И лицо уж не такое худое и бледное, и щёки округлились. Только он всё жалуется.

Омела белая
(*Viscum album*)

Дикон весело ухмыльнулся.

– Почему же? – спросила миссис Сауэрби.

Дикон хмыкнул:

– Не хочет, чтобы догадались. Если доктор узнает, что он встал на ноги, он ведь может и мистеру Крейвену отписать. А мастер Колин хочет сам ему обо всём рассказать. Он хочет каждый день упражняться, а когда мистер Крейвен придет, взять да и войти к нему в комнату! Пусть видит, что он такой же, как все! Вот они с мисс Мэри и решили, что лучше немного поскулять да пожаловаться, чтобы никто не догадался, что на самом деле происходит.

Миссис Сауэрби тихо рассмеялась.

– Вот что я тебе скажу, – воскликнула она, – эта парочка, ей-ей, веселится вовсю. Разыгрывает целый спектакль, а ведь детей хлебом не корми, только дай спектакль разыграть! Ну же, Дикон, голубчик, рассказывай, что они ещё там вытворяют!

Дикон бросил полотно, выпрямился и принялся рассказывать. Глаза его весело блестели.

– Мастера Колина каждый день сносят на руках вниз и сажают в кресло-каталку. Он ещё Джона, лакея, ругает, что тот его несёт неосторожно. Притворяется, что ни рукой, ни ногой шевельнуть не может, и глаз не подымает, пока мы от дома не отъедем. А когда его в кресло сажают, стонет и жалуется. Им с мисс Мэри всё это до того нравится! Он стонет, а она приговаривает: «Бедный Колин! Тебе очень больно? До чего же ты ослабел, бедняжка!» Только вот беда: иногда им так и хочется прыснуть от смеха! Как в сад войдём и дверку за собой закроем, так они ну хохотать, ну хохотать, прямо задыхаются от смеха. А по дороге он лицо в подушки на кресле прячет, чтоб, не дай Бог, никто из садовников не услышал.

– Что ж, пусть себе смеются, – отвечала весело миссис Сауэрби, – им от этого только польза будет. Куда как лучше от души посмеяться, чем порошки глотать! Глядишь, ещё и пополнеют!

– Да они уж и то! Вечно они голодны, только и думают, чего бы ещё поест, да так, чтобы никто не заметил. Мастер Колин говорит: если всё время добавки просить, никто не поверит, что он так уж серьёзно болен.

Мисс Мэри ему свою долю уступает, но он не соглашается: говорит, тогда она похудеет, а им надо вместе толстеть.

Услышав об этой трудности, миссис Сауэрби так расхохоталась, что едва не свалилась с изгороди, а вместе с нею расхохотался и Дикон.

– Вот что я тебе скажу, сынок, – проговорила, наконец успокоившись, миссис Сауэрби. – Я знаю, как им пособить. Бери-ка ты утром для них ведёрко парного молока, а я испеку деревенского хлеба с хрустящей корочкой, а не то булочек с изюмом, знаешь, ваших любимых. Парное молоко с хлебом – лучше ничего не придумаешь! Вот они червячка и заморят в саду, а дома барской едой, глядишь, и насытятся.

– Ах, матушка, – воскликнул с восхищением Дикон, – ты просто чудо! Всегда-то ты что-нибудь придумаешь! Вчера они уж и не знали, как быть: попросить добавки не решались, а наесться никак не могли.

– Они теперь растут, да так быстро, и здоровье к ним, что ни час, возвращается. В таких случаях дети всегда голодные как волчата, всякая еда у них прямо в кости и в кровь идёт, – сказала миссис Сауэрби и улыбнулась широкой, как у Дикона, улыбкой. – Зато как они веселятся!

И она не ошиблась, эта удивительная и милая женщина, которая была настоящей матерью. Колин и Мэри от души веселились, разыгрывая свой «спектакль». Он их занимал и смешил до крайности. Однако навели их на этот замысел слова сиделки, а потом и доктора Крейвена. Они поняли, что следует вести себя осторожнее.

– Вы стали лучше есть, мастер Колин, – с удивлением заметила как-то сиделка. – Раньше вы ничего не ели, у вас от всего желудок болел.

– Теперь он у меня никогда не болит, – ответил Колин.

Заметив, однако, что сиделка с любопытством смотрит на него, вспомнил, что ему, пожалуй, рано ещё выздоравливать.

– Вернее, болит, но редко. Это всё свежий воздух...

– Возможно, – отозвалась сиделка, глядя на него всё с тем же странным выражением. – Надо посоветоваться с доктором Крейвеном.

– Как она на тебя уставилась! – воскликнула Мэри, как только они остались одни. – Верно, подозревает, что тут что-то не так!

– Ничего она не узнает! – заявил Колин. – Никто не должен пока ни о чём догадываться!

В то же утро явился доктор Крейвен. Он также был удивлён и, к крайнему неудовольствию Колина, забросал его вопросами.

- Ты много времени проводишь в парке, – начал он. – Куда вы ездите?
- Колин принял свой излюбленный тон: он отвечал с достоинством, но так, словно мнение собеседника было ему решительно безразлично.
- Я не желаю это обсуждать, – заявил он. – Куда хочу, туда и еду. Людям велено не попадаться мне на пути. Не желаю, чтобы за мной следили! Вы же это знаете!
- Ты на весь день уезжаешь... Впрочем, вреда от этого как будто бы нет. Сиделка говорит, что ты стал гораздо лучше есть.
- Возможно, – отвечал Колин. Но тут его осенило: – Только это нездоровый аппетит.
- Вряд ли, – парировал доктор Крейвен. – Напротив, прогулки явно идут тебе на пользу. Ты пополнел, и цвет лица у тебя стал лучше.
- Может... может, я просто опух... меня лихорадит, – отвечал с мрачным видом Колин. – Кому жить осталось недолго, тот часто так выглядит.
- Доктор Крейвен покачал головой. Он посчитал у Колина пульс, а потом поднял рукав и пощупал его руку.

– Нет, лихорадки у тебя нет, – задумчиво произнёс он. – И нездоровой пухлости тоже нет. Если и дальше так пойдёт, мой мальчик, можно будет забыть о смерти. Твой отец очень обрадуется, когда узнает, что тебе значительно лучше.

– Не вздумайте сообщить ему об этом! – прервал его Колин резко. – Он только огорчится, если мне опять станет хуже. Сегодня же ночью мне может опять стать хуже. Вдруг начнётся лихорадка? По-моему, она уже начинается. Не вздумайте писать моему отцу! Не смейте! Вы меня рассердили, а вам известно, что мне это вредно. У меня уже голова горит. Ненавижу, когда обо мне пишут! Ненавижу, когда обо мне говорят! Ненавижу, когда на меня смотрят!

– Тише, тише, мой мальчик, – успокаивал его доктор Крейвен. – Без твоего разрешения я ничего не напишу. Ты слишком близко всё принимаешь к сердцу. Смотри не навреди себе снова!

Больше он не говорил о том, чтобы написать мистеру Крейвену, а увидав сиделку, предупредил её, чтобы она не упоминала об этом.

– Мальчику на удивление лучше, – сказал доктор Крейвен сиделке. – В этом даже есть что-то противоестественное. Конечно, сейчас он по собственной воле делает то, чего мы никак не могли от него добиться. И всё же он слишком легко возбуждается, его нельзя раздражать.

Мэри и Колин всполошились. «Что же делать?» – с тревогой думали они. С этого времени они и стали разыгрывать свой «спектакль».

– Придётся, верно, закатить истерику, – с сожалением заметил Колин. – Вот некстати! Мне сейчас совсем не так плохо. Может, я даже не сумею. Горло у меня не перехватывает, и мысли не печальные, а приятные. Но если они опять заговорят о том, чтобы написать отцу, придётся что-то предпринять.

Он решил есть поменьше, но, к сожалению, осуществить это прекрасное намерение оказалось невозможно – по утру он просыпался ужасно голодный, а на столике возле дивана уже стоял завтрак. Домашний хлеб со свежим маслом, белоснежные яйца, малиновый джем, сметана. Мэри теперь всегда завтракала вместе с ним. Усевшись за стол, они в отчаянии смотрели друг на друга, особенно если из-под нагретой серебряной крышки соблазнительно пахло поджаренными ломтиками ветчины.

– Ну ладно, Мэри, – неизменно заявлял Колин, – сейчас мы всё съедим. Но зато за обедом что-нибудь отправим назад, а за ужином отошлём ещё больше.

Впрочем, на это у них никогда не хватало решимости – и тарелки возвращались на кухню совершенно пустыми, приводя всех в изумление.

– Хоть бы они ветчину резали потолок, – жаловался Колин. – И потом по одной булочке на нос – это так мало!

– Для умирающего вполне достаточно, – возразила Мэри, когда Колин произнёс эти слова в первый раз. – Но для того, кто собрался жить, это и вправду маловато. Мне иногда кажется, я бы целых три съела – особенно когда в окно пахнёт вдруг вереском и дроком!

В то утро все трое с упоением работали в саду. Часа через два Дикон нырнул под большой розовый куст и вытащил два ведёрка: одно было до краёв полно густым парным молоком, а в другом лежали свеженькие булочки с изюмом, так хорошо завернутые в сине-белое клетчатое полотенце, что были совсем тёпленькие! Восторгу не было конца. Как это миссис Сауэрби чудно придумала! Какая она добрая! Какая умная! А булочки до чего вкусные! А молоко дивное!

– Да она, как Дикон, просто волшебница! – заявил Колин. – У неё волшебное знание, как делать людям хорошо! Она волшебная женщина! Дикон, скажи ей, что мы очень благодарны, чрезвычайно благодарны!

Временами Колин любил употреблять взрослые выражения – это доставляло ему огромное удовольствие. Найденные слова до того ему нравились, что он не удержался и прибавил:

– Скажи ей, что она чрезвычайно великодушна, а наша благодарность не знает пределов!

А затем, забыв обо всём на свете, он накинулся на еду: поглощал одну за другой булочки, запивая их молоком прямо из ведёрка. Так едят голодные мальчишки, когда они хорошо потрудились и надышались вересковым духом, а со времени утреннего завтрака прошло уже больше двух часов.

Так и пошло. Поедая приносимые Диконом угощенья, Мэри и Колин вскоре сообразили, что кроме них миссис Сауэрби должна ежедневно кормить четырнадцать ртов и что ей это, верно, непросто. И они попросили у неё разрешения посылать ей несколько шиллингов из своих карманных денег.

Неподалёку от тайного сада, в том месте, где Мэри впервые увидела Дикона, он нашёл теперь ложбинку среди деревьев – там, ко всеобщей радости, они сложили небольшой очаг из камней, чтобы печь картошку и яйца. Никогда раньше Мэри и Колин не пробовали такого вкусного блюда, как

Вишня
(*Prunus cerasus*)

печёные яйца, а горячая, прямо из золы, картошка с солью и свежим маслом показалась им просто царским яством. К тому же она была такая сытная! За картошку и яйца можно было заплатить и есть их себе вволю, не опасаясь, что лишаешь пищи четырнадцать человек.

В солнечную погоду утро начиналось с того, что все усаживались в кружок в тени сливы, которая, сбросив цветы, покрылась зелёной листвой, и зывали к Магии. Закончив эту церемонию, Колин неизменно совершал обход сада, а потом в течение дня снова и снова упражнялся во вновь обретённых навыках. Он креп с каждым днём и ходил всё увереннее и дальше. День ото дня его вера в Магию всё росла – и немудрено! По мере того как силы к нему возвращались, он пробовал всё новые упражнения. Все-му лучшему научил его Дикон.

Как-то Дикон отсутствовал целый день. Явившись на следующее утро, он рассказал:

– Вчера матушка послала меня в Твейт. Повстречался мне возле трактира «Голубая корова» Боб Хейворт. Он у нас на пустоши из парней самый сильный. Он и борец самый крепкий, и прыгает выше всех, и молот бросает всех дальше. В иные годы он даже в Шотландию на состязания ездил. Он меня ещё совсем маленьким знал и всегда был так добр ко мне! Ну я его и расспросил. Здешние господа зовут его спортсменом. Я о тебе, мастер Колин, вспомнил и говорю: «Как это ты, Боб, такие мускулы нарастил? Что ты для этого делал?» Он и говорит: «Да, парень, делал. Один

силач с ярмарки, когда был у нас в Твейте, показал мне, как руки и ноги тренировать и все мускулы в теле». Я и говорю: «А может слабый парнишка себя таким манером поправить, Боб?» Он засмеялся и говорит: «Это ты, что ли, слабый парнишка?» Я говорю: «Нет, но я знаю молодого джентльмена, который поправляется после долгой болезни, и мне бы хотелось ему помочь». Имён я никаких не называл – он ни о чём и не спрашивал. Он такой добрый – встал и показал мне безо всяких, что надо делать, а я повторял, пока всё не запомнил.

Колин с волнением слушал рассказ Дикона.

– А мне ты покажешь? – вскричал он. – Покажешь?

– Можешь не сомневаться, – отвечал Дикон и встал. – Только он сказал: «Сначала делай эти упражнения потихонечку и следы, чтобы не устать. После каждого отдыхай и дыши глубоко, главное, не перестарайся».

– Я буду осторожен, – пообещал Колин. – Показывай! Показывай! Дикон, ты самый волшебный мальчик на всём свете!

Дикон встал на траву и медленно показал ряд простых, но весьма полезных упражнений. Колин следил за ним широко раскрытыми глазами. Некоторые из этих упражнений он повторил сидя. Потом поднялся на ноги – они уже достаточно окрепли – и повторил их стоя. Мэри присоединилась к нему. Следивший за ними Уголёк заволновался, слетел с ветки и нервно запрыгал вокруг – ведь он не мог последовать их примеру.

Отныне ни один день не проходил без упражнений – это стало так же обязательно, как и занятия Магией. С каждым днём Мэри и Колин увеличивали нагрузку, и от этого им так хотелось есть, что, если бы не корзинка, которую по утрам приносил и ставил в тенёк Дикон, они бы просто погибли! Только очаг в ложбинке и неизменная забота миссис Сауэрби спасали их.

В результате миссис Медлок, сиделка и доктор Крейвен снова пришли в полное недоумение. Если как следует наесться печёной картошкой и яйцами, ржаными лепёшками, вересковым мёдом и сметаной, запивая всё это густым пенистым молоком, то к завтраку можно отнестись пренебрежительно, а от обеда и вовсе отказаться.

– Они совсем ничего не едят, – твердила сиделка. – Если мы не уговорим их питаться, они просто умрут с голоду! Но выглядят они почему-то отлично!

– Нет, вы только подумайте! – негодовала миссис Медлок. – Они меня просто замучили! То одежду порвут, то от еды откажутся, а ведь кухарка

Чистотел большой (*Chelidonium majus*)

так старалась! Превосходное рагу из свежайшей дичи – а они хоть бы ложку съели! Бедняжка придумала для них новый пудинг – а они отослали его обратно. Кухарка чуть не расплакалась. Боится, что на неё вину свалят, если они от голода умрут!

Приехал доктор Крейвен и долго внимательно глядел на Колина.

Выслушав сиделку и увидев нетронутый поднос с едой, который она сберегла специально для него, он явно встревожился. Однако тревога его возросла, когда, усевшись возле дивана, на котором лежал Колин, он осмотрел его. Доктор Крейвен отлучался по делам в Лондон и не видел Колина две недели. Нежный румянец сменил на его лице прежнюю восковую бледность. (Когда здоровье возвращается к детям, это происходит так быстро!) Его красивые глаза глядели ясно, а впадины под глазами, на щеках и висках исчезли; волосы, ещё недавно тусклые и тёмные, приобрели здоровый блеск и мягко вились вокруг головы; губы пополнили и стали ярче. Словом, он никак не походил на мальчика, который был неизлечимо болен. Доктор Крейвен подпёр подбородок рукой и задумался.

– Я с сожалением узнал, Колин, что ты ничего не ешь, – сказал он. – Так нельзя. Ты потеряешь всё, что набрал, а набрал ты немало. Ещё недавно ты так хорошо ел.

– Я же вам говорил, что это был нездоровый аппетит, – отвечал Колин.

Мэри сидела рядом на скамеечке. Вдруг она издавала какой-то странный звук и так сильно закашлялась, что чуть не подавилась.

– В чём дело? – спросил доктор Крейвен, обратив на неё взор.

Мэри приняла суровый вид.

– Я хотела чихнуть, но закашлялась, – отвечала она с достоинством. – У меня горло перехватило. – И она с упрёком взглянула на доктора Крейвена.

Когда они остались одни, она призналась Колину:

– Знаешь, я просто не могла сдержаться. Вспомнила, какую ты сегодня огромную картофелину в рот зачихнул, а потом ещё намазал джемом и сметаной булочку, такую аппетитную, такую поджаристую, и прямо впился в неё, – да так и прыснула!

– Может, они где-то тайком достают еду? – спросил доктор Крейвен у миссис Медлок.

– Где же? – возразила миссис Медлок. – Разве что из земли выкапывают или с деревьев рвут? Целыми днями они на воздухе, ни с кем не встречаются... А ведь если им чего-то захочется, им надо только попросить!

– Что ж, – заметил доктор Крейвен, – голодание явно идёт им на пользу, так что можно не беспокоиться. Колин словно заново родился.

– Да и Мэри тоже, – подхватила миссис Медлок. – Пополнела и уже не смотрит так угрюмо. Да она прямо похорошела! И волосы у неё стали гуще и крепче, и щёки разругались. До того была злая и угрюмая девочка, а теперь они с мастером Колином так и хохочут целыми днями. Может, оттого и полнеют?

– Возможно, – согласился доктор Крейвен. – Пусть себе смеются.

ГЛАВА 25

«Почему эта шторка отдёрнута?»

Земляника (Fragaria vesca)

А таинственный сад цвёл и цвёл и с каждым днём становился всё чудеснее и краше. В гнёздышке малиновки появились яички, и она сидела на них, согревая своей мягкой грудкой и заботливыми крылышками. Поначалу она очень волновалась, и потому отец будущего семейства бдительно охранял её, готовый в любую минуту ринуться в бой. В эти дни даже Дикон держался подальше от гнезда и ждал, пока бедные птички не проникнутся мыслью, которую он пытался им тайно внушить: что в саду нет никого, кто отличался бы от них и не понимал, какое удивительное чудо свершается сейчас в их жизни – бесконечное, трогательное, ужасное, душераздирающее, торжественное и прекрасное чудо Яиц. Будь в этом саду хоть одно существо, которое не было бы до глубины души уверено в том, что, если хоть одно Яйцо будет похищено или разбито, весь мир содрогнётся, вздыбится и обратится в ничто, будь хоть одно существо, которое не прочувствовало бы этого всей душой и не вело себя соответственно, не было бы счастья даже в этом дивном золотом весеннем

воздухе. Но все это знали, все это чувствовали, а малиновки знали, что все это знают.

Поначалу будущий отец семейства следил за Мэри и Колином с обострённым вниманием. Каким-то образом он узнал, что за Диконом можно не следить. Стоило ему раз взглянуть на Дикона своими блестящими, чёрными, как бусинки, глазами, как он тут же понял, что Дикон свой и принадлежит к клану малиновок, даром что у него нет ни клюва, ни перьев. Ведь он умеет говорить на языке малиновок, который не спутаешь ни с каким иным. Говорить с малиновками на их языке – это всё равно что говорить с французами по-французски! С малиновками Дикон всегда говорил на их языке, а потому они были готовы забыть о той странной тарабарщине, к которой он прибегал, когда разговаривал с людьми. Малиновка считала, что он говорит с людьми на тарабарском языке потому, что те не в состоянии понять язык пернатых. И двигался он по-малиновски. Малиновки никогда не делают резких движений, которые таят в себе угрозу или опасность. Любая малиновка понимала Дикона, а потому его присутствие их совсем не беспокоило.

Однако присутствие двух других поначалу вызывало опасение. Во-первых, мальчишка входил в сад не на собственных ногах. Его ввозили на такой шутке с колёсами, а укрывали шкурами диких зверей. Это само по себе было подозрительно. Потом, когда он начал вставать и ходить, он делал это как-то странно и неуверенно, а остальным, судя по всему, приходилось ему помогать. Будущий отец семейства прятался в кустах и с беспокойством следил за ним, клоня головку то в одну сторону, то в другую. Он опасался, что медлительность движений означает, что мальчишка готовится к прыжку, как кошка. Когда кошки готовятся прыгнуть на свою жертву, они медленно крадутся по земле. Самец подробно обсуждал это со своей подружкой, но через несколько дней решил больше об этом с ней не говорить, потому что малиновка так перепугалась, что он начал опасаться, как бы не повредить таким образом Яйцам.

Какое это было облегчение, когда мальчишка стал ходить самостоятельно – и к тому же не так медленно! Однако долгое время – так, по крайней мере, думали малиновки, – за ним надо было следить в оба. Он вёл себя не как остальные двуногие. Ходить он любил, но почему-то вдруг устраивался посидеть или даже полежать, а потом внезапно вскакивал и снова принимался бродить.

Однажды малиновка вспомнила, что, когда родители учили её летать, она и сама так поступала. Пролетит несколько шагов, а потом сядет отдохнуть. И она подумала: «Верно, и этот мальчишка учился летать... то есть нет, ходить». Она сказала об этом самцу, а тот отвечал, что и Яйца, пожалуй, поведут себя так же – когда выплутятся, конечно. И тогда малиновка успокоилась и стала с интересом и даже с удовольствием следить из-за края гнезда за мальчишкой, хотя точно знала, что Яйца будут гораздо умнее и научатся летать быстрее. Впрочем, люди гораздо медлительнее и глупее, чем Яйца, подумала она снисходительно, и большинство из них так и не может научиться летать. Во всяком случае, в воздухе их не видно, да и на деревьях тоже.

Спустя какое-то время мальчишка стал двигаться так же, как и двое других. Порой они вели себя очень странно. Станут под деревья и ну махать руками, ногами и головой, но при этом с места не сходят и не садятся. Каждый день они регулярно занимались этим, а малиновка терялась в догадках и никак не могла объяснить другу, что дети делают. Только и могла сказать, что уж Яйца-то никогда не будут так мельтешить; впрочем, мальчишка, который умел болтать по-малиновски, также всё это проделывал, а потому можно было не сомневаться, что опасности в этом нет никакой. Разумеется, малиновки никогда в жизни не слышали о чемпионе борьбы Бобе Хейворте и о том, как нарастить мускулы. Малиновки не похожи на людей: мускулы у них развиты изначально, а потом укрепляются сами собой. Если тебе, чтобы раздобыть пищу, надо сначала полетать туда-сюда, мускулы у тебя не ослабеют, можно не сомневаться.

Когда мальчишка стал ходить и бегать, рыть и полоть, как двое других, в гнезде воцарился мир и покой. Страх за Яйца исчез. Зная, что Яйца в безопасности, словно за железными дверьми сейфа, можно было очень неплохо проводить время, следя из гнезда за всем, что творится вокруг. В дождливые дни малиновка даже скучала – ведь дети тогда в сад не приходили.

Но Мэри и Колин не скучали даже в дождливые дни. Однажды утром, когда дождь лил не переставая и Колин начал уже нервничать (ведь ему приходилось лежать на кушетке, потому что вставать было небезопасно), Мэри пришла в голову чудесная мысль.

Колин ей сказал:

– Теперь, когда я стал настоящим мальчишкой, ноги, руки и всё моё тело до того намагнитились Магией, что я не могу лежать без движения. Они хотят что-то делать! Знаешь, Мэри, когда я утром проснусь рано-рано,

а птицы поют и всё вокруг так и кричит от радости, даже цветы и деревья, хоть мы их и не слышим, мне так и хочется прыгнуть с постели и тоже закричать. Вот был бы переполох, если бы я так и поступил!

Мэри от души рассмеялась.

– Прибежала бы сиделка, а за ней миссис Медлок, они бы решили, что ты рехнулся, и послали бы за врачом, – сказала она.

Колин тоже засмеялся. Он ясно представил себе, какой у сиделки с миссис Медлок будет вид, как они испугаются и как удивятся, когда увидят, что он стоит на ногах.

– Хоть бы отец приехал, – сказал Колин. – Я хочу сам ему всё рассказать. Я всё время об этом думаю. Долго нам не продержаться... Так противно лежать и притворяться, а потом, я совсем не выгляжу больным. Хоть бы дождь прошёл...

Тут Мэри и осенило.

– Колин, – произнесла она таинственно, – а знаешь, сколько в этом доме комнат?

– Небось целая тысяча, – отвечал он.

– Их около ста, – сказала Мэри. – И в них никто не заходит. Как-то тоже шёл дождь, я пошла бродить по дому и видела. Об этом никто не знает, хотя миссис Медлок меня чуть не накрыла. На обратном пути я заблудилась и остановилась в конце коридора. Тогда я во второй раз услышала, как ты плачешь.

Колин так и подпрыгнул на своей кушетке.

– Сто комнат! И в них никто не заходит! – воскликнул он. – Пожалуй, это не хуже, чем таинственный сад! Пойдём посмотрим! Ты бы меня покатала, и никто бы даже не догадался, куда мы направляемся.

– Вот так я и подумала, – подхватила Мэри. – Никто не посмеет за нами идти. Там есть галереи, где ты мог бы побегать. Мы бы поделали наши упражнения. А ещё там есть маленькая индийская комната, где в шкафу стоят костяные слоники. Там много всяких комнат.

– Позвони, – сказал Колин.

И приказал вошедшей сиделке:

– Мне нужно кресло. Мисс Мэри и я хотим осмотреть ту часть дома, которой не пользуются. Пусть Джон отвезёт меня до картинной галереи, а то там лестницы. А потом пусть уйдёт и оставит нас одних, пока я снова за ним не пошлю.

В это утро дождь уже не казался им таким страшным. Когда лакей вкатил кресло в картинную галерею и оставил их, согласно распоряжению, одних, Колин и Мэри обменялись радостным взглядом. Как только Мэри убедилась, что Джон действительно отправился вниз, в людскую, Колин поднялся с кресла.

– Я хочу пробежать всю галерею из конца в конец, – заявил он. – А потом попрыгать! А потом мы будем делать упражнения Боба Хейворта.

Так они и поступили, а потом посмотрели портреты и нашли некрасивую девочку в зелёной парче с попугаем на пальце.

– Это всё наверняка мои родственники, – заявил Колин. – Они жили очень давно. А вот эта, с попугаем, кажется, моя двоюродная прапрапрабабушка. Знаешь, Мэри, она похожа на тебя, только не сейчас, а какой ты была, когда приехала. Теперь-то ты потолстела и выглядишь гораздо лучше.

– И ты тоже, – отвечала Мэри.

И они захохотали.

Зашли они и в индийскую комнату и поиграли там со слониками. А потом нашли будуар, обтянутый розовым шёлком, и дырку в подушке, проеденную мышкой, но мышата уже выросли и разбежались, гнёздышко было пусто. Они обошли множество комнат и сделали множество открытий, гораздо больше, чем Мэри во время своего первого путешествия. Они находили всё новые и новые коридоры, закоулки и лестницы, всё новые и новые картины, которые им нравились, и диковинные старинные предметы, назначение которых было им непонятно. Всё это было увлекательно: подумать только, они бродят по дому, где живут люди, и в то же время кругом никого нет!

– Я рад, что мы пришли сюда, – заявил Колин. – Я и не подозревал, что живу в таком огромном и странном доме. Мне он нравится. В дождливые дни мы теперь будем всегда сюда приходить. И всегда будем находить здесь всякие вещи и закоулки.

Помимо всего прочего, в это утро они обнаружили, что ужасно проголодались, и потому не смогли отправить обед назад нетронутым.

Сиделка унесла пустой поднос вниз и шлёпнула его на кухонный стол – пусть миссис Лумис, кухарка, убедится, что всё съедено до крошки и тарелки совершенно пусты.

– Нет, вы только гляньте! – воскликнула она. – В этом доме полно всяких тайн, но самая большая тайна – это дети!

– Если они каждый день так тарелки очищают, – заметил дюжий молодой лакей по имени Джон, – тогда понятно, почему барчук сейчас весит вдвое больше, чем месяц назад. Придётся мне скоро от места отказаться, а то как бы не надорваться!

Днём Мэри заметила в комнате Колина перемену. Она ещё накануне заметила, но промолчала: кто знает, может, это случайность? Она и сегодня ничего не сказала, только сидела и смотрела на портрет над камином. Шторка была отдернута – ничто не мешало свободно на него смотреть. Это и была та перемена, которая бросилась Мэри в глаза.

– Я знаю: ты ждёшь, что я скажу, – произнёс через несколько минут Колин. – Я всегда знаю, когда ты ждёшь, чтобы я что-то сказал. Ты думаешь: почему эта шторка отдернута? Теперь всегда будет так!

– Почему? – спросила Мэри.

– Я больше не сержусь, что она смеётся. Позавчера я проснулся – комнату заливал лунный свет. Я вдруг почувствовал, что это не лунный свет, а Магия. Я просто не мог улежать в постели: всё было так чудесно! Я встал и выглянул в окно. В комнате было совсем светло – лунный свет падал прямо на штору. Я подошёл и отдёрнул штору. Она посмотрела на меня, словно ей было весело, что я стою перед нею. И мне так приятно было на неё глядеть! Я хочу всё время видеть, как она смеётся от радости. Знаешь, по-моему, она сама была какой-то волшебной!

– Ты так похож на неё сейчас, – отвечала Мэри. – Иногда я даже думаю: может, в тебя вселился её дух?

Эта мысль произвела на Колина впечатление. Он задумался, а потом медленно произнёс:

– Если бы это было так, мой отец меня бы любил...

– А ты этого хочешь? – спросила Мэри.

– Я раньше ужасно злился, что он меня не любит. Если б он меня полюбил, я бы рассказал ему про Магию. Может, он бы тогда повеселел.

ГЛАВА 26

«Это матушка!»

Подорожник (*Plantago media*)

Их вера в Магию не убывала. Иногда после утренних занятий Колин читал им лекции о Магии.

– Я это делаю с удовольствием, – заявлял он, – потому что, когда я вырасту и совершу великие открытия, мне придётся читать о них лекции, так что лучше заранее попрактиковаться. Сейчас я могу читать короткие лекции, потому что я ещё молод. К тому же Бен Везерстаф ещё решит, что он в церкви, и заснёт.

– В лекциях что хорошо? – рассуждал Бен Везерстаф. – Что человек может встать и говорить о чём захочет, а все другие молчи и слушай. Я бы сам не прочь лекции почитать!

Впрочем, когда Колин становился под дерево и говорил, Бен прямо-таки пожирал его глазами. Во взгляде его читались любовь и опаска. Сказать по правде, его занимала не столько лекция, сколько сам лектор: его ноги, с каждым днём ступавшие всё увереннее и крепче, голова, которую он держал так прямо и высоко, щёки, когда-то впалые, а теперь

пополневшие и округлившиеся, и глаза, в которых появился тот же свет, как в тех, что он так хорошо помнил. Порой, заметив пристальный взгляд Бена, Колин задавался вопросом, что за мысли бродят у того в голове. И однажды, когда Бен погрузился в глубокую задумчивость, он решил допросить его.

– Ты о чём задумался, Бен Везерстаф? – спросил он.

– Я думал, – отвечал Бен, – что за эту неделю ты три или четыре фунта набрал. Готов поклясться! Я смотрел на твои плечи и икры. Вот бы тебя взвесить!

– Это всё Магия и булочки с молоком от миссис Сауэрби, – сказал Колин. – Видишь, наш опыт удался!

В то утро Дикон опоздал и лекции не слышал. Когда он прибежал, весь красный от спешки, его смешное лицо так и искрилось весельем. После дождей требовалась тщательная прополка, и дети поспешили приняться за работу. После затяжного тёплого дождя дел всегда было много. От влаги, напитавшей почву, из неё полезли не только цветы, но и сорняки; их надо было срочно выполоть, пока корни не окрепли. Колин полон наравне со всеми, что не мешало ему говорить.

– Лучше всего Магия действует, когда работаешь, – говорил он. – Это ощущаешь каждой клеточкой и каждым мускулом. Про кости и мускулы я буду книжки читать, а про Магию я сам книгу напишу. Я к этому сейчас готовлюсь. Всё время узнаю что-то новое.

Он помолчал – они поняли, что он, как обычно, обдумывает новую лекцию. Потом он вдруг бросил совок и выпрямился. Должно быть, решили Мэри и Дикон, он вспомнил о чём-то. Колин выпрямился во весь рост и восторженно раскинул руки. Лицо его покраснело, а в глазах блеснула радость. Его осенила какая-то чрезвычайно важная мысль.

– Мэри! Дикон! – воскликнул он. – Вы только взгляните на меня!

Они бросили полоть и уставились на него.

– Помните то утро, когда вы впервые меня сюда привезли?

Дикон внимательно смотрел на него. Как заклинатель зверей, он видел многое, что было скрыто от большинства; обычно вслух он об этом не говорил. Кое-что он увидел сейчас в Колине.

– Уж конечно помним, – отвечал он.

Мэри тоже внимательно посмотрела на Колина, но промолчала.

– Минуту назад, – продолжал Колин, – я сам вспомнил то утро. Увидел свою руку с совком и как я копаю – и вскочил на ноги, чтобы себя проверить. Но это правда! Я выздоровел! Выздоровел!

– Да, это так! – подхватил Дикон.

– Я выздоровел! Выздоровел! – снова повторил Колин.

Кровь бросилась ему в лицо.

Конечно, он и раньше догадывался об этом – он размышлял и надеялся; но в этот миг что-то вдруг словно пронзило его насквозь – его охватила такая уверенность и такой восторг, что он не мог сдержаться.

– Я буду жить и жить и никогда не умру! – воскликнул он с торжеством. – Я столько всего узнаю! О людях и животных... обо всём, что растёт... как Дикон... и буду всё время заниматься Магией. Я выздоровел! Мне хочется... мне хочется кричать об этом на весь свет – хочется радоваться и благодарить!

Бен Везерстаф, возившийся возле розового куста, оглянулся.

– Можешь спеть Славословие, – предложил он сухо.

Сам он во всё это не очень-то верил, а потому в голосе его не слышалось особого благоговения.

Но Колин был любознателен – о Славословии он слышал впервые.

– А что это такое? – спросил он.

– Дикон может тебе спеть, – ответил Бен Везерстаф. – Ручаюсь.

Дикон отозвался со своей всепонимающей улыбкой заклинателя.

– Славословие Господу в церкви на Рождество поют, – пояснил он. – А матушка говорит, что жаворонки по утрам, как проснутся, так тоже его запевают.

– Если она так говорит, значит, это хорошая песня, – сказал Колин. – Сам я никогда в церкви не был: я ведь болел. Спой, Дикон. Я хочу услышать.

Дикон воспринял его просьбу просто, без смущения. Он лучше самого Колина понимал, что с ним происходит. Понимал инстинктивно, сам не отдавая себе отчёта в этом. Он снял шапку и с улыбкой огляделся.

– Шапку надо снять, – сказал он. – И ты, Бен, тоже сними. И надо, знаешь, встать.

Колин стащил шапку с головы, не отводя глаз от Дикона; солнце играло на его густых волосах. Бен Везерстаф тяжело поднялся с колен и последовал его примеру с недоумённым и недовольным выражением на лице, словно и сам не знал, зачем это делает.

Стоя среди деревьев и розовых кустов, Дикон просто, деловито и старательно запел сильным мальчишеским альтом:

*Хвала Небесному Отцу,
Всего живущего Творцу,
Раздайся, наш напев простой
Во славу Троицы Святой!"
Аминь.*

Он кончил. Бен Везерстаф стоял не двигаясь и, выдвинув вперёд упрямый подбородок, беспокойно поглядывал на Колина. Лицо Колина было задумчиво, во взгляде светилось восхищение.

* Перевод М. Фрейдкина.

– Какая прекрасная песня! – промолвил он. – Мне она нравится. Я то же самое чувствую, когда мне хочется кричать, как я благодарен Магии.

Он замолчал и недоуменно задумался.

– Возможно, это одно и то же. Как найти точные слова? Дикон, спой-ка эту песню ещё раз. Давай попробуем, Мэри. Я тоже хочу её петь. Это моя песня. Как там начинается?

Хвала Небесному Отцу...

И они пропели Славословие ещё раз. Мэри и Колин очень старались; голос Дикона звучал так громко и выразительно, что, когда запели вторую строку, Бен Везерстаф хрипло откашлялся, а на третьей – громко, с чувством подхватил. Когда замерла последняя нота, Мэри заметила, что с ним происходит то же, что и тогда, когда он убедился, что Колин не калека: подбородок у него дрожал, он то моргал, то широко открывал глаза, и по его старым морщинистым щекам текли слёзы.

– Раньше я в Славословии никакого смысла не видел, – проговорил он шепотом, – но, может статься, со временем передумаю. И вот что я вам ещё скажу: ты, Колин, на этой неделе уже пять фунтов прибавил, добрых пять фунтов.

Но Колин его не слушал. Он удивлённо смотрел в другой конец сада – что-то привлекло его внимание.

– Кто там входит? – спросил он быстро. – Кто это?

Дверка в заросшей плющом стене была приотворена – в сад вошла женщина. Она вошла с последними словами гимна и остановилась, глядя на них и слушая. Солнечный свет, струясь среди листвы, мягкими бликами ложился на её длинную синюю накидку, её приветливое свежее лицо улыбалось, и вся её фигура на фоне заросшей плющом стены казалась нежно раскрашенной иллюстрацией из книжек Колина. Её светящиеся добротой глаза вбирали всё: и детей, и Бена Везерстафа, и зверюшек, и распустившиеся цветы. Хотя она и пришла незваной, никто не ощутил, что она здесь лишняя. А у Дикона глаза радостно засветились.

– Это матушка – вот кто! – крикнул он и побежал к ней по траве.

Колин двинулся вслед за Диконом, а за ним и Мэри. Сердца у обоих громко забились.

– Это матушка! – повторил Дикон, подбегая к ней. – Я знал, что ты хочешь её видеть. Я ей сказал, где дверка!

Зардевшись от робости, Колин важно протянул руку, пожирая глазами её лицо.

– Я, ещё когда болел, хотел вас увидеть, – сказал он. – Вас, и Дикона, и тайный сад. Раньше я никогда никого и ничего не хотел видеть.

Заглянув в поднятые к ней глаза, она внезапно изменилась в лице. Краска залила ей щёки, уголки губ задрожали, глаза затуманились.

– Голубчик ты мой! – произнесла она вдруг дрогнувшим голосом. – Голубчик ты мой!

Это вышло само собой: она не назвала его «мастером Колином», а почему-то сказала: «Голубчик мой!» Так она могла бы сказать Дикону, если бы её что-то тронуло в его лице. Колину это понравилось.

– Вы удивляетесь, что я здоров? – спросил он.

Она положила руку ему на плечо и улыбнулась вновь заблестевшими глазами.

– Да уж конечно! – сказала она. – А потом, ты так похож на свою мать, что у меня просто сердце дрогнуло.

– А как вы думаете, – спросил с сомнением Колин, – моему отцу это будет приятно?

– Конечно, голубчик, – отвечала она и с лёгкостью похлопала его по плечу. – Он должен вернуться домой! Он должен поскорее вернуться!

– Сьюзен Сауэрби, – проговорил Бен Везерстаф, приблизившись. – Ты только взгляни на его ноги. Ну что? Два месяца назад они были что твои барабанные палочки. А кое-кто говорил, что они ещё и кривые! Взгляни-ка на них сейчас!

Сьюзен Сауэрби мягко засмеялась.

– Скоро они совсем окрепнут, – отвечала она. – Пусть себе играет и работает в саду, пусть побольше ест и пьёт вволю свежего молочка, и они так окрепнут, что во всём Йоркшире других таких не сыщешь. Слава тебе, Господи!

Она положила руки на плечи Мэри и по-матерински вгляделась в её лицо.

– И ты тоже! – заметила она. – Ты уж почти сравнялась с нашей Лизбет Эллен, такая же здоровая, как она. И знаешь, ты на свою матушку становишься похожей. Право слово! Мне наша Марта говорила – это ей миссис Медлок сказала, – что твоя матушка была красавица. И ты, когда подрастёшь, будешь что румяная розочка, благослови тебя Господь!

Она не стала говорить, что, когда Марта пришла домой и описала не красивую бледную девочку, она не поверила словам миссис Медлок. «Так не бывает, чтобы у красивой женщины дочка была до того неприглядной», – убеждённо заявила она.

У Мэри не было времени следить за тем, как меняется её лицо. Она только знала, что выглядит «иначе» и что волосы у неё стали гораздо гуще и растут быстрее. Но, вспомнив, с каким удовольствием она любовалась когда-то «мемсахиб», она порадовалась, что со временем будет, возможно, походить на неё.

Сьюзен Сауэрби обошла вместе с детьми весь сад, выслушала всю его историю и оглядела каждый куст и каждое дерево, что ожили за это время. По одну руку от неё шёл Колин, а по другую – Мэри. Оба поглядывали на её доброе румяное лицо и в душе дивились тому, как с нею хорошо – до того тепло и покойно! Казалось, она их понимает, как Дикон понимает своих зверюшек. Она склонилась над цветами и беседовала с ними словно с детьми. Ворон неотступно следовал за нею, раза два он каркнул и взлетел, как к Дикону, к ней на плечо. Когда ей рассказали про малиновку и первый вылет птенцов, Сьюзен Сауэрби тихо рассмеялась мелодичным гортанным смехом.

– Учить их летать, – сказала она добродушно, – всё равно что учить детей ходить. Я небось вся бы истревожилась, если б у моих были крылья вместо ног.

Она до того их очаровала, что в конце концов они поведали ей о Магии.

– А в Магию вы верите? – спросил Колин после того, как рассказал об индийских факирах. – Надеюсь, что верите.

– Верю, голубчик, – отвечала она. – Как это назвать, не знаю, только разве дело в слове? Небось во Франции это ещё как-то называется, а в Германии опять же иначе. Тебя та же сила исцелила, что заставляет семена прорасти, а солнце светить. Это Добрая Сила. Ведь это только мы по глупости полагаем, будто важно знать, как это точно называется. А Великая Добрая Сила об этом не беспокоится, а знай себе творит миллионы миров, подобных нашему. Храни свою веру в Великую Добрую Силу, помни, что она наполняет весь мир – как бы там её ни назвать! Когда я входила в сад, вы как раз её славили.

– Мне было так радостно на душе, – признался Колин, подняв на неё свои удивительные глаза. – Я вдруг почувствовал, что я совсем другой...

что руки и ноги у меня такие, знаете, сильные... что я могу копать и могу стоять... Я вскочил – мне захотелось что-то крикнуть кому-то... кто бы меня услышал.

– Магия тебя слушала, когда ты Славословие пел. Ведь ты от радости пел, а это главное! Ах, милый, какое дело Творцу, который дарит нам радость, до того, как люди его называют?

И она снова тихонько похлопала его по плечу.

Сьюзен Сауэрби положила им сегодня полную корзинку вкусной еды. Когда они проголодались, Дикон притащил её из укромного места в теничке; Сьюзен уселась вместе с детьми под деревом и смотрела, как они жадно едят, радуясь их аппетиту. Она весело шутила и смешила их рассказами о разных необычных происшествиях. Она говорила по-йоркширски и обучала их новым словам. Когда они рассказали, как трудно им притворяться, что Колин по-прежнему капризный больной, она от души рассмеялась.

– Когда мы вместе, у нас такой хохот стоит, – пояснил Колин. – А разве больные смеются? Мы изо всех сил стараемся сдержаться, да не выходит и ещё пуще хохочем!

– А я всё время об одном думаю, – призналась Мэри. – И как подумаю, чуть не лопаюсь от смеха. Что, если лицо у Колина станет круглым, как луна? Оно ещё не круглое, но с каждым днём всё больше и больше округляется. Вдруг мы однажды проснёмся, а оно круглое, как луна? Что тогда делать?

– Я вижу, тебе приходится, как актёру, роль разыгрывать, – сказала Сьюзен Сауэрби. – Ну да теперь уж недолго осталось! Вот мистер Крейвен вернётся...

– Вы думаете, он вернётся? – переспросил Колин. – Почему?

Сьюзен Сауэрби улыбнулась.

– Небось, узнай он про твою тайну от кого-то, ты бы страсть как огорчился, – сказала она. – Ты ведь ночами лежишь и мечтаешь, как всё это будет!

– Я даже подумать не могу, чтобы ему кто-то другой сказал, – признался Колин. – Каждый день всё придумываю, и всё по-разному. Сейчас я бы просто хотел вбежать к нему в комнату.

– Вот бы он удивился! – воскликнула Сьюзен Сауэрби. – Желала бы я, голубчик, в этот миг на него посмотреть! Право слово, желала бы! Пора бы ему вернуться! Самое время!

Ещё они обсудили, как приедут к Сьюзен Сауэрби в гости. Всё было продумано: они поедут в экипаже и пообедают там среди вереска под открытым небом. Познакомятся со всеми детьми, посмотрят огород Дикона и вернутся домой, только когда устанут.

Наконец Сьюзен Сауэрби встала, чтобы идти в дом к миссис Медлок. Колину тоже пора было возвращаться. Но прежде чем сесть в кресло-качалку, он подошёл к Сьюзен вплотную, растерянно и восхищённо заглянул ей в лицо и, ухватившись за складки синего плаща, прошептал:

– Вы совсем такая, как... как я мечтал! Как бы я хотел, чтобы вы были матушкой не только Дикону, но и мне!

Сьюзен Сауэрби быстро нагнулась, обняла его своими мягкими руками и прижала к груди, словно он был родным братом Дикону. Глаза её снова затуманились.

– Голубчик, – проговорила она, – твоя мать уж конечно сейчас здесь, в этом саду! Где ж ей ещё быть? И отец твой должен к тебе вернуться! Это уж так!

Зверобой (*Hypericum calycinum*)

ГЛАВА 27

В саду

Вьюнок трёхцветный (*Convolvulus minor*)

С тех пор как сотворён мир, каждый век совершал какое-то важное открытие. В прошлом столетии их было больше, чем в любом из предыдущих. В нашем столетии сделают множество ещё более удивительных открытий. Сначала о чём-то новом и важном люди и слышать не хотят, потом упрямо держатся убеждения, что как бы то ни было, а вещь это невозможная, потом видят, что нет, вполне возможная; а потом делают – и сами же удивляются, отчего было не сделать столетиями раньше. В прошлом веке люди начали понимать, что мысли – просто мысли – обладают не меньшей силой, чем электрические батареи, и могут приносить человеку не меньше пользы, чем солнечный свет, и причинять не меньше вреда, чем яд. Печальная или дурная мысль, проникающая в ваше сознание, не менее опасна, чем микробы скарлатины, проникающие в организм. И если эту мысль тут же не изгнать, может случиться, что она останется с вами до конца жизни.

Пока «мистрис Мэри» находилась во власти угрюмых и недобрых мыслей обо всех и всём на свете, пока она была преисполнена решимости

ничему не радоваться и ничем не интересоваться, она была болезненным, хилым, скучающим и несчастным ребёнком. Однако обстоятельства изменились в её пользу, хотя она того и не подозревала, и подтолкнули её в благоприятном направлении. А когда мысли её заняли такие вещи, как малиновка, домик на вересковой равнине с живущими там детьми, утрюмый старик-садовник, простая деревенская служанка, весна, тайный сад, оживающий с каждым днём, йоркширский мальчишка и его зверюшки, там уже не осталось места для того мрачного, что плохо действовало ей на пищеварение и печень и от чего движения её были вялыми, а лицо жёлтым.

Пока Колин сидел взаперти и думал о своих страхах, болезни и ненависти к тем, кто смотрит на него, о горбе и ранней смерти, он находился во власти болезненной, истерической, чуть ли не безумной мнительности и знать ничего не знал о солнце, весне и о том, что может, если пострадает, выздороветь и твёрдо встать на собственные ноги. Когда новые, прекрасные мысли начали вытеснять старые, безобразные, жизнь стала возвращаться к Колину, кровь быстрее побежала по его членам и силы хлынули в него, словно вода во время половодья.

Его «эксперимент» оказался вполне простым и реальным – в нём не было ничего необычного. Куда более удивительные вещи могут произойти со всяким, у кого хватит решимости прогнать от себя неприятные и мрачные мысли и заменить их светлыми и мужественными! Одно и то же место не могут занимать две разные вещи.

*Где розу ты растишь, сынок,
Сорняк не может цвести.*

Пока заповедный сад оживал, а вместе с ним оживали и двое детей, некий человек скитался то среди фьордов* Норвегии, то по горам и долинам Швейцарии. Десять лет этот человек лелеял в мыслях своё горе и был мрачен. Ему недоставало мужества: он ни разу не попытался вытеснить эти мрачные мысли иными. Он предавался им, бродя у синих озёр; он предавался им, лёжа на склонах гор, усыпанных синими горечавками, над которыми веял душистый ветерок. Когда-то он был счастлив, но горе омрачило его счастье, и он позволил тьме заполнить его душу, не допуская туда

* Фьорд – узкий вытянутый морской залив с крутыми и высокими берегами.

ни единого лучика света. Он покинул свой дом – и, скитаясь по свету, заблудился о своём долге. Он был так мрачен, что самый вид его был вреден людям: своим унынием он словно отравлял всё вокруг. Одни думали, что он помешанный, другие – что душу его тяготит тайное преступление. Это был высокий сутулый человек с измождённым лицом, одно плечо у него было выше другого. В гостиницах он всегда записывался так: «Арчибальд Крейвен из Мисселтвейт Мэнор, графство Йоркшир, Англия».

С того дня, когда он говорил с Мэри и разрешил ей взять «немного земли», он проехал много миль. Он посетил красивейшие места в Европе, но нигде не задерживался более чем на несколько дней. Он выбирал самые уединённые и далёкие уголки. Он взбирался под самые облака на вершины гор и в рассветный час взирал оттуда на другие горы – восходящее солнце заливало их таким ярким светом, что казалось, будто мир вновь рождается прямо у него на глазах.

Только его самого свет не коснулся за все эти годы. Однако настал день, когда вдруг, впервые за столько лет, он почувствовал, что с ним что-то происходит. Он шёл тирольской долиной; вокруг царила такая красота, что любое сердце должно было бы избавиться от груза печали. Но сколько он ни шагал, его сердце по-прежнему угнетала печаль. Наконец он почувствовал усталость и прилёг отдохнуть на мшистый берег ручейка. Прозрачная вода весело струилась меж узких берегов, заросших влажной зеленью, и, перекатываясь через лежащие на дне камни, журчала, словно кто-то тихо смеялся. Он видел, как к ручью подлетали птицы: окунут голову в воду,

напьются, забьют крыльями и унесутся прочь. Ручеек, как живой, что-то еле слышно лепетал, и от его голоса царившая кругом тишина казалась ещё глубже. Всё в долине словно замерло.

Арчибальд Крейвен сидел и смотрел на прозрачный ток воды, и постепенно тело его и душу окутал покой, тот покой, что царил в долине. «Уж не засыпаю ли я», – подумал он. Но нет, спать ему не хотелось. Он сидел и глядел на пронизанную солнцем воду, и понемногу взгляд его различил цветы, росшие у самого ручья. Прелестные голубые незабудки росли так близко к воде, что капли воды блестели на листьях, и он смотрел на них, как, бывало, смотрел на цветы многие годы назад. Он с нежностью подумал о том, как прелестны эти незабудки, как синеют их крошечные венчики. Он не отдавал себе отчёта в том, что эта простая мысль медленно заполняла всю его душу, незаметно вытесняя из неё все мрачные мысли. Словно чистый прозрачный ключ забил вдруг в мутном водоёме – он бил и бил, и постепенно тёмные воды светлели. Конечно, Арчибальд Крейвен не думал об этом. Он только заметил, что, пока он сидел и смотрел на яркую и нежную синеву цветов, вокруг становилось всё тише, всё спокойнее. Он не знал, долго ли он там сидит и что именно с ним происходит, но наконец шевельнулся, словно пробуждаясь ото сна. Он медленно поднялся и, глубоко вдохнув мягкий воздух, подивился тому, что с ним случилось. Его вдруг словно отпустило – на душе стало легко.

– Что это? – проговорил он негромко, проводя рукой по лбу. – Мне кажется, будто я... оживаю!

Об этих удивительных и таинственных вещах мне известно так мало, что я не сумею объяснить вам, как именно это с ним произошло. И никто другой пока не сумеет. Сам он тоже этого не понимал. Однако спустя несколько месяцев, возвратясь в Мисселтвейт, он вспомнил об этом удивительном часе, когда узнал, что в тот же самый день Колин воскликнул в таинственном саду: «Я буду жить, и жить вечно!»

Покой, внезапно снизошедший в душу Арчибальда Крейвена, не оставил его и вечером, и он забылся лёгким, бодрящим сном. Но это продлилось недолго. Арчибальд Крейвен не знал, как поступить, чтобы сохранить свой душевный покой. К ночи следующего дня он вновь впустил в свою душу мрачные мысли – и они овладели им с прежней силой. Он покинул долину и продолжал скитания. Но странно, в жизни его стали выдаваться минуты, а порою даже часы, когда тяжесть, давящая ему на сердце,

вдруг отпускала и он опять ощущал, что к нему возвращается жизнь. Медленно-медленно он оживал – оживал вместе с таинственным садом, хотя и не подозревал этого.

Яркая позолота осени сменила краски лета, и Арчибалд Крейвен прибыл на озеро Комо. Там было красиво, как во сне. Дни он проводил, любясь хрустальной синевой озера. Иногда он уходил в горы, поросшие густыми мягкими травами, и бродил там, пока не чувствовал, что теперь наверняка будет ночью спать. И правда, к этому времени сон у него стал гораздо лучше – его перестали мучить кошмары.

«Возможно, – думал он, – я окреп телом». Это была правда: он окреп телом, но – благодаря спокойным часам, выпавшим на его долю, когда мысли его меняли направление, – он окреп не только телом, но и душой. Он вспоминал Мисселтвейт и размышлял, не вернуться ли домой. Порой вспоминался ему и сын. Интересно, что почувствует он теперь, когда вернётся, подойдёт, как всегда, к старинной кровати под балдахин и глянет с высоты своего роста на изжелта-белое точёное лицо спящего мальчика и на чёрные ресницы, окаймляющие крепко сомкнутые веки? Нет, только бы этого не видеть!

В один из дивных солнечных дней Арчибалд Крейвен отправился в горы и зашёл так далеко, что, когда вернулся, луна уже поднялась высоко в небо. Было полнолуние, всё вокруг заливал серебристый свет, кое-где шевелились лиловые тени. На озере, на берегу и в лесу стояла такая удивительная тишина, что он не пошёл в снятый им дом, а спустился к небольшой беседке у воды, сел на скамью и глубоко вдохнул волшебный воздух ночи. Знакомый удивительный покой снова снизошёл на его душу, и, погружаясь в него всё глубже, глубже, он наконец заснул.

Он не заметил, когда заснул и начал грезить; сон был так глубок, что он его не ощущал. Ему казалось, будто он необычайно бодр и даже не помышляет о сне. Он сидел и вдыхал аромат поздних роз, слушая, как плещет вода у его ног. И вдруг услышал какой-то зов. Мелодичный, звонкий, весёлый голос доносился издали, но до того ясно, будто совсем рядом.

– Арчи! Арчи! Арчи! – звал голос.

И опять, ещё мелодичнее и звонче:

– Арчи! Арчи!

Он словно бы вскочил на ноги, хотя нимало не удивился.

– Лилиз! Лилиз! – отозвался он. – Лилиз! Где ты?

– В саду! – зазвучало в ответ, будто пела золотая флейта. – В саду!

На этом сон кончился. Но он не проснулся. Всю эту дивную ночь он проспал глубоким, крепким сном. Когда он наконец открыл глаза, было солнечное утро, а перед ним стоял слуга и смотрел на него. Слуга был итальянец; как и все остальные слуги на вилле, он привык ничему не удивляться, что бы ни делал их жилец-иностранец. Никто не знал, когда этот господин уйдёт, когда вернётся и где будет спать: проведёт ли он всю ночь в саду или устроится в лодке на озере. Слуга держал поднос, а на подносе лежали письма – слуга терпеливо ждал, чтобы мистер Крейвен взял их. Когда слуга удалился, мистер Крейвен посидел несколько минут, держа письма в руке и глядя в озеро. Его всё ещё окутывала странная умиротворённость, он чувствовал необычную лёгкость, словно чего-то ужасного, свершившегося в прошлом, на самом деле не было... словно что-то вдруг изменилось. Он вспомнил свой сон... ясный, как явь!

– В саду! – повторил он с недоумением. – В саду! Но дверка заперта, а ключ где-то в земле!

Немного спустя он взглянул на письма и заметил, что сверху лежит письмо с английской маркой – оно пришло из Йоркшира. Конверт был надписан чётким женским почерком, который был ему незнаком. Не думая о том, кто бы мог ему писать, он вскрыл конверт; первые же слова приковали к себе его внимание.

«Дорогой сэр, я – Сьюзен Сауэрби, однажды я позволила себе остановить Вас на вересковой пустоши. Тогда я говорила о мисс Мэри. Теперь я снова беру на себя смелость кое-что Вам сказать. Прошу Вас, сэр, на Вашем месте я бы вернулась домой. Я думаю, Вы будете рады, когда вернётесь. Простите, что говорю об этом, сэр, но думаю, что Ваша хозяйка – будь она здесь – просила бы Вас вернуться.

*Ваша покорная слуга
Сьюзен Сауэрби».*

Мистер Крейвен прочитал письмо дважды, прежде чем положил его обратно в конверт. И снова ему вспомнился сон.

– Я возвращаюсь в Мисселтвейт, – произнёс он. – Да, я еду тотчас.

Он прошёл садом в дом и приказал Питчеру уложить вещи – они возвращаются в Англию.

Через несколько дней мистер Крейвен снова был в Йоркшире. Всё долгое путешествие он думал о сыне, как никогда не думал о нём прежде. Десять лет он всячески старался забыть о нём. Сейчас же, хотя он вовсе не собирался о нём размышлять, в памяти то и дело всплывали воспоминания. Он вспомнил чёрные дни, когда он рыдал как безумный, потому что его сын выжил, а жена – нет. Он не желал видеть сына, а когда наконец пошёл взглянуть на него, то увидел слабое, жалкое существо. Все говорили, что малютка не проживёт и нескольких дней. Однако, к удивлению тех, кто ухаживал за ребёнком, время шло, а он не умирал, и тогда все решили, что он выживет, но будет больным и калекой.

Мистер Крейвен не хотел быть плохим отцом – просто он совсем не чувствовал себя отцом. Он нанял врачей и няnek, он окружил ребёнка роскошью, но, погрузившись в своё горе, он старался не думать о сыне. После нескольких лет отсутствия, когда он в первый раз вернулся в Мисселтвейт и жалкий заморыш медленно и безразлично обратил на него огромные серые глаза с длинными чёрными ресницами, такие похожие и в то же время до ужаса не похожие на те глаза, которые мистер Крейвен любил, он не совладал с собой и отвернулся, побледнев как смерть. Впоследствии он смотрел на сына, лишь когда тот спал, и знал о нём только, что тот неизлечимо болен и что нрав у него злой, вспыльчивый, истеричный. Чтобы уберечь мальчика от приступов ярости, опасной для его же здоровья, приходилось во всём ему уступать.

Вспоминать об этом было не очень-то приятно, но, пока поезд мчался через горные перевалы и золотистые равнины, в мыслях мистера Крейвена происходила перемена – он думал новую, неотступную, глубокую думу.

«Возможно, я был не прав все эти десять лет, – говорил он себе. – Десять лет – это долгий срок. Вероятно, уже поздно... слишком поздно. Как же это я мог?!»

Конечно, нельзя внушать себе: «Слишком поздно!» Это даже Колин мог бы ему сказать. Но мистер Крейвен не знал ничего о Магии, ни о чёрной, ни о белой. Всё это ему ещё предстояло узнать. «Почему Сьюзен Сауэрби мне написала? – думал мистер Крейвен. – Потому ли, что эта добрая душа поняла, что мальчику хуже? Что он смертельно болен?» Если бы мистером Крейвеном не овладела странная умиротворённость, он был бы очень несчастен. Но вместе с умиротворённостью в сердце его проникли надежда

и мужество. Вместо того чтобы поддаться мрачным предчувствиям, он старался думать о хорошем.

«Может быть, она полагает, что я смогу им заняться и оказать на него доброе воздействие? – думал он. – Надо заехать к ней по дороге в Мисселт-вейт».

Но когда по пути в имение он остановил свой экипаж у небольшого домика на вересковой пустоши, восьмеро детей, игравших вокруг, отвесили ему восемь учтивых поклонов и сообщили, что матушка рано утром отправилась на тот край пустоши помочь женщине, которая недавно родила. А «наш Дикон», поспешили они добавить, ушёл в господский дом, он там работает в каком-то саду, несколько дней в неделю. Мистер Крейвен окинул взглядом всю честную компанию с их круглыми, краснощёкими рожицами, на которых играли весёлые, но такие разные улыбки, и с удивлением осознал, какие это здоровые и милые дети. Он улыбнулся им в ответ и, вынув из кармана золотой соверен*, подал его Лизбет Эллен, которая была среди них старшей.

– Если его разделить на восьмерых, – сказал мистер Крейвен, – каждому достанется по полкроны.

И он уехал, сопровождаемый улыбками, восклицаниями, реверансами, поклонами и весёлыми прыжками.

Поездка по пустоши его успокоила. Отчего при взгляде на верески его охватило забытое чувство, будто он возвращается домой? Отчего ему были так милы здесь и земля, и небо, и лиловая цветущая пустошь? Отчего на сердце у него потеплело, когда он приблизился к величественному старому дому, где в течение шестисот лет жили его предки? Ведь в последний раз он покинул его, стараясь не думать о запертых комнатах и о мальчике в кровати под парчовым балдахинном. Возможно ли, что он найдёт в сыне какую-то перемену к лучшему и сумеет преодолеть свою неприязнь? А сон был ясный, как наяву, и этот дивный звонкий голос, звавший его: «В саду! В саду!»

«Постараюсь отыскать ключ, – думал мистер Крейвен. – Постараюсь отпереть дверь, хотя и не знаю зачем».

Слуги, которые встретили его по прибытии с подобающей торжественностью, заметили, что выглядит он лучше и что он не удалился сразу, как обычно, в дальние покои в сопровождении Питчера. Мистер Крейвен

* Соверен – золотая монета достоинством в один фунт.

прошёл в библиотеку и послал за миссис Медлок. Она явилась – взволнованная, удивлённая, запыхавшаяся.

– Что мастер Колин, Медлок? – спросил мистер Крейвен.

– Как вам сказать, сэр? – отвечала миссис Медлок. – Он... словом, он изменился.

– К худшему?

Миссис Медлок покраснела и сделала попытку объяснить положение дел.

– Видите ли, сэр, доктор Крейвен, сиделка и я сама – мы никак не можем понять, что с ним происходит.

– Почему же?

– По правде сказать, сэр, мастеру Колину, возможно, лучше, но, возможно, и хуже. Что происходит с аппетитом, сэр, понять нельзя, а его поведение...

– Он стал ещё более... более странным? – спросил, хмуря брови, мистер Крейвен.

– Совершенно верно, сэр. Он стал очень странным... по сравнению с прежним. Раньше он ничего не ел, потом вдруг стал есть, да так, что мы только диву давались, а потом вдруг совсем перестал, просто отсылал всё назад нетронутым. Возможно, вы, сэр, не знали, но раньше он ни за что не соглашался на прогулки. Что мы только не делали, чтобы вывезти его в кресле на свежий воздух, – нет, да и только! Такой крик поднимал, что доктор Крейвен отказывался брать на себя ответственность. А потом вдруг, безо всякого предупреждения, после ужасного припадка, берёт и начинает каждый день выезжать с мисс Мэри на прогулку, а Дикон, сынишка Сьюзен Сауэрби, его возит. К мисс Мэри и к Дикону он очень расположен. Дикон ему ручных зверюшек приносит, и поверите ли, сэр, мастер Колин с утра до ночи проводит под открытым небом!

– А как он выглядит?

– Ах, сэр, если бы он ел как полагается, мы бы подумали, что он полнеет, а так боимся, не пухнет ли? А когда остаётся вдвоём с мисс Мэри, то иногда очень странно смеётся. Раньше-то он вообще никогда не смеялся! Если позволите, доктор Крейвен хочет с вами сейчас же поговорить. Он так озадачен, просто руками разводит.

– А где сейчас мастер Колин? – спросил мистер Крейвен.

– В саду, сэр. Он теперь вечно в саду – и никому не разрешает и близко подходить. Не хочет, чтобы на него смотрели.

Но мистер Крейвен не слышал.

– В саду! – повторил он.

Отослав миссис Медлок, он всё стоял и снова и снова повторял эти слова:

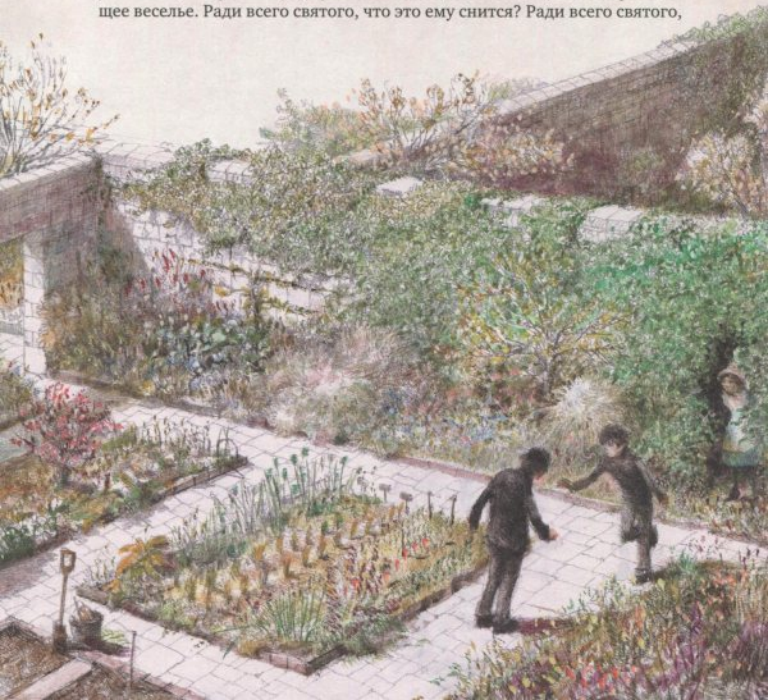
– В саду! В саду!

Наконец он опомнился, огляделся, повернулся и вышел из дому. Как Мэри когда-то, он прошёл сквозь калитку в живой изгороди, а потом меж вечнозелёных кустов и клумб вокруг фонтана. Теперь из фонтана била вода, а на клумбах рдели осенние цветы. Он пересёк лужайку и свернул на Длинную дорожку у заросших плющом стен. Он шёл медленно, не поднимая глаз от земли. Его словно тянуло туда, в сад, где он столько лет не был, но почему – он не мог сказать. По мере приближения он всё больше замедлял шаг. Он помнил, где находится дверка, хотя её и закрывал плющ, но он не знал, где искать ключ... Зарытый в землю ключ.

Он встал и огляделся, но в тот же миг вздрогнул и прислушался. «Уж не снится ли мне это?» – подумалось ему.

Разросшийся плющ густой завесой закрывал дверку, которую десять лет никто не отворял, а между тем в саду слышался шум. Кто-то там бегал, кружил и топал под деревьями, звучали приглушённые голоса, возгласы и еле сдерживаемые радостные крики. Там, кажется, смеялся кто-то совсем юный – так смеются дети, когда стараются, чтобы их не услышали, а через минуту прыскают опять, не в силах одолеть нарастающее веселье. Ради всего святого, что это ему снится? Ради всего святого,

что это он слышит? Или он сходит с ума и внемлет звукам, не предназначенным для слуха смертных? Неужели об этом говорил ему тот далёкий звонкий голос?

А затем настала минута, когда веселье за стеной прорвало все преграды. Вот бегут чьи-то ноги... быстрее, быстрее... приблизились к двери... слышится частое, глубокое, бодрое дыхание... взрыв смеха и криков... Дверца распахнулась, завеса из плюща качнулась в сторону – из сада на всём бегу выскочил мальчик и, не видя, что перед дверкой кто-то стоит, чуть не угодил мистеру Крейвену прямо в объятия.

Мистер Крейвен только успел протянуть к нему руки, чтобы тот не упал с разгона, наткнувшись на него, а когда отодвинулся, чтобы взглянуть на внезапно выскочившего бегуна, то у него перехватило дыхание.

Это был высокий мальчик – высокий и красивый. Жизнь так и била в нём ключом, от бега щёки его пылали. Он отбросил со лба густую прядь волос и поднял необыкновенно серые глаза – глаза, в которых искрился весёлый смех... глаза, окаймлённые густыми чёрными ресницами. От этих глаз у мистера Крейвена и перехватило дыхание.

– Кто это?.. Что?.. Кто?.. – произнёс он, запинаясь.

Этого Колин не ожидал – он строил планы и совсем не так представлял их встречу. Впрочем, встретиться вот так, выиграв состязание в беге, было, пожалуй, ещё лучше. Он выпрямился и поднял голову повыше. Мэри, мчавшаяся за ним, тоже выскочила в дверь. Ей показалось, что Колин вдруг вырос – прямо на глазах он стал выше ростом.

– Отец, – сказал он, – я Колин. Вам трудно этому поверить. Мне тоже. Только я Колин.

Колин, как и миссис Медлок, не понял, почему отец в ответ только быстро произнёс:

– В сад! В сад!

– Да-да, – торопился Колин, – это всё сад... А ещё Мэри, и Дикон, и зверюшки... И конечно, Магия. Никто об этом не знает. Мы скрывали, чтобы сказать вам, когда вы приедете. Я здоров. Когда мы бегаем вперегонки, я могу Мэри обогнать. Я буду спортсменом.

Он говорил так, как говорят здоровые дети: лицо у него пылало, слова от спешки набегали одно на другое. Сердце у мистера Крейвена громко забило от радости – он не верил своим глазам!

Колин протянул руку и коснулся отцовской ладони.

– Вы разве не рады, отец? – заключил он. – Разве не рады? Я буду жить, и жить вечно!

Мистер Крейвен опустил руки на плечи мальчика и замер. С минуту он не решался произнести ни слова.

– Веди меня в сад, мой мальчик, – сказал он наконец. – И всё мне расскажи.

И они повели его в сад.

В саду буйно смешались осенние краски – золотые, лиловые, сиреневые, алые; всюду стояли ряды поздних лилий, белых и красных с белым. Мистер Крейвен с необычайной ясностью вспомнил, как сажали первую из них и говорили, что они распускаются именно поздней осенью. Поздние розы карабкались вверх по стволам и гроздьями свисали повсюду, а солнце золотило желтеющие деревья, так что казалось, будто стоишь в храме под золотым куполом. Мистер Крейвен стоял, не произнося ни звука, как стояли в своё время дети, войдя в сад, где всё было мертво. Снова и снова он обводил сад взглядом.

– Я думал, он мёртв, – произнёс он наконец.

– И Мэри так сначала думала, – отозвался Колин. – Только он ожил!

А потом они уселись под их деревом – все, кроме Колина, которому хотелось рассказывать стоя.

«Такой фантастической истории я никогда не слышал», – подумал Арчибалд Крейвен, слушая торопливый мальчишеский рассказ. Тайны и Магия, лесные зверюшки, странное ночное знакомство, приход весны, оскорблённая гордость, поднявшая юного раджу на ноги назло старому Бену Везерстафу. Крепкая дружба, притворство, великая, тщательно скрываемая тайна... Мистер Крейвен так смеялся, что на глаза у него навёртывались слёзы; впрочем, порой слёзы навёртывались у него на глаза, когда он и не думал смеяться. Спортсмен, Лектор, Учёный Экспериментатор оказался чудесным, смешным и здоровым юнцом.

– А теперь, – сказал Колин в заключение, – это уже не тайна. Они небось перепугаются до смерти, когда меня на ногах увидят, но в кресло я больше ни за что не сяду. Я пойду с вами, отец. Вернёмся в дом вместе!

В обычные дни Бен Везерстаф редко заходил в дом, но на этот раз ему почему-то обязательно нужно было отнести на кухню овощи, и миссис Медлок пригласила его в людскую выпить кружечку пива. Вот так

случилось, что он, как и надеялся, оказался в Мисселтвейт Мэноре, когда там развернулось самое драматическое событие из всех, какие доводилось наблюдать нынешнему поколению.

В одно из окон, выходящих во двор, виднелся край лужайки перед домом. Зная, что Бен пришёл со стороны служб, миссис Медлок надеялась, что он видел мистера Крейвена, а может, ненароком, даже и Колина.

– А их-то вы не видели, Везерстаф? – спросила она.

Бен отнял кружку от рта и отёр губы тыльной стороной ладони.

– Это уж точно, видел, – ответил он многозначительно.

– Обоих? – уточнила миссис Медлок.

– Обоих, – подтвердил Бен Везерстаф. – Благодарю вас, сударыня, я бы, пожалуй, ещё кружечку принял.

– Обоих вместе? – удивилась миссис Медлок и в спешке перелила пиво через край.

– Обоих вместе, сударыня.

Одним глотком Бен осушил половину кружки.

– А мастер Колин где был? Как он выглядел? Что они друг дружке сказали?

– Этого я не слышал, – отвечал Бен, – потому как я с лесенки поверх стены глядел. Но вот что я вам скажу. Там в саду много чего делалось, о чём вы в доме и не подозревали. Скоро вы обо всём узнаете – уж помяните моё слово!

Спустя две минуты он проглотил остатки пива и с важностью указал кружкой в окно, где за живой изгородью виднелась лужайка перед домом.

– Гляньте, если интересуетесь, – бросил он. – Гляньте, кто там идёт по траве.

Миссис Медлок глянула, всплеснула руками и вскрикнула. На крик в людскую сбежались все слуги и служанки, что находились поблизости, кинулись к окнам и вытаращили глаза.

На лужайке шёл хозяин Мисселтвейта, и вид у него был такой весёлый, какого многие из них и не помнили. А рядом с ним с высоко поднятой головой и смеющимися глазами шагала... мастер Колин, здоровый и крепкий, как любой паренёк в Йоркшире.

ОТ ХУДОЖНИКА

Жалею, что в детстве не читал «Таинственный сад». Об этой замечательной повести я узнал, когда наши дочери, прочтя книгу Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт, объявили, что «живут заодно с Мэри», пока она открывает для себя таинственный сад и обретает друзей в поместье Мисселтвейт. И вот, уже в более преклонном возрасте, я удостоился чести иллюстрировать новое издание книги для современных читателей.

Я постарался создать пространство для воображения читателей между рассказом о взрослении Мэри после открытия всеми забытого сада и рисунками растений, отмечающими начало каждой главы. Я использовал старинные изображения растений, а именно сборник, составленный восемью женщинами из семейства Клиффорд в Голстершире, под названием «Флора Фрэмpton-корта». Когда я изучал эту книгу и читал о том, как женщины-авторы помогали друг другу, как строили планы и с какой решительностью их осуществляли, мне это напомнило, как Мэри, Дикон и Колин вместе трудились, возвращая к жизни свой таинственный сад.

Роберт Ингпен

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

БЁРНЕТТ Фрэнсис

ТАИНСТВЕННЫЙ САД

Повесть

Ответственный редактор А.Ю. Бирюкова

Редактор Н.Н. Овчинникова

Художественный редактор Е. Р. Соколов

Технический редактор М. В. Гагарина

Корректоры Т. С. Дмитриева, Т. И. Филиппова, Е. В. Туманова

Вёрстка О. В. Краюшкина

Подписано в печать 15.04.2014. Формат 84x100¹/₁₆.

Гарнитура «Charter». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,74.

Доп. тираж 7000 экз. D-ING-8422-06-R. Заказ № ВЗК-01822-14.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —

обладатель товарного знака Machaon

119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, набережная Робеспьера, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж

ЧП «Издательство «Махаон»

61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

В Харькове:

ЧП «Издательство «Махаон»

Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81

e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано с готового электронного оригинал-макета

в ОАО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати — ВЯТКА»

610033, г. Киров, ул. Московская, 122

